

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:

141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:

8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА
«Ещё поэты живы...»4

Юрий ЛОЩИЦ
Иду и думаю31

Валентин СОРОКИН
Дорога поэта47

Юрий БОГДАНОВ
Святой венец Руси70

Валерий МИХАЙЛОВ
Светильник93

Николай ПОЛОТНЯНКО
Наташкин бор108

Галина БОГАПЕКО
«Стать братом всех людей...»134

Нина ГОЛОВАНОВА
«О былом достоинстве забыто...»143

Инна МУХИНА
Не оскудело сердце нетерпеньем152

Лариса НАЗАРЕНКО
«Что можно ближнему отдать...»160

Павел САВИЛОВ
«Век новой эры уж зарёй алел...»166
(Из цикла «Я о картинах расскажу
стихами»)166

Галина ТАЛАНОВА
«Снова память подводит к той тропке...»174

Раиса ДИДИГОВА
Истинное величие Человека186
Возвысившийся, не роняя чести...187

ПАМЯТЬ

Сергей ЧЕРНЫШЕВ
Бабушка Верушка14

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№1(19) 2016
Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 15.04.16.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 2967.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2016
© Авторы, 2016

ЮБИЛЕЙ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА Насквозь русский	43
Николай ПЕРЕЯСЛОВ Страницы из случайных блокнотов.....	64

ПРОЗА

Дмитрий ХАРИТО Жажда	84
Василий КОЛБИН Ночные страхи.....	104
Илья КРИШТУЛ Рассказы	124
Юлия АЛЕКСАНДРОВА Рассказы.....	138
Владислав КУРАШ Коррида	147
Александр ГАНИН Записки счастливого неудачника.....	155
Ирина ЩЕРВИНА Липовый ангел.....	163
Галина МАМОНТОВА Житие праведного Иоанна Русского в пересказе для детей и взрослых	178

БСПРИСАЖ

Софья ГНИТЕЕВА Отражение	90
--	----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Александр АНДРЮШКИН «Безмолвствовал» ли народ после 1 марта 1881 года?.....	98
Юрий ЯХОНТОВ От славян до славян.....	113

ПУТСВЫЕ ЗАМЕТКИ

Александр АЛИЕВ «Вон уж и Пушкино...»	169
---	-----

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Ощущение неизбежности перемен в существующем миропорядке стало хроническим. По всему миру катится колесо локальных конфликтов разного уровня и общественного звучания. Мировая система, квалифицированно и методично расшатываемая известного рода силами на протяжении последних трёх десятилетий, давно разбалансирована, хотя пока ещё и продолжает работать по инерции. Сегодня мы видим, как стремительно деградирует проект «Европейский Союз» – деградирует прежде всего морально, показывая свою имманентно ложную, лицемерную сущность, но с упорством, достойным лучшего применения, продолжает загонять себя в угол искусственных геополитических схем. Судя по ряду признаков, недалеко время, когда этот проект начнёт действительно рассыпаться – и вот тогда народам, впадшим в соблазн постмодернистских иллюзий, мало не покажется. Сегодня уже видно, как вежливо, но твёрдо дистанцируется практичная Великобритания; ряд других стран подспудно и явно, устами своих граждан, выражает разочарование в прелестях «общего европейского дома». С другой стороны – политически неадекватная украинская власть изо всех сил пытается втащить свою страну в ЕС, т.е. туда, откуда многие мечтают (но уже не могут) сбежать. За всем этим внимательно наблюдают США, добиваясь, чтобы процесс нестабильности, с одной стороны, не замедлялся, а с другой – не выходил из-под их контроля. Здесь же и Сирия, и та же Украина, и многое другое, делающее этот разговор долгим...

В этих условиях Россия продолжает твёрдо и последовательно отстаивать свои интересы и своё место в современном мире. Крепнет, несмотря на объективные внутренние проблемы, российское общенациональное самосознание, спланивается наш народ перед лицом великого общего будущего. Россия может явить альтернативу существующему мировому порядку, основанную на высоких принципах духовного братства и мирного сосуществования народов. Эти принципы успешно и плодотворно реализовывались в Советском Союзе, эти принципы разделяет журнал «ВЕЛИКОРОССЪ».

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА

Людмила Васильевна Щипахина – поэт, член Московской городской организации СП России. Родилась на Урале, в Екатеринбурге. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор более тридцати книг стихов и полтора десятка книг переводов с языков народов СССР. Секретарь Правления Международной Ассоциации писателей баталлистов и маринистов. Член Исполкома Международного Сообщества писательских Союзов, Лауреат литературной премии им. Константина Симонова. Награждена орденами – «Дружба народов» и «Знак почёта», медалями. На стихи Людмилы Щипахиной написаны песни в содружестве с композиторами – Людмилой Лядовой, Вадимом Орловецким, Эдуардом Колмановским.

Живёт в Москве.

«Ещё поэты живы...»

Неправда, что я далеко
От взрывов смертельных и боли.
Меня уничтожить легко
И в тихой, домашней неволе...

Не зря, как незримая тень,
Я, словно дежурю у пульта...
Почти что – живая мишень.
Почти что – на грани инсульта.

И, если пока повезло,
И спрятана чёрная метка,
Мы знаем, вселенское зло
Работает чётко и метко.

И как безутешную мать,
Рвёт сердце глухая забота:
В Синайской пустыне искать
Забывшую тень самолёта...

Пускай никого не спасти.
В песках, где чернеет воронка,
Но можно к губам поднести
Остывшую руку ребёнка...

И снова от боли кричу.
И снова – всемирная драма.
И вновь зажигаю свечу
На скорбной плите Нотр-Дама...

Найти меня в мире легко
По флагу, слезам и одежде...
...Не верьте, что я далеко.
Я, может быть, ближе, чем прежде.

Ещё поэты живы...

Не сейте страх и ужас!..
Отечество – нетленно.
Хоть мы сейчас и в луже,
Она – не по колено.

Ещё в запасе щедром
Весомом, зримом, грубом –
Земля, вода, и недра.
И нефть течёт по трубам...

Пусть натиск бед неистов,
Вольготно либералу, –
Ещё не все марксисты
Продались капиталу.

Судьбы святые нити –
Не цепи обречённых...
Ещё в пылу открытий
Усилия учёных.

А времена банкротов
Пребудут чёрной былью...
Ещё у патриотов
Не опустились крылья!

Сквозь век, глухой и лживый,
Прорвёмся понемногу!
...Ещё поэты живы,
Чтоб осветить дорогу.

Имитация

Не дивимся больше чуду,
А живём среди него...
Имитация – повсюду.
Имитация – всего...

Имитация работы
В Думе, в офисе, кругом...
Имитация заботы
О народе дорогом.

Ей везде – простор и место.
Ей неведом стыд и страх.
Имитация протеста
На весёлых площадях.

То ли жизни нашей вежа,
Коль надежды больше нет?..
Имитация – успеха.
Имитация – побед.

Чем терпение измерим
В злых превратностях судьбы?
Имитацией – что верим.
Что покорны, как рабы...

Год литературы...

Ни конкурса и ни полемики...
И я плюю через плечо!
«Купите званье академика!»
Мне предлагают горячо.

И что-то жалкое шевелится
В глубинах творческой груди...
Наверно, надо раскошелиться,
И будет слава впереди!..

И мучиться не буду муками.
В литературе – как в бою!
Потом – похвастаюсь в фейсбуке я.
«Награду» выложу свою...

Ах, как скорблю, что не богата я!
Но есть же кой-какой талант...
Нет, не срублю «Лауреата» я!
Куплю признание – «номинант»...

Считаю жалкие копейки.
Не заплатить, не согрешить...
Сижу на запасной скамейке.
Кумекаю, как дальше жить...

Ах, если бы, сквозь дни надменные
Пришло признание и хвала!..
Мечты крутые! Современные!..
...Но не мечтай, раз нет бобла!..

Провидение

Бывает, что, порой, в недобрый час
Тревожит что-то и пугает нас...
И впрямь, лишь время краткое пройдёт, –
То дом сторит, то рухнет самолёт.

Напряжены учёные умы:
Что будет с нами – посреди зимы?
Кто на кого готовится напасть?
И до весны – удержится ли власть?

Убогих аналитиков – вагон!
И домыслы, и ложь со всех сторон.
Вопросы в пустоту наперебой:
Что будет с государством и с тобой?

В клочки не распадётся ли страна?
И так ли заграница нам страшна?
Немирный атом не взорвёт ли Свет?
Никто не знает... Знает лишь поэт!..

Предчувствие, предвестие его
Вернее и надёжнее всего...
Он выручал и выручит опять..
Поэт – пророк. Сумейте лишь понять...

Жива интеллигенция...

Если нет важнее подвига,
Чем борьба – за каравай,
То культура, просто, по-фигу,
Лишь – валюту подавай!

Преференции, субвенции...
Разворуют, всё равно.
Но – жива интеллигенция!
Не гнилая. Не «говно».

Охранитель духа кровного,
Страж в наследстве дорогом.
Нищим днём не обворована,
Не убита бардаком.

И, кормясь святою пищею,
Не коря свою судьбу,
Эти доблестные нищие
Держат правду на горбу.

Хоть повсюду отупение
И проплаченный почёт, –
Но загадка русских гениев
В жилах праведных течёт!

Свет талантов, мудрость книжников
Не исчезнут никогда.
...Без поэтов и подвижников
Мир – не общность. А – орда!

Наш самолёт

Летит наш ветхий самолёт...
Куда? Не знаем сами.
Кто длит бессмысленный полёт,
И правит небесами?

Летим, раскачивая мир.
Не тормозим в запретах.
Но экипаж и командир –
В спасательных жилетах...

Людские судьбы, груз забот,
Надежды и мученья –
Несёт, несёт наш самолёт
Без пункта назначенья...

Последние мужчины

Последние мужчины –
Поэзия среди прозы...
Без видимой причины,
Порой, нам дарят розы.

Не ведая корысти
И не во имя жеста, –
Последние мужчины
Нам уступают место...

И не застольным тостом,
А, просто, без причины –
Нас греют добрым словом
Последние мужчины...

Чтоб снять пред нами шляпу
И уступить дорогу, –
Последние мужчины
Есть в мире, слава Богу!

И пусть вокруг немало
Коллег, сограждан славных, –
Последние мужчины
Себе не знают равных!

Дай Бог им лет предолгих!
Осенних дней и летних...
Последние мужчины –
Друзья не из последних!

Светлы их юбилеи.
Горьки их годовщины...
Всё реже рядом с нами
Последние мужчины.

Всё резче их морщины,
Безжалостней природа...
Последние мужчины –
Из РЫЦАРСКОГО РОДА!

Опять безвинная вина
С тяжёлым комплексом печали...
Опять – смертельная война!
Убили! Подожгли! Взорвали!..

Великовозрастный солдат,
И я встаю на поле битвы...
Оружие – не автомат,
А рифмы, ритмы и молитвы...

И думаю, что я – герой!
Что на груди моей – медали!
Я – на Четвёртой мировой!
А – Третья?
Третью – проиграли...

Наше правосудие

В тенётах бытия,
В смертельной схватке будней,
Подкупленный судья –
Нет личности паскудной.

Когда ликует вор,
От приговора млея,
Продажный прокурор –
Нет должности подлее.

Прикрыть, пригреть, украсть,
И наградить, порою...
Олигархата власть –
Нет ненавистней строя!

За трусость в битвах дня,
За тяжкий грех распада, –
Судите и меня!..
...Амнистии – не надо!

Не прощайте меня

В дни тревог, уходящие в вечность,
В мирных буднях, добытых в бою,
Не прощайте меня за беспечность,
За неправду и трусость мою.

Никакого прощенья не стою
В этот век беспощадно-лихой,
Раз живу, притворяясь слепую.
И молчу, притворяясь глухой.

Не прощай меня, мама родная,
Раз весь мир вдохновенно любя,
И о горестях будней рыдая,
Я, порой, забывала тебя...

Не прощайте, что в веке суровом
Боязливо я лиру несла.
Никого не ободрила словом.
Никого от беды не спасла.

Глохнет в грохоте робкий мой голос.
Зло лютует, в грехи нас клоня.
Не прощайте коварство и подлость!
...И не надо – прощёного дня.

Фотоаппарату

На всё, чем этот мир богат,
(По сути – мир теней и света)
Прищурься, фотоаппарат,
И зафиксируй суть предмета...

Реальный факт, а не кураж,
Миг, остановленный на годы..
Сюжетом может быть пейзаж,
Заплаканный от непогоды.

Срывающийся с гор поток.
И путник, одолевший вьюгу..
Сюжетом может быть вещдок,
Разоблачающий воруго.

Ты факт – событиям мировым,
И каждый кадр – живой осколок.
Ты интеллектом цифровым
Владеешь лучше, чем психолог.

Разоблачишь, чьи очи лгут.
Чьи губы – не созвучны слогу..
...И потому, за честный труд
Всегда беру тебя в дорогу!

Твой гость

Я пришла. Твой непрошенный гость.
Мне отрадно в заветном доме.
Ореол я повешу на гвоздь
И эфирные крылья сниму.

Долгой жизни короткая весть.
Выплеск огненный кратких минут.
Где покаяться, если не здесь?
Где расплакаться, если не тут?

Не войду ни в какую игру..
Просто грустно и радостно мне.
Отдышусь, улыбнусь и замру,
Прикоснувшись к твоей седине.

Ничего нам теперь не грозит..
Посижу и уйду не спеша.
Просто, скажет недолгий визит,
Что ещё не пропала душа...

Чинуши

Ах, чинуши, ваши дети
У народа на примете..
Чьей рукой они ведомы?

Все сегодня – замы, помы...
И за дальним, за бугром
Есть у них – и стол, и дом.

Ах, чинуши, ваши жёны
Бизнесменством заряжены.
Все с талантом небывалым.
Все владеют капиталом.
Тоже вьются у корыта.
Всё, конечно, шито-крыто.

Ах, чинуши, ваши шлюхи
Распускают всюду слухи,
Про богатые подарки,
Бриллианты, иномарки...
Щедрость ваша – безгранична.
Всё в ажуре, всё отлично!

Ах, чинуши, ваши души
Всё же – вечно алчность душит.
Не закроет вас забрало.
Всё вам – мало, мало, мало...
...Мало – срока и тюрьмы!
Позаботимся и мы.

Импортозамещение...

Сбились с толку мы немножко:
Импортируем давно
Из Израиля – картошку,
А из Африки – зерно.

Зарабатывать скорее
Обязуется минфин.
Авто-мото – из Кореи
И лекарства – из Афин...

Заменить бы эти мысли –
Инвалютную беду!..
Эти «Нэсли» эти «Мюсли» –
На российскую еду!

И не мазать чёрной краской,
Что нам издревле дано...
Заменить на наши сказки
Все ужастики в кино!

А ленивых и богатых
Учредителей идей,
Заменить бы депутатов
На порядочных людей...

И очнувшись, и раскаясь,
Горько чувствуя вину,
Заменить бы этот хаос
На Советскую страну!...

Молитва не нищих...

«Утоли наши, Отче, печали...
Мы страдаем. Хоть не обнищали...
Есть крутые доходы, и крыша.
Есть карьера на месте, и – выше!

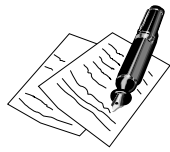
Мы о Вечном, Святом – забываем.
Мы давно от морали – зеваем...
Оправданья богатству не ищем.
...Ну, а втайне – завидуем нищим!

Знаем, власть капитала – не вечна.
Мы их, нищих, боимся, конечно.
Мы устали дежурить на страже...
Мы им, нищим, завидуем даже!

Нас лелеет и чтит государство.
А у них – всё Небесное царство,
А не эти валютные крохи...
Нищий – символ и совесть эпохи!

Мы в богатстве грешны и преступны:
Вороваты, коварны, подкупны.
Но законы Небес совершенны:
Только «нищие духом» – блаженны!»

ПАМЯТЬ

Бабушка Верушка

«Девочка с персиками»: так кто же эта русская Джоконда, за что народ полюбил картину? Сегодня мы предоставляем слово её внуку.

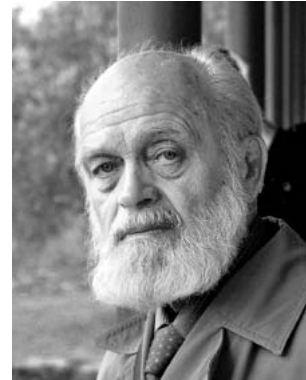
Среди картин русских художников немало хрестоматийных произведений. По временам то одна, то другая из них становятся самой любимой. То «Богатыри» В.М. Васнецова, то «Утро в сосновом бору» И.И. Шишкина занимают место на обложках учебников и конфетных коробках. Сейчас, кажется, выдвинулась вперёд серовская «Девочка с персиками».

Портрет В.С. Мамонтовой, получивший в советское время удачное название «Девочка с персиками» от И.Э. Грабаря, был написан в Абрамцево и является одним из лучших выражений сути Абрамцевского Мамонтовского художественного

«Девочка с персиками». В.А. Серов. 1887 г.
Государственная Третьяковская Галерея.

Сергей ЧЕРНЫШЕВ

Сергей Николаевич Чернышев – профессор двух московских университетов – строительного (МГСУ) и православного гуманитарного (ПСТГУ), доктор геолого-минералогических наук. Преподаёт экологию и инженерную геологию в университетах и Закон Божий в воскресной школе. Окончил Московский геолого-разведочный институт (1959) и Православный Свято-Тихоновский институт (1994). Родился в Москве в старомосковской православной семье в 1936 г. Работал на стройках Сибири, Средней Азии, Ирана, Монголии геологом-испытателем. С 1970-х гг. включился в работу по охране и реставрации памятников истории и культуры. Член ЦС ВООПИиК, Научно-методического совета Министерства Культуры. За педагогическую и реставрационную деятельность награждён орденом и медалью Московской Патриархии.

Живёт в Москве.

кружка. В Абрамцево сплелись два направления русской культуры – славянофильское и западничество. Демократ В.Д. Поленов здесь работал в содружестве со славянофилом и монархистом В.М. Васнецовым. Петербуржец В.Д. Поленов за годы пребывания в Европе после окончания Академии художеств совсем стал западником, писал на французские темы картины «Право господина», «Стрекоза», «Арест гугенотки». В Абрамцево он получил прививку национального духа при постройке церкви. Под влиянием абрамцевской среды написал «Московский дворик» – один из общепризнанных шедевров русской живописи, но западником и демократом оставался до конца жизни. В.М. Васнецов пришёл в Абрамцево с идеями разночинцев, по сути своей западными. В Абрамцево он создал глубоко русские полотна «Алёнушка», «Богатырей», тесно сотрудничал с В.Д. Поленовым. Непротиворечиво объединялись у Мамонтовых два направления в домашних спектаклях и затем в Частной опере. Эти полярные направления нашей культуры объединил в своём творчестве А.С. Пушкин, создав Маленькие трагедии и Сказки.

Они соединились и в работе В.А. Серова, абрамцевского воспитанника, который равно впитал в себя веяния Европы и русский дух (стиль жизни), такой сильный в хозяйке Абрамцева Е.Г. Мамонтовой, воспитывавшей его вместе со своими сыновьями. Европу он с детства хорошо знал, живя там подолгу с матерью и обучаясь рисунку и живописи.

В.А. Серов в 1887 году, не имея представления о зарождающемся во Франции импрессионизме, создал свой шедевр импрессионистический по форме и чисто русский по содержанию. В нём чередование мазков разного цвета при изображении розовой кофты, белой стены, зелёной листвы почти неповторимо. Оно создаёт труднейшую задачу для копииста. Потому есть только одна с Божией помощью и в любви к людям созданная копия «Портрета Верушки», как называли работу «Антоня» пока она находилась «дома», в Абрамцево. Копия эта создана Татианой Викторовной Васнецовой в своём доме, где сейчас музей В.М. Васнецова. Она написала её для своей подруги А.С. Мамонтовой, которой принадлежала серовская работа. Когда Портрет был объявлен И.Э. Грабарём национальным достоянием, вскоре последовала конфискация под видом покупки.

Содержание картины оптимистично, радостно, без теней. Оптимизм – свойство древнего русского искусства, о котором говорил мне Д.С. Лихачёв. Такова житийная литература и Сказания о Мамаевом побоище, о Петре и Февронии. Так, по-видимому, написал Н.В. Гоголь второй том своей поэмы. Не так писали французы. У них всегда присутствует нота тоски, печали или сожаления о качествах натуры. Девочка на шаре изящна, легка, радуется, но её неустойчивое балансирование вселяет беспокойство о её будущем – ближайшем («А вдруг упадёт!») и отдалённом («Как она, эта циркачка без поддержки пройдёт по жизни?»). Девочка Серова прочно опирается на стол, хорошо одета, перед ней фрукты. Прочную уверенность в будущем рождает композиция картины. Свет из окна в затылок не мешает девочке. Всё для неё удобно, она у себя дома. Она ещё в том возрасте, когда изнутри не беспокоят мысли и чувства. Лицо без глубоких теней спокойно, рождает в нас радость, любовь и благодарность юному художнику. Анри Матисс изучал православные иконы и использовал в своих работах вековые наработки иконописцев. В.А. Серов предвосхитил его, создав произведение без глубокой перспективы с лицом на фоне света, с фронтально расположенной фигурой, яркого радостного колорита. Позже В.А. Серов написал портрет императора Николая II также в

позе с руками, положенными на стол, также в четверть оборота направо при повороте головы к зрителю влево. Это поза покоя. В «Портрете Верушки» покой подчёркнут тем, что она свободно сидит прямо. Царь чуть двинут вперёд, навстречу людям. Служение его не было самоутверждением на троне, что характерно для первого царя Иоанна IV и показано в скульптуре М.М. Антокольского «Иван Грозный». Николай II служил стране и её людям. Позы портретируемых настолько схожи, что кажется, В.А. Серов при написании позднего портрета сознательно использовал опыт своего юношеского шедевра.

«Девочка с персиками» и раньше была популярна. Ещё в начале 1960-х годов, когда я начинал свою профессиональную жизнь в Ангарской экспедиции Гидропроекта в городе Братске, в его районе Осиновка овощной магазин украшало панно, лентой протянутое над полками с товаром. В центре его была темноволосая девочка в розовой кофточке, перед ней персики, рядом яблоки, сливы, груши, а дальше дыни, арбузы, кочаны капусты, свёкла, морковь... Меня несколько коробила такая вольная переработка шедевра. Воспитанный в музее В.Д. Поленова я с трепетом привык относиться к каждому авторскому мазку. Но с другой стороны было приятно, приходя за картошкой и луком, в юном городе строителей Братской ГЭС встречать свою бабушку на этом произведении сибирского Пироманишвили. Я её не видел. Она умерла, когда её дочери, а моей матери было 2 с небольшим года. Панно свидетельствовало мне, что картина В.А. Серова стала народной. Бетонщики, шофёры, продавщицы, табельщицы, населявшие Братск, оказывается знали и любили её.

Так кто же эта русская Джоконда, за что народ полюбил картину?

Наверно, не только за то, как художник изобразил свет и воздух начала летнего дня. Что-то народное есть в самой девочке, как в васнецовской Алёнушке и толстовской Наташе.

Дети, по выражению П.А. Флоренского¹, бутоны, в которых запрограммирована будущая личность. В.А. Серов в портрете 12-летней девочки Веры Мамонтовой показал нам свежий, начавший распускаться бутон, в портрете читаются черты будущего характера. За короткую жизнь она успела совершить всё, что было положено женщине её времени и её круга. Она была послушная дочь, любящая сестра, тоскующая невеста, верная жена, заботливая мать, искусная вышивальщица. Проследим её жизнь по строкам сохранившихся писем и страницам воспоминаний.

Сё родители, Савва Иванович и Елизавета Григорьевна Мамонтовы в юности были подняты на высоту духа национальным движением шестидесятых годов XIX века, когда лучшие люди страны глубоко переживали тяжёлое положение Родины, бесправие крестьян, слабость экономики в сравнении с Европой, как всегда оказывавшей культурное, экономическое, военное давление на нашу страну. Савва Иванович порывался стать народником, но они

вместе с Елизаветой Григорьевной нашли другой путь строительства новой России, указанный их старшими наставниками Ф.В. Чижовым и И.Ф. Мамонтовым. Савва Иванович строил по их и своему плану экономику страны на просторах от Архангельска до Таганрога и от Санкт-Петербурга до Иркутска. Этот план имел принципиальное сходство с советскими планами первых пятилеток. Вместе родители Веры создавали мамонтовский художественный кружок – академию новой русской культуры. Инициативой и трудом Елизаветы Григорьевны кружок стал не только объединением профессионалов-художников, но и объединением их семей. Это была община, в которой вместе творили, вместе воспитывали детей, вместе отдыхали, играя с детьми и предаваясь дилетантским опытам в самых разных областях искусства – архитектуре, театре, композиции, музыкальном (вокальном и инструментальном) исполнительстве, художественных ремёслах: гончарном, столярном, вышивке. Из дилетантских опытов безмерно талантливых участников кружка вскоре выросли и окрепли новые вполне профессиональные направления в искусстве. Пока отец строил железные дороги и заводы тяжёлой индустрии по России, мать Веры выстроила инфраструктуру малой родины вокруг своего имения и тем объединила крестьян соседних деревень, удержала их на месте в эпоху пролетаризации центральной России. Она создала школу, церковь, медицинский пункт, художественные мастерские – всё, что необходимо для жизни крестьянской семьи на земле.

Вследствие этого Абрамцево с малой округой в 1917 году оставалось островом спокойствия в бушующем революционном море.

Вера вместе с младшей сестрой Александрой росла в обстановке бурной патриотической деятельности родителей и их многочисленных друзей. Елизавета Григорьевна сама воспитывала и учила девочек, не отпуская их ни на шаг. Со старшими братьями девочек у неё воспитывался и Валентин Серов, которого мать Валентина Семёновна надолго оставляла в Абрамцево.

Е.Г. Мамонтова с дочерьми Александрой и Верой (справа). 1884 г.
Собрание С. Н. Чернышева.

¹ Чернышев С.Н. Александра Саввишна Мамонтова – создатель и первый хранитель музея Абрамцево. «Явлутор городок». Историко-краеведческий альманах. Вып. 8. Издание ГАУК Тюменской области «Ялуторовский музейный комплекс». Тюменский издательский дом ТИД, Ялуторовск. 2013, с. 30-41.

Влияние Елизаветы Григорьевны на будущего художника было велико. Когда она скончалась, 40-летний Валентин Александрович, глубоко переживая её уход, написал в письме, что она дорога ему, как мать. В весёлой компании многим переименовывали имена, давали безобидные прозвища. Серова называли не иначе как Антон, имя Веры было преобразовано в Верушка с ударением на первый слог, что придавало ему ласкательный оттенок вместо пренебрежительного при ударе на втором слоге. А вот младшую сестрёнку звали просто Шура и даже Шурка, только Виктор Михайлович Васнецов и его дети называли её Шуренька. Картины детства, отрочества, девичества Верушки встают зримо перед нами из писем. Вот как пишет Елизавета Григорьевна своей двоюродной сестре Наталье Васильевне Поленовой:

«Наше житьё бытё идёт совсем хорошо, так, как я люблю. По утрам мы все заняты каждый своим делом. Я занимаюсь с Дрюшей (средний сын Андрей – С.Ч.) и Верушкой, читаю.

Сергей (старший сын – С.Ч.) это время нас очень радует. Он написал пьесу и теперь ставит её, но написал очень мило, прямо талантливо. Сюжет взят из жизни бояр времён Иоанна Грозного. Теперь у нас каждый вечер репетиции, в конце недели будет представление. Лучшими актёрами оказываются Дрюша и Верушка (6 лет – С.Ч.)»¹.

«В воскресенье ... мальчики охотились почти целый день. Дрюшка даже чуть не убил зайца, только от волнения не мог выстрелить, а когда заяц ушёл, он разрыдался. Охотились они в Золотиловском лесу, куда и я с девочками ездила, мы им возили завтрак к леснику в сторожку. Чудесный лес и мы славно погуляли, с нами была также Арцыбушева и Аполлинарий Михайлович (Васнецов – С.Ч.). ... Я с девочками собрала целую охапку кленовых листьев, замечательных по разнообразию колеров, чудо какие красивые»².

А вот письма из поездки по Европе – Италии, Швейцарии, Германии:

«Верушка что-то совсем закислолась, так что я начала беспокоиться, жаловалась на боль в боку и все её рвало. (Она в детстве много болела – корь, коклюш, воспаление лёгких, брюшной тиф и др. – С.Ч.) Мы её уложили и натёрли тёплым, она ночь хорошо спала и теперь кажется ничего, встала и весела. Надеюсь, что так пройдёт. Днём вчера мы были опять в Музее, опять смотрели помпейское отделение. Больше никуда нельзя было отправиться, потому что уже опять пошёл дождь и поднялся холодный ветер, такой холодный, что мы совсем замёрзли, только согрелись чаем»³.

«До сих пор наше путешествие идёт как по писаному, всё нам благоприятствует. В Лучано мы провели три дня отлично, погода была идеальная, природа, действующая успокоительно, и кроме природы ничего. Вера там заметно поправилась, так что и к маслу не было нужды прибегать, совсем молодцом. Дорога от Лучано до Базеля ... постоянно открывает неожиданные чудные виды, сколько водопадов, а туннели такие, даже вспомнить страшно, я ничего подобного и представить себе не могла.

Два или три туннеля идут в горы винтообразно. У всех вагонов первого класса есть балконы, на которых мы всё время и стояли. В Базель прибыли

¹ Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. Абрамцево. 27.VII.1881. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

² Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. Абрамцево. 12.IX.1883. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

³ Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. Неаполь. 11.III.1884. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

вечером... остановились в гостинице “Trois Rois”, и эти три короля, сделанные из дерева и поставленные над входом, совсем победили Шурку (6 лет – С.Ч.), её нельзя было оттащить от них, весь вечер о них толковала и утром, как проснулась, стала проситься опять на улицу их посмотреть»¹.

И снова Абрамцево:

«Я всю эту неделю исключая воскресенье, жила одна с ребятами. Савва приезжал только два раза и то с последним поездом. <...> Общую жизнь мою с ребятами наладила совсем хорошо, живём по расписанию. С 9 до 11 занимаюсь с девочками, тут и работаем и учимся, все вместе. Когда М-ле Рапу здесь, я на эти часы уходила в школу. В 11 часов ко мне приходит Дрюша, и мы занимаемся с ним историей и географией до обеда, принимаюсь теперь за Грецию. В 1 час обедаем. После обеда сейчас садимся за рисование, рисуем по случаю дождей постановки. Рисуем до 3, до чаю, после которого идём гулять или на лодку всей компанией. Гуляем часа два. В 7 ужинаем, после ужина дети обыкновенно играют на дворе. В 9 девочки уходят спать, а я с мальчиками ещё пару часов до 11 читаем или так болтаем. Вот тебе наш день. Одним словом, машина в полном ходу, ужасно рада, что мне удалось завести её как следует, как дальше пойдёт – это другой вопрос. Рада я также очень, что мне пришлось опять заняться здешней школой, а то она меня немало смущала...»².

«Начало недели у нас прошло в полной тишине и покое, мальчиков не было... В четверг возвратились мальчики и, кажется, все были очень рады опять попасть домой, особенно Антон (В.А. Серов – С.Ч.), они в Кирееве (имение брата Саввы Ивановича – С.Ч.) поскучались, говорят что всё время ходили из угла в угол, не зная что делать. Принимаюсь мы с Дрюшей за нашу мучительницу географию. Он чертит большую карту Европы. Сергей

¹ Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. 29 IV 1884. Штутгарт. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

² Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. 7.VI.1884. Абрамцево. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

С.И. Мамонтов с дочерьми Александрой и Верой (справа). 1884 г. Собрание С.Н. Чернышева.

теперь всё ходит с ружьём и мало что-то думает о своём сочинении. С девочками мы много хозяйничаем, собираем ягоды, варим варенье и т.д. Вера (9 лет – С.Ч.), конечно, собирается вязать башмачки (для ожидаемого ребёнка В.Д. и Н.В. Поленовых – С.Ч.) и говорит: «Почему-то мне кажется, что у Наташи непременно будет мальчик, а мне больше хотелось бы девочку» ... Шурка (6 лет – С.Ч.) на это глубокомысленно замечает: «Нет, мальчик лучше»¹.

«Съездили мы в Ростов и Ярославль отлично ... Ездили мы четвером, брали с собой Дрюшу и Веру. В Ростове провели от пяти утра, до четырёх дня. Осмотрели весь Кремль подробно, много зарисовали материала, для нашего производства. Были в Музее... побродили ещё по Гостиному двору и затем отправились с товарным поездом в Ярославль... Вообще мы относительно удобств попали в очень невыгодное время. Всё и вся готовится к принятию В[еликого] К[нязя] Владимира Александровича, чистят, моют, красят. Беспорядок везде ужасный. В Ростове на станции мы совсем были без пристанища. В Ярославле спали между красок и сору. Ночью была сильная гроза, одна Вера отлично спала ... В десять вечера отправились обратно домой и вчера утром в 7 приехали в Хотьков, усталые, грязные, но очень довольные. Нас ждала готовая баня»².

«Вера просит тебе передать, что она выучилась плавать и будет у тебя плавать в реке и что она теперь ходит в рязанской рубашке и пестрядинном фартуке»³.

«Коклюш наш совсем прошёл, хотя девочки всё ещё покашливают. Шура больше, чем Вера, но это простой кашель, поддерживаемый сырой погодой. После Веры никто не заболел, хотя все дети постоянно вместе. <...> С Верой Алексеевной (Репиной – С.Ч.) живём мы душа в душу... Дети её славные, к моим девочкам очень подходящие, устроили мы общие занятия, чтения, а про игры и прогулки и говорить нечего. Живёт ещё у меня в школе Серова с дочерью. К ней все девочки ходят петь, она устроила хоровое пение»⁴.

«Прошла половина срока нашего житья в Риме и если оглянуться на прожитое, то могу сказать, что я положительно рада, что решилась уехать на зиму из России и приехать сюда. Во-первых, мы отдохнули от болезней, одолевших нас совсем прошлый год. Во-вторых, уж очень хорошая жизнь сложилась здесь для девочек, особенно для Веры (13 лет – С.Ч.), которая заметно начинает принимать осмысленное участие в окружающей жизни. Занимается она с наслаждением и на музыке почувствовала первый раз осязательно удовольствие успеха, достигнутого усиленной и скучной работой, преодолеть которую нужно было с немалым терпением. Итальянский язык идёт у них тоже хорошо, они всё понимают и могут свободно объясняться. <...> Очень у нас здесь для них подходящая компания – всё молодёжь и хорошая молодёжь. Все они так довольны, что нашли

уголок, где можно собираться, что в благодарность все стараются поделиться своими знаниями с девочками, а мне это очень на руку. Все вечера у них проходят теперь в добровольных занятиях. Два вечера в неделю они лепят с Беклемишевым, два вечера рисуют с Киселёвым. <...> А после занятий они часто всей компанией отправляются в аллею к французской Академии, побегать и поиграть в горелки. Киселёв ужасный чудак, наивный донельзя и, когда он приходит, то у них всегда больше веселье, он у них совершенная нянюшка, смотрит, чтобы они вовремя надели платки, не упали бы и т.д.»¹.

Теперь дадим слово самой Вере Мамонтовой. Ей 16 лет. О своей жизни она пишет брату Андрею в Киев, где тот работает с В.М. Васнецовым над росписями Владимирского собора; она пишет о своих занятиях, играх, прогулках, о лошадях, которых она любила. Очень любил их и В.А. Серов. «Особую любовь с детских лет чувствовал он к лошадям и вообще к живым существам. <...> Он ещё ребенком был очень смелым наездником, прекрасно сидел верхом»². Любовь к лошадям, живость обоих характеров скрепляла дружбу Антона и Верушки. В.А. Серов написал её в отроческом возрасте, в 12 лет. Она согласилась ему позировать по дружбе и из послушания старшему, он был старше на 10 лет. Самый старший из её братьев Сергей был на два года моложе Валентина Александровича. Когда они познакомились в Абрамцеве, одному было 8, другому 10 лет. Сергей Саввич в воспоминаниях о периоде знакомства с В.А. Серовым в Абрамцеве пишет: «Я всегда всецело подчинялся его инициативе»³.

Таков был порядок в абрамцевской детской компании. Верушка пишет брату:

«Ты спрашиваешь: что лошади? Они все здоровы. Папа подарил мне новую лошадь, карабаха, но он не похож ни на Зилана, ни на Басана. Зовут его Гудал. Он большой, очень толстый золотисто-гнедой, смиренный необыкновенно. Теперь на Костроме я почти не езжу. Но она не стоит. На ней ездит то Врубель, то Любьяна. Верхом я езжу очень много, почти каждый день»⁴.

«В субботу вечером были танцы, учили менуэт, только всё кавалеров не хватает. Ваня отказался, Сашок не приехал, просто беда, кавалеров совсем мало... Менуэт гораздо труднее прежних танцев. Все ужасно не грациозны, особенно кавалеры»⁵.

«Был у нас урок истории, очень интересный, про Иоанна III»⁶.

¹ Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. 31.I.1888. Рим. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

² Мамонтов С.С. Воспоминания о В.А. Серове. В.А. Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 1. Ленинград. Художник РСФСР. С 163-174.

³ Там же.

⁴ В.С. Мамонтова к А.С. Мамонтову. Москва. 13.VI.1891. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

⁵ В.С. Мамонтова к А.С. Мамонтову. Москва. 21.I.1891. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

⁶ В.С. Мамонтова к А.С. Мамонтову. Москва. 28.I.1891. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

¹ Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. 14.VII.1884. Абрамцево. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

² Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. 01.VI.1885. Абрамцево. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

³ Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. 24.VI.1885. Абрамцево. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

⁴ Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. 27.VI.1887. Абрамцево. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

Пора отрочества уходит. В 1895 году Вере исполняется 20 лет. Она сопровождает матери в широкой благотворительности. Эти дела приводят мать и дочь в дом состоятельных дворян Самариных, которые ведут род от боярина воеводы Нестора Рябца, переехавшего около 1300 г. на службу к ещё совсем слабому Московскому князю от короля Галицкого Льва Даниловича с дружиной из 1700 человек, очевидно по тем же причинам, по которым сейчас Донбасс уходит от современной Украины. Самарины один из древнейших и знатнейших дворянских родов древней Москвы, славянофилы, люди глубокой религиозной и литературной культуры, консервативные хранители православия и самодержавия. Их предки стояли у трона первых московских Рюриковичей, а также Дмитрия Донского, Петра I, Петра III, Александра II. Одному из младших Самариных, Александру Дмитриевичу, ровеснику наследника цесаревича Николая через 20 лет предстояло стать сотрудником императора Николая II. Мамонтовы из другой среды, из другого сословия, и никогда бы им не сидеть за одним столом с Самаринными, но интересы благотворительности и состоятельность обеих семей на какое-то время сближают их. Серьёзная, хорошо образованная, скромная девушка Вера Мамонтова по уму, глубине

христианской веры, чувству прекрасного вписывается в среду самаринской молодёжи. У неё устанавливаются дружеские отношения с младшей из дочерей Самариных Анной Дмитриевной. С годами она сближается с её братом Александром Дмитриевичем. Об этой поре Е.Г. Мамонтова пишет своей родственнице и подруге Н.В. Поленовой:

«У нас зима прошла очень живо. Меня кроме моих обычных дел очень занимали наши новые городские Попечительства, дело стоящее на правильной почве и несомненно могущее принести много пользы. У Веры зима сложилась тоже очень хорошо. Лекции, которые у нас читал Виноградов, были очень удачны. Он заставил много поработать, много почитать, а главное писать сочинения на темы, которые значительно расширили

В.М. Васнецов. Портрет В.С. Мамонтовой. 1896 г. Музей заповедник «Абрамцево».

горизонт мысли. Слушало 12 человек, значит, и товарищество было большое. Ближе всех Вера сошлась с Аней Самариной, они вместе составляли лекции и брали обыкновенно одну тему для сочинений»¹.

Внутренний мир и внешний облик Веры Саввишны в этот период раскрывает нам близкий друг Елизаветы Григорьевны и её дочерей В.М. Васнецов. Сохранились его письма к Вере Саввишне и портрет, написанный в 1896 году. По семейному преданию, Виктор Михайлович, завершив работу, оставил портрет у себя и сказал Вере Саввишне: «Подарю Вашему жениху, если он будет русский».

Позже, когда Вере Саввишне было уже 25 лет, она писала Виктору Михайловичу из Италии о своём впечатлении от росписей Владимирского собора в Киеве и о посещении высокаторжественного богослужения Папы Римского, совершавшегося на площади при массовом стечении молящихся. В ответных письмах Виктор Михайлович писал²:

«Не ждал, что в письме этом найду поддержку моей энергии, сильно колеблющейся. Спасибо, что Вы не замолчали киевских своих впечатлений. Если Ваша душа переживала такие же высокие волнения, какие я переживал во время работы, значит мне удалось же закрепить на стенах что-то значительное. Я должен иногда знать – а теперь особенно – как отражается в другой чуткой душе то, что чувствовал, думал, чем лишь жил и что сделал. Не скрою, что Вашим впечатлением дорожу особенно. Если оно есть, оно в Вас не изменчиво и не на минуту только» (Москва. 09.12.1900).

И на другую тему:

«Я не думал, что торжественное служение Папы оставит в Вас такое неприятное впечатление и даст Вам так мало. Когда я узнал из письма Елизаветы Григорьевны, что Вы собираетесь на торжество, я ждал в Вас настроения высокого и величественного от такого невиданного зрелища. Хотя в этом случае и не совсем прилично радоваться, а я в душе рад, что оно так вышло и наше родное Православие, даже во внешних формах, оказалось возвышеннее, чище и художественней. Радуюсь я также, что есть Вы трое, люди мне дорогие, [которые] крепки, сильны и ни на волос не колебались! Сколько русских – и не дурных – соблазняются и соблазняются ими» (Москва. 26.12.1900).

Дошёл до нас и ещё один портрет Веры Саввишны этого периода, портрет литературный, страница воспоминаний дочери В.Д. и Н.В. Поленовых Екатерины Васильевны Сахаровой³:

«В Абрамцево кроме тётки Лизы (Е.Г. Мамонтова – С.Ч.) и Веры – нашей настоящей богини из Олимпа была другая сестра Шура, а Виктор Михайлович (Васнецов – С.Ч.) звал её Шуренька. Ни красоты старшей сестры, ни всеобщего обожания у неё не было, но для нас в самые юные годы это был большой настоящий друг. Верушка красавица-амазонка на своей кровной верховой лошади была настоящая богиня. Шура была простая русская девушка. Веру сравнивали с розой, Шуру с луговой клеверной кашкой.

Однажды тёплым и звёздным вечером мы большой компанией сидели на крыльце. Было тихо, тепло, пахло весной, не хотелось уходить. Кто-то

¹ Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. 01.IV.1895. Абрамцево. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

² Виктор Михайлович Васнецов. Каталог выставки. ФГБУК Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево», 2012, с. 144.

³ Сахарова Е.В. Повесть моей жизни. Рукопись. 1967 год. Архив О.Д. Атрощенко.

предложил каждому прочитать стихи, которые помнит наизусть. Вера сидела лицом к звёздному небу и начала Хомякова:

В час полночный близь потока,
Ты взгляни на небеса.
Совершаются далёко
В горнем міре чудеса.

Ночи вечные лампы
Невидимы в блеске дня.
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.

Не впивайся в них очами
И увидишь, что вдали
За ближайшими звездами
Тьмами звёзды в ночь ушли.

Вновь взглядишь, и тьмы за тьмами
Утомят твой робкий взгляд,
Всё звездами, всё огнями
Бездны синие горят.

В час полночного молчанья,
Отгнав обманы снов,
Ты взглядишь душой в писанья
Галилейских рыбаков.

И в объёме книги тесной
Развернётся пред тобой
Бесконечный свод небесный
Лучезарной красотой.

Узришь – звёзды мыслей водят
Тайный хор свой в круг земли.
Вновь взглядишь – другие всходят.
Вновь взглядишь, и там вдали

Звёзды мыслей тьмы за тьмами
Всходят, всходят без числа,
И зажжётся их огнями
Сердца дремлющая мгла.

Когда она умолкла, наступило молчание, и никто после неё не стал нарушать тишину вечера и красоту образов вызванных её прекрасным голосом и прекрасным лицом».

26 января 1903 года Александр Дмитриевич и Вера Саввишна обвенчались с благословения родителей. Этому предшествовали несколько лет

томительного ожидания. Уже в конце 1890-х годов они решили для себя, что должны быть вместе, но не было родительского благословения жениху. Разорение С.И. Мамонтова в 1900 году не способствовало решению вопроса. Они, мало общаясь, ждали поворота судьбы, уповая на Бога. И наконец благословение дала мать Александра Дмитриевича Варвара Петровна (урождённая Ермолова), дочь участника войны 1812 года генерала Петра Николаевича Ермолова и воспитанница двоюродного брата её отца генерала Алексея Петровича Ермолова. Эта полоса жизни Александра Дмитриевича и Веры Саввишны чутко описана в воспоминаниях их дочери Елизаветы Александровны¹.

В конце 1902 года слух о предстоящем замужестве Веры Мамонтовой полетел по Москве. Достиг он и васнецовского дома. Молва твердит, что лучшего жениха для неё не придумать. Она счастлива, мать рада, рад и друг их Виктор Михайлович Васнецов, который в кругу своей семьи шутит, что будет после свадьбы навещать Елизавету Григорьевну и вместе с ней радоваться, что старшей дочери нет в доме. Он готовит обещанный свадебный подарок. Портрет потом будет всегда висеть в кабинете А.Д. Самарина. Вот два свидетельства из письма, тогда гимназиста, а потом священника в Праге Михаила Викторовича Васнецова к брату Алексею Викторовичу, тоже гимназисту, в Крым:

«Сейчас были Мамонтовы: мамаша и дочки; они спешили куда-то и ничего интересного не рассказали насчёт главного. Верушка так и сияет счастьем, свадьба, кажется, будет 26-го января; теперь они на несколько дней уезжают в Абрамцево. Папа, по обыкновению, говорит, как он будет к Лизавете Григорьевне приезжать утешать: ходить по комнатам и говорить: “А вот нет... нет её”. Шура участвует в нашем спектакле, изображает там бабу. Интересно посмотреть жениха, к нам на спектакль он придёт, конечно; все говорят, что другого подобрать для неё нельзя»².

После свадьбы молодые Самарины провели медовый месяц на острове Корфу, а затем поселились в особняке в г. Богородске (ныне Ногинск), где муж

¹ Чернышева-Самарина Е.А. Александр Дмитриевич Самарин. В кн. «Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных» // ПСТГУ: М., 2001, с. 121-207.

² М.В. Васнецов к А.В. Васнецову, 28.12.1902 года. Москва. Архив О.А. Васнецовой.

А.Д. Самарин и В.С. Самарина (Мамонтова).
Рим, ноябрь 1902 г. На обороте надпись.
Собрание С.Н. Чернышева.

В.С. Самарина (Мамонтова) с дочерью
Елизаветой. 1906 г.

кими, отнюдь не замыкаясь в узком семейном кругу муж-жена-дети. Рядом был и друг В.М. Васнецов.

Нарастали революционные настроения. В.М. Васнецов от лица московских дворян с А.Д. Самариним и другими подписал обстоятельное письмо к Императору с просьбой, охраняя самодержавие, не вводить демократические свободы, которые только облегчат революционную агитацию и ввергнут страну в хаос, что вскоре и случилось.

В живописи В.М. Васнецова стали появляться апокалиптические мотивы ввиду предчувствуемой гибели любимого Отечества. Вера Саввишна, конечно, душой разделяла их взгляды и умом участвовала в начинаниях мужчин.

В 1907 году В.М. Васнецов подарил ей большую репродукцию со своей иконы, изображающей Христа-Спасителя в терновом венце с потёками крови. На ней он написал: «Той язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша наказание мира нашего на нем и язвою Его мы исцелехом (Ис. 53.5)», и подпись: «Верушке – В. Васнецов, 1907, 15 марта» (вещь находится у меня – С.Ч.).

Слова о страданиях оказались пророческими. 1907 год был последним в жизни Веры Саввишны.

...Позже такое пророчество в нашей семье повторилось. В начале 2003 года духовник Троице-Сергиевой Лавры о. Кирилл (Павлов) подарил мне после долгой беседы три иконы, среди них Спаситель в терновом венце (Ессе Homo. G. Reni) и воскресение Христово. Значение этого дара я понял, когда в том же году после тяжёлой и мучительной болезни на Пасху скончалась моя жена Любовь Александровна.

Веры Саввишны был уездным предводителем дворянства.

Один за другим родились трое детей Юрий (1904), Елизавета (1905), Сергей (1907).

Не прерывалась связь с семьёй Мамонтовых. Вера Саввишна часто и подробно писала матери о своей жизни, Александра Саввишна навещала сестру, ездила с её семьёй в имение Самариных Васильевское на Волге у Самары. Летами Вера Саввишна с детьми гостила в Абрамцеве, и Александр Дмитриевич, как некогда Савва Иванович приезжал туда с последним поездом. Он регентовал, пел, читал в Абрамцевской церкви. Это были годы семейного счастья, которым молодые Самарины щедро делились со всеми близ-

Вера Саввишна сочельник 1907 года, объезжая магазины Москвы для покупки бесчисленных рождественских подарков, простудилась, заболела воспалением лёгких с высочайшей температурой и 27 декабря скончалась. (Ещё не было жаропонижающих средств). Внезапная кончина её в праздник звала обвал страданий для близких.

Мать, Елизавета Григорьевна на время приняла заботы об осиротевших младенцах. Старшему было 3 с небольшим. Но она не смогла пережить горе и через 10 месяцев скончалась на 62-м году жизни. Вот её, видимо, последнее письмо к Н.В. Поленовой:

«Очень мне хотелось бы повидать тебя и о многом переговорить с тобой, но не знаю, скоро ли решусь двинуться с места.»

Теперь, Слава Богу, детям лучше, у старших второй день нет жара. Серёжа тоже нынче повеселее. Отвыкла я от малых детей и меня беспокоит всякая мелочь и досадно на себя и вспоминаю постоянно Веру, как она бодро и просто относилась к недомоганиям детей и, конечно, знаю, что её в данном случае больше бы беспокоило то, что я так волнуюсь. Всё это отлично понимаю и всё-таки не могу сладить с собою. Мне кажется, что если бы я поговорила с тобой, я лучше бы после этого [могла] взять себя в руки. Оцепенение первых дней проходит, а с ним всё сильнее чувствуешь, как всецело почти жила я Верой, каждая вещь, каждое место, всё было полно ею, пустота эта с каждым днём растёт, и знаешь, что неизбежно будет расти. К счастью, дети поглощают очень много время, с ними устаёшь, а потому спишь, это огромное благо. А как сердце болит, глядя на Шуру и Сашу.

Хотелось перекинуться с тобой словечком, но сказать больше ничего не могу. Радуюсь видеть твоих, мне кажется, что я люблю вас всех ещё гораздо больше, чем прежде.

Хотелось перекинуться с тобой словечком, но сказать больше ничего не могу. Радуюсь видеть твоих, мне кажется, что я люблю вас всех ещё гораздо больше, чем прежде.

Юрий, Елизавета и Сергей (справа) –
дети А.Д. и В.С. Самариных.
Собрание С.Н. Чернышева.

Крепко, крепко целую тебя, моя дорогая»¹.

Похоронили Елизавету Григорьевну около Абрамцевской церкви рядом с могилой любимой дочери. Из прочного мамонтовского треугольника мать-дочь-дочь осталась одна Александра Саввишна. Она помогла Александру Дмитриевичу воспитать детей, до своей смерти заменяла им мать, а ему была верной сестрой, как и Анна Дмитриевна, с которой они оставались подругами до необыкновенно далёких тогда 50-х годов XX века, когда обе в глубокой старости ушли в мир иной.

Но жизнь Веры Саввишны, прерванная видимою смертью, продолжается невидимо. Её знает и помнит страна и мир благодаря портрету В.А. Серова. Её гены жили и живут в трёх детях, четырёх внуках, четырёх правнуках и теперь в двенадцати праправнуках.

Она навсегда вписала себя в члены мамонтовского художественного кружка замечательным произведением – плащаницей, вышитой ею, согласно

Плащаница, вышитая В. С. Самариной (Мамонтовой), Е.А. Праховой и А.С. Мамонтовой по рисунку В.М. Васнецова. Холст(?), шёлковая нить. 1908 г.

Музей заповедник «Абрамцево» (публикуется впервые).

Ссылка для скачивания файлов:

<http://files.mail.ru/D01C56DE047A4FE9949CE1BF224DE8DB>

Файлы будут храниться до 23.04.2016.

¹ Е.Г. Мамонтова к Н.В. Поленовой. 1908. Абрамцево. Архив музея-заповедника «Абрамцево».

семейному преданию, цветным шёлком, гладью по рисунку В.М. Васнецова.

Какое-то участие в этой работе принимала Е.А. Прахова, возможно, весьма значительное. Исследователям предстоит ещё выяснить точное авторство.

Работа выполнена на уровне двух-трёх лучших произведений древних вышивальщиц, из числа тех многих, что хранятся в Ризнице Троице-Сергиевой Лавры. Плащаница экспонирована в музее-заповеднике «Абрамцево» в церкви, для которой она предназначена.

Правда, Вера Саввишна не успела её закончить, и последние стежки на вышивке сделала Александра Саввишна перед страстной неделей 1908 года, о чём есть указание в одном из писем М.В. Васнецова к брату Алексею:

«Вчера была у нас Шура, она с Елиз[аветой] Григ[орьевной] на несколько дней приехали в Москву с детьми, уехали, кажется, сегодня. Выглядит Шура всё также, но немного стала живее. Плащаницу она наконец закончила, чему очень рада, теперь, говорит, будет время, тогда и тебе напишет, а то всё собиралась, да не могла выбрать времени»¹.

По мнению людей, верующих в Бога, жизнь человека продолжается за гробом. Об этом есть множество древних и современных свидетельств, особенно умножившихся с успехами реанимации².

Как же упокоена душа Веры Саввишны? Об этом написал к Александре Саввишне в связи со смертью в 1913 году младенца-племянника Серёжи Самарина священник-учёный отец Павел Флоренский. Письмо полностью опубликовано в работе³:

¹ М.В. Васнецов к А.В. Васнецову, 05.04.1908. Москва. Архив О.А. Васнецовой.

² Роуз С. Душа после смерти. М. 2004.

³ Чернышев С.Н. Александра Саввишна Мамонтова – создатель и первый хранитель музея Абрамцево. «Явлутор городок». Историко-краеведческий альманах. Вып. 8. Издание ГАУК Тюменской области «Ялуторовский музейный комплекс». Тюменский издательский дом ТИД, Ялуторовск. 2013, с. 30-41.

А.С. Мамонтова с племянником Серёжей Самариным.
Собрание С.Н. Чернышева (публикуется впервые).

«Глубокоуважаемая Александра Саввишна!

Неожиданной и прискорбной была для нас весть о постигшей Вас разлуке с милым Серёжей. Видно, не на долгое время свои тяжёлые обязанности и сладкие права хотела уступить Вам его мать, и теперь сама будет воспитывать своё дитя. Ведь по издревле идущему в Церкви мнению, младенцы, похищенные смертью, – это не бутоны, сорванные до цветения, а скорее ростки, пересаженные на лучшую почву. В ином мире они продолжают расти и укрепляться духовно, воспитываемые теми, кому вручает их Воля Призвавшего их. Но кому же вручит Она Серёжу, как не матери?».

Духовными очами о. Павел видел Веру Саввишну в благополучных местах загробного мира. Видимо, Господь вменил ей в подвиг деторождение и жертвенную благотворительность даже до болезни смертной.

Подтверждение и развитие темы находим в воспоминаниях её дочери¹.

Описываемый ею случай произошёл в день памяти преподобного Серафима 02 (15) января 1919 года, когда после вынесения ему советским судом приговора Александр Дмитриевич отдыхал в тюремной камере.

«Отец мой не был из числа тех людей, которые любят говорить о снах и придавать им значение, но вот сон, о котором он сам говорил с радостью и большой теплотой, как о виденном и воспринятом реально. Видел он моего младшего, умершего в 5-летнем возрасте братца Серёжу, мальчика, которого особенно все любили за его удивительно отзывчивое сердце и какую-то тонкость душевную ... Серёжа в этом сне бегал по зелёной лужайке, на солнце, по травам и цветам, и догонял удивительно красивых бабочек, а преподобный Серафим ласково улыбался, глядя на мальчика, как бы охраняя его, и называл: “Серёженька! Серёженька!”. Тут же, около, в этом сне была и моя мать в белом платье и радостная».

¹ Чернышева-Самарина Е.А. Александр Дмитриевич Самарин. В кн. «Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных» // ПСТГУ: М., 2001, с.121-207.

ПОЭЗИЯ

Юрий ЛОЩИЦ

Юрий Михайлович Лоциц – родился 21 декабря 1938 г. в селе Валегоцулове (ныне Долинское) Одесской области в семье известного советского военного журналиста, генерал-майора М.Ф. Лоцица. В 1962 г. окончил филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Один из видных современных историков и биографов. Автор публицистических книг «Земля-именинница» (1979), «Слушание земли» (1988), сборников стихов «Столица полей» (1990), «Больше, чем всё» (2002), «Величие забытых» (2007). Исследователь славянской культуры и переводчик с сербского. Секретарь правления Союза писателей России. Имеет государственные и общественные награды. Лауреат многих литературных премий.

Живёт в Москве.

Иду и думаю

Боже, Боже мой,
Ты ли мне предрек
в книжной кладовой
дошуршать свой век?

Долю свою клясть –
много ль проку в том?
Упиваюсь властью
древних слов вином.

Что глаза слабы,
стану ли скорбеть?
Только пособи
и сквозь веки зреть.

К ночи соберу
всех Царей души –
на таком пиру
да в такой тиши.

Свету Твоему конца не будет.
Тьма его вовеки не обымет.
Что б ни случилось во земной юдоли,
свету Твоему предел не задан.

Мир живёт по меркам и в рассрочку.
И Вселенная свернётся в точку.
Как не сыщем у него начала,
свету Твоему конца не узрим.

Кто скулит о светопреставленьи,
тот рядит и судит не по чину,
тот пускается без позволенья
в Божью бездну, в Отчую пучину.

Повсюду вижу, каждый год и день я
единство замысла и воплощенья.

В кружении планет и колеса вращения –
единство замысла и воплощенья.

Вспых зеркальца, в озёрах отраженья –
единство замысла и воплощенья.

Звон бубенцов и жаворонка пенье –
единство замысла и воплощенья.

След птичий на снегу, печатных букв тисненье –
единство замысла и воплощенья...

В котлах пыхтенье каш, вулканов извержение –
единство замысла и воплощенья.

Молекул связь, чугуновой цепи звенья –
единство замысла и воплощенья.

Засев хлебов, зачин деторожденья –
единство замысла и воплощенья.

Ток крови в жилах, бурных рек стремление –
единство замысла и воплощенья.

Она в кругу подобий – суть творенья –
в единстве замысла и воплощенья!

И кругом голова – от подтвержденья
единства замысла и воплощенья.

Вьюга

Весь вечер от дома до дома –
скрипучей лопаты труды.
Но снова в сугробах позёма
зализывает следы.

О, призрачный зверь!
От сосен
на зыбкий свет фонаря
шипенье своё выносит:
«Зря стараешься, зря...»

Но жаль мне оставить затею?
Во след окунаю след.
Уже прокопал траншею,
перерубил ей хребет.

А утром выйду: победа!
Но нет! Не моя – её.
Ушла. Ни складки. Ни следа.
Разгладила всё, как бельё.

Февраля

Ах, вы чистые зимние потехи!
На плечах еловых – крепкие доспехи.

В эту сказку залетают чудо-птицы –
Свиристели, снегири, клесты, синицы.

Горки – санки, санки – горки, визги-смехи.
Щёки маковы, крещенские потехи.

И на шубки, на сырые рукавички
опускаются снежинки, как реснички.

Одолжу и я у малышей картонку.
Полечу-помчусь по наледи вдогонку!

Священнодействует уют,
блаженный пар над ним восходит...
Под этой крышей верховодит
семейный молодой уют.

Рубашка ношенная мужа
такой сияет новизной,
что вид её всех клятв дороже
и трепетней любовной дрожи.

Мы полюбим снова
ходить пешком.
Нет коней.
Нефти-газа не стало.
Жизнь промеряем
упругим шажком.
Всю её разгуляем –
не с конца, а с начала.
Прыснут и разлетятся
тропы в луга,
что твои белобрысые дети.
Мы почуем снова,
как земля любя,
как звенят в ней
шаги босоногие эти.

Колыбельная стареньким

Старость в обратное детство
шаткой походкой бредёт.
Слёзы, обиды младенца,
зубок во рту недочёт,
мыслей в уме недостача...
Даже не ум, а умок:
что-то доказывать начал
и позабыл, и умолк.
Снова капризы, упрёки
и на губах пузыри.
Букв непослушных уроки.
Няньки и поводыри.
Ножки своё отшагали.
Зыбится голова.
Глазоньки видеть устали.
Ушки внимают едва.

Сказку я всё ж дочитаю,
песенку на ночь спою.
Дедушки, баюшки-баю...
Бабушки, баю-баю.

Мы в ночь ушли, чтобы Тебя не выдать.
Уже летят убийцы в град Давидов.

Мы в ночь ушли неслышной ветерка.
Какая жаль – расстаться на века.

Верблюжие шаги метель заносит.
Куда идём? Зачем? Никто не спросит.

Никто не вспомнит. Не найдут нигде.
Мы берегаем верный путь к звезде.

Мы соблюли зарок: «Молчанье, братья,
О чистой тайне вышнего зачатья».

Мы – только тень от этой тайны тайн.
О, дар молчания пришельцам дай!

Да светит нам в ночах ясней болида
Твоя, Твоя, а не звезда Давида.

Сияй! Во тьму превечный свет излей.
Мы – троица. Но только тень Твоей.

Из плена

Тётя Галя вернулась из плена.
Трёх медсестёр отпустили.
Их вытолкали из сарая,
где валялись в соломенной гнили.
Перед тем приводили ищейку,
чтобы вынюхать, кто из них юдэ.
Но пленницы так провоняли,
что собака и та растерялась,
а подруги не выдали Иду,
и она о себе промолчала.
А когда медсестёр отпустили,
они вышли в пустынное поле,
будто в древнюю Палестину.
Две подруги сказали третьей:
«А теперь разойдёмся, Ида,
кто куда, по домам, по хатам».
Так вернулась домой тётя Галя.
На участливые расспросы
неохотно она отвечает.
Но дойдёт до собаки, и в горле
хрипнет голос её, застревает.

Ворон выронил:
«Поживи с моё,
поживи с моё,
всё повысмотришь».

Шелестит змея:
«Пошурши с моё,
проползи с моё,
всё повыследишь».

Мне ползти не след.
Мне высматривать
опустелый круг
нету радости.

Шелестит змея:
«Помолчи с моё,
прикуси язык,
прикопи свой яд».

Клекчет чёрный вран:
«Поскорби с моё,
поскрипи с моё,
не догонит смерть».

Мне молчать невмочь.
Мне скрипеть тоска.
Я идти хочу,
думу думать.

Самое краткое

Иду
И думаю.

Если раздумаешься о своём невесть куда убывающем прошлом,
то сразу захочется думать о чём-то попроще.
Или не думать совсем,
подобно камню, не знающему проблем.
Впрочем, иные считают: озадачен и камень думой
холодной, упорной, даже угрюмой.
Должно быть, гадает бедняга, откуда ж
он такой взялся?

Из кратера, что ли, жарким ошмётком сорвался?
Или от кометы в рассеянности отщепился
как космическая оплошка-описка.
Впрочем, о космосе, как и о прошлом, раздумия наши тощи.
Тут сразу хочется думать о чём-то попроще
или не думать совсем
как на поминках всемирных философских систем.
Ибо зачем морщить лоб, коли системы того... помре?..

Однажды в бездумии пробудясь на заре
полклубуйся румяным светилом, друг мой беспечный,
как любят жаворонок им и овечка,
как любят божья коровка
и кленовый лист.
Это счастье, что ты от мелких мыслишек чист,
что живёшь на земле безо всего чересчур швыдкого,
о кредитах и пенсиях не мычишь, как корова.
И сороконожка-коррупция
под твоей черепушкой не трещит.
И кликуха «Россия, вперёд!» тебе непонятна,
коли плачет страна навзрыд.
Отдохни ж от ТиВи,
от стоканальной мыльной его мутни.
«Алло?.. Нет, мы не смотрим...
Мы тут в носах ковыряем в тени».

Феллини

Когда б мы встретились с тобою, Гвидо¹,
ей-ей, мы стали бы друзья.

На взморье, в баре или на вокзале
мы бы с тобой неспешно толковали
о чистоте, о женском идеале,
о снах и о видениях загробных,
о папах римских, муках кинопробных,
о детстве сладостном, когда нас все любили,
и о воде – и мёртвой, и живой.
И хитрого Феллини мы б с тобой
собраться на троих уговорили.

Александр Быков

От визгов на палубе, кликов,
от плёсов, от облачных крыл,
гляжу я, поплыл у нас Быков,
и я за ним следом поплыл.

¹ Гвидо – герой кинофильма Ф. Феллини «Восемь с половиной».

Иртыш в полудённом мерцаньи
дрожит что серебряный язык.
На пире земном созерцанье
дороже всех глюков и яств.

Художник до сути достанет,
когда на него наплывёт
излучин замедленный танец,
затонов и круч хоровод.

И что там такого, казалось?
Стога. Мелководья. Обвал.
Рассветов безлюдная алость.
Чуть вздрагивающий краснотал.

Не жадность нас манит в пустынный
предел, не воинственный пыл.
Вот так и Ермак со дружиной
в хмелю созерцанья поплыл.

Монетную прорву уроним
у встречи Оби с Иртышом.
У этой, тишайшей из родин
крестить бы всю Русь нагишом.

И плыть бы и плыть бы, и плыть бы,
всё плыть бы, всё плыть бы и плыть –
до светлой полярной ловитвы,
до конусов льдистых и плит...

Запомню то лето и день я.
Стоит. У флагштока. Один.
И пьёт из реки отраженья
плывущих над нами глубин.

Не дрожи, как в поле былка,
под метельный звон.
Для кого село – страшилка,
сам себе страшон.

Нам ли целый век канючить?
Выручай-ка, печь!
Откатись, мороз колючий,
жару не перечь!

Затрещит берёза пылко,
пыхнет в ночь труба.
Для кого деревня – ссылка,
а для нас – судьба.

Вдох

Господи, чудо дыханья
как ты внушить нам смог?
Выдох слагаю, как дань я.
Дай дерзання на вдох!

Как эту тайну открою?
Будто на смертном краю
снова и снова горою
грудь воздымаешь мою.

Камень ли я остывший,
зябкая птица иль зверь?
Вдохом каждым помилуй,
выдохом каждым умерь.

Дышат твои пучины,
дышит Божественный мрак,
ибо причиной причины –
Дых твой, простёртый в мирах.

Не знаю, дышу до коих?
Но верю, наступит срок,
и во Твоих покоях
изопью нескончаемый вдох.

Когда ты не знаешь, жив или мёртв,
мёртв или всё ещё
жив,
когда лежишь, пластом распростёрт,
трепыхаясь ошмётками жил,
тогда
вдруг склоняется над тобой –
из облака ли возник? –
будто прозрачной прикрыт кисеёй,
улыбкой светящийся лик.
Нет, не покинут. Нет, не ушёл.
Откуда, небесная, вы?

И этот шёпот
«Всё хорошо...»
мне как признание в любви.
И звук благодарный в сердце поёт,
из небытия возвращён.
И хочется вышептать имя её,
таинственнейшее из имён.

Сквозь мутное стекло оптических приборов
ты видишь копошение мельчайших гадов
иль чёрную дыру кромешных мириадов –
галактик, сфер, вселенных ледяных...
Но у тебя б перехватило дых,
вскипела мигом кровь,
когда бы в то стекло
узрел
надежду, веру и любовь.

Кувуклия

Не стою снисхождения того,
я всё ж допущен в гробовую нишу,
вселенной пенье, Боже, да расслышу
из раковины плена Твоего.

О жизни будущего века

О жизни будущего века
всё сказано.

И ни-че-го!

И я, лишённый чувств калека,
не в силах осязать его.

И скуп, и сдержан Символ веры,
к порывам любопытства строг.
Что *там*? Приметы ли, примера
ни в строчке нет, ни между строк.

Бессмертий два?

Бессмертье муки...

О нём у нас наслышан всяк.
Но разве в нём – живые звуки,
коль жизнь земная – не пустяк?

О, Господи! Зубовный скрежет
любым младенцем пережит.
Живую плоть и жгут, и режут.
И вновь всё то же нам грозит?

Куда как внятны корчи ада:
мрак, жар свирепый, жуткий хлад.
Но в чём же, в чём она, услада
для тех, кто призван в горний сад?

Не утвердится ли меж ними
и всем земным глухой барьер?
Не скучен будет херувимий
превечный хор небесных сфер?

Или о нас печаль пребудет
в их душах, как жила и здесь,
и всяк молитвою натрудит
о нас всевечный век свой весь?

Я для себя не жду пощады,
Господь, от Твоего суда.
Но если вдруг в реторты ада
меня не втащат навсегда,

и, недостойный благодати,
сверх меры буду пощажён,
как в горней мне пребысть палате
святых мужей, пречистых жён?

Там, где ничто не станет длиться,
и где иссякнет ток минут,
ничто случайно не случится, –
ни постучат, ни упрекнут.

И где ни вздоха, ни рыданья
извне не принесёт волна,
и всепокоем созерцанья
насыщен буду я сполна

в том Авраамлем дивном лоне,
где мягко, как в гнезде птенцам.
А грешник?

Пусть в геенне стонет,
низвергнутый в бессрочный срам?

И так сверхмирные пустоты
всех нас невнятностью томят,
что люд пустился в анекдоты
без удержу про рай и ад.

Не соблазнит сераль прелестный
наркозом чувственных усад,
и пир в обители Телемской
не завлечёт в обжорный ряд.

Но отворятся ли иные
явленья, смыслы, знамена
в том дне, подобном летаргии,
в той яви бестелесней сна?

О, чем тогда займу я душу –
в отсутствие годин, минут?
Что, как молитвою нарушу
запрет на всякий дольний труд?..

Но я же изведусь, исчахну
без попеченья о своих...
Кому свою прибавлю драхму?
Кому прочту приветный стих?

Неужто все души волненья
навек отменят тишь и гладь,
и мне без волеизъявленья
смирненной мумией лежать?

Но где ж мой дар от Бога – воля?
Свобода выбрать правый путь?
Иль это всё фантом, не боле?
Ответьте сердцу кто-нибудь!

Молчат.

Не лучше ли, чем эта
невнятность вещего Вседня, –
ночь всемогущая, без света,
покой, без звука, без ответа,
как до рождения, без дна?

Иду, томлюсь и вопрошаю...
Лишь чей-то шёпот невзначай:
Се тайна... Тайна пребольшая...
Сорвать покров не поспешай.

Иду неровно, как калека.
Всё тайны, тайны... тут и там...
.....
О, жажда откровенья тайн
о жизни будущего века!

ЮБИЛЕЙ

К 185-летию Н.С. Лескова

Насквозь русский

17 февраля исполнилось 185 лет со дня рождения нашего прославленного соотечественника Николая Семёновича Лескова (1831-1895) – одного из крупнейших русских писателей-классиков первого ряда, чьё творчество современная писателю литературная критика расценила как «художественную проповедь».

Лесков был убеждён в том, что книги должны «не только занять внимание читателя, но дать какое-нибудь доброе направление его мыслям». Это «доброе направление» писатель связывал прежде всего с христианством, отмечая, что всегда имел в виду «важность Евангелия», в котором, по его убеждению, «сокрыт глубочайший смысл жизни». «Истина, добро и красота» – в этой триединой формуле классик выразил идеал, к которому необходимо стремиться.

Создание ярко оригинального, неповторимо самобытного лесковского художественного мира воспринимается как настоящий писательский подвиг. «Литература – тяжёлое, требующее великого духа поприще», – говорил Лесков и самоотверженно шёл этим путём. В финале творческого пути писатель «непостыдной совести» мог по праву заявить: «Я отдал литературе всю жизнь и передал ей всё, что мог получить приятного в этой жизни, а потому я не в силах трактовать о ней с точки зрения поставщицкой. <...> Я верую так, как говорю, и этой верою жив я и крепок во всех утеснениях. Из этого я не уступлю никому и ничего, – и лгать не стану, и дурное назову дурным кому угодно».

В своём творчестве Лесков изобразил многокрасочную полноту мира, мозаично пёстрые картины жизни России. В основе многих из них – орловские впечатления. И не случайно писатель подчёркивал: «в литературе меня считают орловцем». Как былинного богатыря, Лескова, по его словам, «тяготила тяга» знания родной земли». Лесковское творчество проникнуто подлинным,

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Алла Анатольевна Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета.

Живёт в Орле.

некнижным знанием народной жизни. В цикле статей «Русское общество в Париже» (1863) автор с гордостью заявлял: «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне <...>, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. Я с народом был свой человек». Будучи «насквозь русским», зная русского человека «в самую его глубь», писатель воплотил в своих героях – с их речью, мироощущением, душевными порывами – все существенные особенности национального характера. Томас Манн справедливо отмечал, что Лесков писал «чудеснейшим русским языком и провозвестил душу своего народа так, как это, кроме него, сделал только один – Достоевский». В прозе Лескова, «как ни у одного другого писателя нашей земли», открывается «целый мир невиданной красоты, неповторимых образов, сверкающей фантазии, расписной, причудливый мир, где Русью пахнет – и сладко, и горько, и нежно, и дымно», – с восторгом писал Юрий Нагибин.

Лесков вступил на писательскую стезю в 1860-е годы, будучи уже зрелым, сформировавшимся человеком с большим жизненным опытом и огромным запасом житейских наблюдений. Не завершив образования в орловской гимназии, «свои университеты» будущий писатель постигал «самоучкой».

В литературе он выступил прежде всего как публицист. Лесков сотрудничал в разных периодических изданиях Москвы и Петербурга, и уже первые публикации «нового орловца» привлекли внимание читателей актуальной проблематикой, живой достоверностью и объёмностью знаний, честной авторской позицией, искренней интонацией. Стремясь, по его словам, «пролить в массы свет разумения», Лесков – публицист-просветитель – поднимал множество острых тем. «Торговая кабала», «Безбожные школы в России», «Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе», «Русские женщины и эмансипация», «Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению», «Русские люди, состоящие “не у дел”» – в этих и других своих многочисленных заметках, статьях, очерках автор не просто высказывал собственное мнение по животрепещущим социально-экономическим, политическим, культурным вопросам, но и обращался к самой сути жизни России, ни на минуту не забывая об ответственной позиции «глашатая истины», призванного к активной борьбе со злом, произволом, деспотизмом, невежеством, косностью и другими пороками.

После статьи о петербургских пожарах, в которой автор призывал бездействующую власть либо опровергнуть слухи о поджигателях, либо – если толки небеспочвенны – найти и наказать злодеев, Лесков оказался в положении «между двух огней». В раскалённой политической атмосфере тех лет «пожарная статья» вызвала суровые нападки «справа» и «слева»: со стороны правящего лагеря своё неодобрение выразил Александр II, а радикальная литературная критика фактически объявила Лескову бойкот. Писатель, по его словам, был «распят живо».

С тех пор он прокладывает себе «третий» путь – «против течений», искал «противоположную всем дорогу». Своё «уединённое положение» Лесков подчёркивал в показательной самохарактеристике: «Дело просто: я не нигилист и не аутократ, не абсолютист и не ищу славы моя, но славы пославшего мя Отца».

О пастырском служении – «учить, вразумлять, отклонять от всякого <...> вздора и суеверий» – размышлял Лесков уже в своём дебютном художественном произведении «Погасшее дело («Засуха»)» (1862). Знаменательно,

что первым героем лесковской беллетристики стал сельский священник – отец Илиодор. В подзаголовке помечено: «Из записок моего деда». Дед Лескова умер ещё до рождения внука, но будущий писатель знал о нём от родных: «всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Димитрия Лескова». В характере героя «Засухи» многое предвещает центральную фигуру романа-хроники «Соборяне» (1872) – Савелия Туберозова. Болея душой за судьбу Родины, этот «мятежный протопоп» и бесстрашный проповедник убеждён, что нельзя жить «без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих... это сгубит Россию».

Вечный конфликт добра и зла, воплощённый в современном мире буржуазно-юридических установлений, представлен в единственном лесковском драматическом произведении «Расточитель» (1867). Вслед за А.Н. Островским, чьи пьесы Лесков высоко ценил, он выступает обличителем «тёмного царства». 60-летний купец Фирс Князев – «вор, убийца, развратитель». Его антипод – добрый и деликатный Иван Молчанов – предстаёт в роли мученика, жертвы деспотического произвола. Пользуясь своим положением «первого человека в городе» и продажностью судебного департамента, старый купец добивается, чтобы Молчанова признали «злостным расточителем» и устранили «от права распоряжения своим имуществом», которое передаётся в опеку Князеву. Молодой человек, обращаясь к своим истязателям, обличает беззаконие: «Вы расточители!.. Вы расточили и свою совесть и у людей расточили всякую веру в правду, и вот за это расточительство вас все свои и все чужие люди честные – потомство, Бог, история осудят».

С целью опровержения крайне пессимистического заявления А.Ф. Писемского, объявившего, что он видит во всех своих соотечественниках одни только «мерзости», Лесков в предисловии к рассказу «Однодум» (1879) возвестил: «Мне это было и ужасно и несносно, и пошёл я искать праведных, пошёл с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трёх праведных, без которых “несть граду стояния”». Эти поиски стали магистральными в творчестве писателя. «У нас не переводились, да и не переведутся праведные, – утверждал он в рассказе «Кадетский монастырь» (1880). – Их только не замечают, а если статью присматриваться – они есть». «Это своего рода маяки», – писал Лесков в очерке «Вычегодская Диана (Попадья-охотница)» (1883). Почти в каждом его произведении, начиная с ранних, оживают типы людей «высокой пробы» всех сословий и званий. В этом отношении Лесков – уникальная фигура в истории литературы.

Праведники, написанные по внутреннему заданию «оправдать Русь», представляют собой «отрадные явления русской жизни», воплощают идеал активного, деятельного добра. Самоотверженная любовь к Богу и ближнему в соединении с практическим деланием – основной признак и качество праведности. Лесков не устаёт восхищаться характерами, хранящими в себе «живой дух веры», высоко нравственные черты. Таковы, например, неподкупность «неберущего квартального» Рыжова («Однодум»); бесребреничество, стремление к святости Брянчанинова и Чихачёва («Инженеры-бесребреники»); совестливость, благородство, участливость воспитателей-наставников («Кадетский монастырь»); духовный свет «русских богоносцев» – священнослужителей («Некрещённый поп», «Владычный суд», «На краю света»); патриотизм и талантливость левши («Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе»). Готовы на подвиг самоотвержения во имя высокого человеколюбия герои рассказов

«Павлин», «Пигмей», «Русский демократ в Польше», «Несмертельный Голован», «Тупейный художник», «Человек на часах», «Пугало», «Дурачок», «Томление духа», «Фигура» и многих других.

В своей «художественной проповеди» Лесков выступил как проповедник христианских истин и как духовный наставник своих читателей, которых он всем своим творчеством призывал не заглушать в себе «способности любить и уважать истину».

ПОЭЗИЯ

Валентин СОРОКИН

Валентин Васильевич Сорокин – русский поэт. Родился в 1936 г. в Башкирии, на хуторе Ивашила. Около 10 лет проработал в 1-м мартене Челябинского металлургического завода. Член Союза писателей СССР с 1962 г. Автор многих поэтических книг. Лауреат Государственной премии России, Международной премии им. М.А. Шолохова и др.

Живёт в Москве.

Дорога поэта

Мы с тобой

В этих белых рощах соловьиных
Бродит лось, доверчивостью смел,
Я в стихах, как в золотых былинах,
Всю тебя, глазастую, воспел.

Травы расправляются от дрожи,
Радостно сияют небеса.
Ведь недаром на мои похожи
И твои славянские глаза.

Добрый лось и мы с тобой умыты
Тёплым, серебрящимся дождём,
Были б дети счастливы, а мы-то
Как-нибудь в России проживём.

Вечен свет страдания и слова,
Подвиги не требуют прикрас,
Пушкина обитель и Кольцова,
Блока и Есенина у нас!..

Журавли от Дона до Урала
Крыльями звенят нам с высоты,
Нет, весна ещё не отыграла,
И горят за окнами цветы.

Пусть кивает тополь, и сиренью
Реченька к нему обращена, –
Ты одна – моё благодаренье,
Ты – моя сестрёнка и жена.

Отмету забвенье и грехи я,
Шёпоты досужливой молвы,
Ты – моя отвага и стихия,
Голос колокольной синевы!

Дорога поэта

Да, перестройка мир перемолола:
Поля пусты.
Родной завод зачах.
И вожаки святого комсомола –
Тот – олигарх.
А этот – в стукачах.
У демократов дух неистребимый,
За братской бойней новая напасть,
А во вчерашней партии любимой
Сегодня губернаторская страсть!..
Мы прокляли расстрелы и доносы,
Мы прокляли прорабскую войну,
Сыны России, впрямь великороссы,
Не давшие страну пустить ко дну.
И ты клеветцешь, травишь нас, позоришь?
Бездарностью и злобою объят,
То слухи оседлаешь и пришпоришь,
То в спину нам слюняво брызнешь яд.
Когда ты пьян – глупей неандертальца,
Когда ты трезв – чумой наполнен рот:
И весь твой пыл – под маскою страдальца
За равенство, за правду, за народ.
Краснее рака от натуг и крика,
Отважный лжец и маленький палач,
Хапуга и приемник Оси Брика,
И Лилькой общекоченный стукач.
Тебе порой, действительно, не спится,
Молитву шепчешь, не смыкая век,
Но Ироду уже не обновиться,
И дважды в жизнь не входит человек.
Ты не ищи себе прощенья в Боге,
Ведь спесь твоя – не терния венец,
И ты не первый на моей дороге,
И не последний
завтрашний подлец!

Тайна

Ливень деревья один ласкает

Я нашёл тебя в поле, берёзку мою,
В православном, но Богом забытом краю,
Где на каждом холме и у каждой версты
О погибших деревнях тоскуют кресты,
Где избушки-старушки, с глазами совы,
Не дождались защиты и правды Москвы.
Я нашёл тебя в поле, берёзку мою,
В православном твоём разорённом краю,
Где утята кричат и зовут матерей,
Уронивши себя под свинец егерей.
Там речушки кричат, там Россия кричит,
Но не слышит Москва, Кремль молчит и молчит.
Я нашёл тебя в поле, берёзку мою,
Ты – молитва моя и надежда в краю!

Верность

Евгению Нефёдову

В синей мгле бессрочно спят солдаты,
Им к родному дому нет дорог.
Что они ни в чём не виноваты –
Знает мир и свято помнит Бог.
Их через трагедии и драмы
Провели –
доверчивый народ...
До сих пор по ним рыдают храмы,
Взорванные Хамом в чёрный год.
Не вожди, так лидеры бедовы,
Ты у них пощады не проси,
Если сёла, как седые вдовы,
Тихо вымирают на Руси.
И куда теперь не кинешь взоры,
Древнею жестокостью горда,
Устремилась в русские просторы
Новая грабёжная орда.
Нам былой надеждой не согреться, –
В Куликово Поле ночь вплыла,
Потому звенят,
звенят под сердце
И тебе и мне колокола!
Неужель нам побрататься не с кем
Перед сокрушением преград –
В каждом русском воскресает Невский
И встаёт Евпатий Коловрат.

Мы давно в плену заокеанском,
Пусть трепещет тот, кто предаёт:
Мать-Россия
на холме рязанском
Меч героя нам передаёт!..

Твоё колечко

Когда опускается полночь глубоко,
Мне так неудобно и так одиноко.

Буря заметает и окна, и крышу,
А я и в бессоннице голос твой слышу.

Я слышу, я вижу, и даже при громе
Шаги твои лёгкие чуждятся в доме.

А выйду в просторы, там тихая речка,
Луны золотой не твоё ли колечко?

Когда опускается полночь глубоко,
Мне так неудобно и так одиноко.

Но в эти минуты из тёмной столицы
Летишь ты ко мне искромётней жар-птицы.

И поле смеётся, ромашки танцуют,
И клёны за доблесть твою голосуют.

И всех соловьёв разбудила зарница:
«Встречайте,
звените,
к вам едет царица!..»

Добрый совет

Зачем обо мне сгоряча
Вы сеете столько секретов,
Не вырасти вам до плеча,
До звёздной вершины поэтов.

Вас делал с похмелья дикарь,
Рождённые в склоках и драке,
Вы, каждый по-своему, – тварь,
А вместе – бузливые хряки.

Хотелось умом вам блеснуть,
Но тяга к рюмахе сгубила:
Пришлось на помойке заснуть, –
Дебил не спасает дебила.

И ваши доносы – мура,
Ни гнева от них, ни испуга,
Я думаю, чать, вам пора
Мочить пятаками друг друга.

И скотник у вас, и сарай,
И мух предостаточно потных,
Хозяин устроил вас в рай,
Как очень достойных животных.

Скажите сердечно ему
Большое спасибо открыто,
А лирика вам ни к чему,
Когда перед рылом – корыто!..

Белая луна

Жизнь не вечна и земля не вечна,
И не вечны звоны журавлей,
Потому я слушаю сердечно
Майский хор берёз и тополей.

Облака и поле – стаи, стаи,
Меж холмов широкий путь к реке.
Скоро боль в груди моей растает,
Образ счастья вспыхнет вдалеке.

Жду его, но вижу я упрямо
Над цветами, травами, водой,
Вся седая воскресает мама,
Говорит: «А мы живём бедой».

Говорит: «Страдание и горе,
Жизнь и смерть у нас переплелись,
Вот и мы от моря и до моря
Слёзною тоской перепились!»

Сторона, родимая сторонка,
Мне к твоим окошкам не пройти,
Там уже ни старца, ни ребёнка,
Голоса живого не найти.

Растворились песни по долинам,
Нищета до пепла изожгла
Хутор мой, с названьем соловьиным,
Хутор мой казачий – Ивашла.

Нас убили войны и обманы,
Мама, мама, ты опять одна
На меня глядишь через туманы,
Как в пустыне белая луна!

Век двадцатый

Век двадцатый – кровь и непогода:
То Бронштейн, то Гитлер, то Ягода.

Обелиски с Волги до Берлина
Над Европой стонут журавлино.

Век двадцатый, ты пришёл к нам зверем,
Нет нам равных по людским потерям.

От Афганистана до Вьетнама –
Море слёз и погребений яма.

Тайные расстрелы и погосты,
И Чечня, – всё это холокосты.

Век двадцатый – кровь и непогода:
Век, убийца русского народа.

Но зато в Москве по-над бедою
Веет Маркс холёной бородою.

И Россию грабят демократы,
Как чужую палубу пираты.

Сдал им власть правитель аморальный,
Секретарь ЦК, аж Генеральный!..

Предал, продал, раздарил, разрушил
И надежды наши он, и души.

И теперь в конфликтах и раздорах
Вновь сгодился динамит и порох.

Век двадцатый – кровь и непогода,
Век, убийца русского народа.

Славяне

Наши ссоры – сердцу перегрузка,
Потому и вновь горююсь я,
Украинка ты и белоруска,
Русская красавица моя.

Перелески, реки и просторы
Так похожи, словно это мы, –
Наши ссоры – ложь и приговоры
Опытных заказчиков из тьмы.

Наши дети, может, украинцы,
Может, белорусы, вновь и вновь
Говорю: мы ныне – палестинцы,
Требуется зверю наша кровь.

Золото он ищет и алмазы,
На Днепре, на Волге держит власть.
Ты зачем такой широкоглазой
И такой славянской родилась?

Мы, славяне, потеряли право
Быть собой, а Ироду везёт:
Каждый день смертельная отравка
В души наши с губ его ползёт.

Нам вражда, а хищникам закуска,
Но горжусь и окрыляюсь я, –
Украинка ты и белоруска,
Русь моя, красавица моя!

На просторе

Дуб под ветром встряхивает тело,
Взяты травы хладью луговою.
Молодость так быстро пролетела, –
Белый снег кружит над головою.

Мы одни с тобой, моя подруга,
В эту хмурость порешили вжиться.
Впереди звенит и плачет вьюга,
Белый снег кружится и кружится.

Сталинграда ветер исполинский,
 Подвиг материнский и отцовский.
 Копоть пушек, может, дым от виски?..
 Мы не янки.
 Мы славяне.
 Братья.
 Предадим – кресты и обелиски
 Нам с небес пошлют свои проклятья!
 Минск и Киев, и Москва за нами,
 Соловей и сокол на ладони,
 Сердце Ярославны – наше знамя:
 Слышите, звенит оно и стонет?
 На просторах нам пора подняться,
 Коренных соседей обнимая,
 Пусть враги России потолпятся,
 До Победы грозового Мая!..
 Журавли кричат о чём-то Волге.
 Днепр
 и Неман.
 Курск
 и Севастополь.
 Все цветы слезами понаволгли –
 Под моим окном седеет тополь.
 Не в Путивле, а в столице главной,
 У стены Кремлёвской, не иначе,
 Ты грустишь, а, может, Ярославна
 Князя ждёт...
 И плачет,
 плачет,
 плачет!

Слышу гул

Это ль человеческая милость,
 Где искать опору и ответ:
 Верили в судьбу, а получилось –
 Мать, не защищённая от бед.

Это кто играет с нами в прятки,
 Это кто улыбочиво и зло
 Продаёт избу её и грядки,
 Братские могилы и село?

Разве я в мартене, на Урале,
 Мог подумать, укрощая сталь,

Что кремлёвцы острова продали,
 Синеву славянскую и даль.

Будто бы в мистическом тумане
 Вместо белокрылых лебедей
 Обезьяны пляшут на экране,
 И трясут хвостами среди людей.

То продажа, то перепродажа,
 Рыночник твою ломает дверь,
 Некому пожаловаться даже,
 И Москва – сплошной Содом теперь.

Землю деда кровью оросили,
 А враги за виловый уют
 Заменяют жителей России,
 Славу и молитву продают.

Слышу гул грядущей непогоды,
 Встаньте, встаньте у ворот страны,
 Иоанна Грозного народы,
 Века двадцать первого сыны!

Просьба

Ты ещё молода, и красива, красива,
 Отчего ж так грустна, приозёрная ива?

Веселее склонись над весенней волною,
 Приласкай лебедей – только вместе со мною!..

Что печалит тебя, что горюнит и мучит, –
 Радость крылья даёт, горе мудрости учит.

Поднимись ты на холм и вздохни ты глубоко –
 Мне в родимом краю без тебя одиноко.

Ты – Россия моя, и жена, и невеста;
 Не найти на Земле соловьиное места!

Потому с колоколен воскресные звоны
 К нам летят и летят, как расстрелянных стоны.

Поднимись ты на холм и вздохни ты глубоко –
 Мне в родимом краю без тебя одиноко.

Крик со скалы

Зарастает тропинка в наш дом,
 Вся Россия в слезах и в тумане, –
 Это снова зловещий Содом
 Разместился в Москве на экране.

С четырёх налетевши сторон,
 Громко каркают вороны снова,
 Превращая в расистский трезвон
 Соловьиное русское слово.

Ни покоя, ни радости нет,
 Сотрясает сердца непогода,
 словно вскинул опять пистолет
 Лев Давидович или Ягода.

Эх ты, Родина, Божья страна,
 Где твой Крым и твоя Украина?
 Русь едина,
 Россия одна
 И славянское горе – едино!..

Я на холм поднимусь, на скалу,
 Я в просторы бесправные крикну:
 – Помогите сразиться орлу,
 К игу чёрному я не привыкну! –

Лучше встать у расстрельной стены,
 Лучше в братской могиле забыться,
 Но склониться к ногам сатаны
 Только раб,
 только раб согласится!

Ещё раз

Не грусти, не горюй ты, не надо,
 Только б верность и нежность сберечь:
 Нам с тобою одна лишь награда –
 Свет разлуки и радости встреч.

Песни счастья теперь не прольются,
 Через пламя шагнувшие вброд,
 Устроители капреволюций
 Растранили русский народ.

Поле дико, столица далёко,
 Разорённые избы пусты,
 А за ними скрипят одиноко
 Позабытые всеми кресты.

У дорожной развилки старушка
 Продаёт, озираясь, укроп,
 Мама наша,
 считай – побирушка,
 Собирает копейки на гроб.

Юг и Север, и ветры густые,
 Ну а в Лондоне тёплый туман,
 Там Чукотка дожди золотые
 Абрамовичу сыплет в карман.

Где вы, Разин, Матросов, Чапаев,
 Вы нужны нам сегодня и впредь:
 Новый гнёт олигарочных баев
 Не давали мы клятву терпеть.

Их улыбки и речи их лживы,
 И законы их лживы давно, –
 Патриоты жратвы и наживы,
 Пляска дьяволов, сексово дно.

Эти фабрики, эти одёжи,
 Эти фабрики
 и пироги...
 Неужели не видишь ты, Боже,
 Как, ликуя, глумятся враги?!

Высокий гость

Мы счастливы с кремлёвского успеха,
 Летят аплодисменты к небесам:
 К нам Киссинджер,
 к нам Киссинджер
 приехал
 И в Спасские ворота входит сам!

И мы его встречаем, привечаем,
 И чуть не салютуем одному,
 И, лебезя, уже не замечаем,
 Как сам Адольф завидует ему.

Вчера он планы утверждал в конгрессе,
Мол, главный враг планеты – СССР,
Теперь о нас печётся и прогрессе, –
Ирак и Югославия – пример...

Развал державы, нищета России
И распродажа коренных земель
В его трудах,
а мы,
мы не просили,
И вот в Кремле ветхозаветный Лель.

И шустрые вожди его встречают,
Министры,
олигархи,
фраера,
Хватают, поднимают и качают,
Великий гость, ура ему, ура!

Но мёртвые встают и головою
Склоняются к порогу своему,
Погибшие под Вязьмой и Москвою,
Сожжённые в Смоленске и в Крыму.

И тех, что нам о верности вещают,
Хотя её же тайно предадут,
Седые вдовы в храмах не прощают,
И правнуки им спуску не дадут.

Кресты и обелиски, тихо, тихо,
И за холмом,
израненным войной,
Звенит кукушка, стонет журавлиха
А в море чайка вьётся над волной.

Только ты

Быть красивой – радость через край,
Верной быть – нелёгкая тревога.
Русской быть – тропа из ада в рай,
Храброй быть – через кресты дорога.
Ты, лицом и совестью светла,
Русская, идёшь через долины.
Над тобой звенят колокола
И встают герои из былины.
Ты невеста, ты жена и мать,
Дочь России,
солнышко простора,

Это каждый должен понимать, –
Ветры плачут, значит, буря скоро!..
Вновь враги за гранью темноты,
Те же, те же, новых не ищите,
Только Богородица и ты
Нас давно готовили к защите.
Ну, не плачь, прошу тебя, не плачь,
Мы испьём до дна терпенья чашу,
Потому и не один палач
Не убьёт святую ярость нашу!
Выше смерти, выше темноты
Крест отца и матери, и деда:
Только ты – глаза твои и ты,
Только меч и слово, и победа.
Я, поэт, иду через огонь, –
Колокол,
 молитва,
 дуновенье...
Вижу Богородицы ладонь,
Слышу губ твоих прикосновенье!

Всё и всё

«Все земли крестьянам, заводы рабочим!»
...И всё отобрали у нас, между прочим.

По чьёму же это не дали веленью
Нормально прожить одному поколенью?

Живи – кто ворует, умри – кто не хочет,
Аж сам Березовский над нами хохочет.

Поля опустели, заводы заглохли,
Вперёд, олигархи, коль граждане – рохли!

Скупайте колхозы, вокзалы, столицы, –
И всё повторится!
И всё повторится...

Бог ведёт нас

Памяти Варлама Шаламова

Бог ведёт нас тяжкими путями,
Каждый миг страданьем утверждён.
Ханами, царями и вождями
Ни один поэт не побеждён.

Даже палачи, прищурив око,
 На Лубянке иль на Колыме,
 В душу нашу целились глубоко,
 Скованные страхами в уме.
 Не умрут слова певца и строфы
 И увидит в полночи урод –
 Как поэт
 с распятия
 и с Голгофы
 За Христом спускается в народ.
 Совесть наша звёздная не дремлет,
 Сердце наше в бедах не молчит,
 Родину великую объёмлет,
 Громко над погибшими кричит.
 Я не раз обманут и унижен,
 И не раз доносами убит,
 Но воскрес,
 но вытерпел,
 но выжил
 И опять поднялся до орбит.
 До кругов поднялся журавлиных
 И в краю отеческом с трудом
 Отыскал то место, где в долинах
 Уничтожен хутор мой и дом.
 Это вы стукачеством дышали,
 Русских,
 нас,
 истерзывал конвой,
 Чтобы мы не пели, не рожали,
 Чтобы пропадали трын-травой.
 Медленно вращается планета,
 Но и через тихие года
 Под проклятьем русского поэта
 Вам не распрямиться никогда!

Ливни детства

Ах, ливни детства, вы отрокотали,
 И отзвенели стаи лебедей, –
 Угрюмей путь и необъятней дали,
 И горы жизни выше и трудней.

Я их вершины одолеть пытался,
 Над прошлым встал, над будущим я встал,
 В грозу с орлом над бездной побратался:
 Есть храбрецы?
 Свободен пьедестал!..

Единственная, верная, святая, –
 Ты и отвага, молодость и ты!
 Опять, опять звенит лебяжья стая,
 Бегут к реке глазастые цветы.

Проснулся день в обители небесной,
 И свет зари над нами, свет зари,
 И вновь орёл парит над гиблой бездной,
 Но ни о чём ты с ним не говори!..

Ах, годы, горы, за бессмертной синью
 Я честен был, наивен и удал,
 И никому страданья за Россию
 И красоты твоей я не отдал.

Звезда и жизнь, судьба и скалы, скалы:
 Я крест Христа
 сквозь непогоду пронёс, –
 О, не вчера ль природа нас ласкала
 Ладонями горячими от слёз?

Благодарю тебя, реку и дали,
 И пусть мгновенно счастье у людей,
 Но ливни наши не оттрепетали,
 Не отзвенели стаи лебедей!..

ЮБИЛЕЙ

К 125-летию со дня рождения
М. А. Булгакова

Страницы из случайных блокнотов

Помнится, при первом прочтении романа Булгакова «Мастер и Маргарита» я искренне хотел над сценкой, описывающей, как Бегемот и Коровьев пытались попасть в ресторан «дома Грибоедова», у входа в который сидела «гражданка в белых носочках и белом же беретике с хвостиком», потребовавшая у неразлучной парочки писательские удостоверения.

М.А. Булгаков (1891 – 1940)

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Николай Владимирович Переяслов – родился 12 мая 1954 г. Окончил Литинститут им. Горького. Автор 35 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Секретарь Правления СП России. Делегат 1-го Российского Литературного Собрания с участием Президента РФ В.В. Путина. Участник 1-й Международной поэтической конференции в Каире и 1-го Международного фестиваля поэзии стран Азии во Вьетнаме. Руководитель ряда творческих семинаров для молодых авторов. Давал рекомендации к вступлению в СП России путешественнику Фёдору Конюхову, будущему министру культуры РФ Владимиру Мединскому и другим литераторам. Лауреат премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова и других.

Живёт в Москве.

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

– Прелесть моя... – начал нежно Коровьев.
– Я не прелесть, – перебила его гражданка.
– О, как это жалко, – разочарованно сказал Коровьев и продолжал: – Ну, что ж, если вам не угодно быть прелестью, что было бы весьма приятно, можете не быть ею...

Потом, много позже, читая уже не булгаковское «евангелие от Воланда», а настоящее – от Матфея и других Апостолов, – я понял, что гражданка в белых носках является практически *единственным* персонажем романа, *не подпавшим под власть нечистой силы*. Ведь по Священному Писанию «прелесть» – это, во-первых, «самопрельщение» (1 Сол 2:3), а во-вторых, «обманывание и обольщение других» (Мф 27:64; 4:14), поэтому, заявив представителю свиты Воланда (Дьявола) своё твердое «Я не прелесть», гражданка в белых носках и белом берете (а белый цвет – это символ чистоты и святости) выказала именно православное отношение к слову «прелесть», вызвав тем нескрываемую досаду Коровьева («О, как жалко...»), бесовская роль которого как раз и опирается на склонность людей к самообольщениям и соблазнам.

Думая как-то об умершем писателе Петре Проскурине, я полез в первый номер журнала «Слово» за 2001 год и перечитал опубликованный там его рассказ «Мужчины белых ночей», в котором главный герой мучительно размышляет над тем, что произошло за последние годы с Россией и что можно в этой ситуации сделать для её спасения. «Я больше ничему не верю, – говорит он, ведя мысленный разговор со своим погибшим другом, – ни в народ, ни в совесть, ни в Бога. Русский человек оскотинился до маразма. Слепой кутёнок, тычется из стороны в сторону, и ни шага вперёд. Сам себе выбирает палачей, сам подставляет горло... души, режь, володей телом, я – тварь бессловесная, плесень на земле. Появилась и бесследно исчезла...»

Я много думаю над тем, что же можно противопоставить наблюдаемому ныне в стране нашествию цинизма и безнравственности, чем остановить разгул криминала и беззакония. Я понимаю, что причиной всего этого и вправду является наше собственное бездействие, однако, когда я перечитал в рассказе Проскурина то место, где его герой взрывает лесной дом отдыха вместе с «оттягивающимся» там губернатором и громадным числом обслуги в виде поваров, слуг и девочек для сауны, то я почувствовал в душе определённое сопротивление. Да, мне хочется, чтобы русский народ наконец-то очнулся от духовной спячки и сказал «нет» торжеству беззакония, но только не таким способом. Ведь на эту тему уже написано множество романов Анатолием Афанасьевым, но когда его герои начинают бороться с бандитами **ТЕМИ ЖЕ МЕТОДАМИ**, которыми те терроризируют облюбованные ими городки, то они фактически тут же превращаются в **ИХ ЖЕ ПОДОБИЯ**. Иными словами – ни в коем случае нельзя уподобляться тому, против кого ты воюешь, ведь дьявол-то как раз и любит менять всё и всех местами и запутывать. Не случайно же в финальной сцене рассказа появляются интонации, очень сильно напоминающие интонации булгаковского романа «Мастер и Маргарита» – в том месте, где Воланд допрашивает **кота** Бегемота и Коровьева о причинах пожара в Доме Грибоедова:

Оба, и Коровьев, и Бегемот, развели руками, подняли глаза к небу, а Бегемот вскричал:

– Не постигаю! Сидели мирно, совершенно тихо, закусывали...

– И вдруг – трах, трах! – подхватил Коровьев, – выстрелы! Обезумев от страха, мы с Бегемотом кинулись бежать на бульвар, преследователи за нами, мы кинулись к Тимирязеву!

– Но чувство долга, – вступил Бегемот, – побороло наш постыдный страх, и мы вернулись!

– Ах, вы вернулись? – сказал Воланд. – Ну, конечно, тогда здание сгорело дотла.

– Дотла! – горестно подтвердил Коровьев. – То есть буквально, мессир, дотла, как вы изволили метко выразиться. Одни *головешки!* <...> Ничего невозможно было унести из зала, пламя ударило мне в лицо. Я побежал в кладовку, спас сёмгу. Я побежал в кухню, спас халат. Я считаю, мессир, я сделал всё, что мог...

– Ах, если так, то, конечно, придётся строить новое здание.

– Оно будет построено, мессир, – отозвался Коровьев...

А вот, для сравнения, разговор главного героя рассказа Проскурина – капитана Никонова (как раз и устроившего взрыв и пожар лесного притона) – со своим шефом:

– ...Что там у вас происходит? Ты, Никонов, не тяни *кота* за хвост!

– Не хотел тревожить вас среди ночи, шеф, пожар, – сказал Никонов. – Большой дом уже догорает, чудеса... Словно языком слизнуло. Озеро из белого, молочного окрасилось розовым...

– К чёрту! – откровенно теряя контроль над собой, сорвался Валериан Денисович. – Ты пьян, что ли? Ах, негодяй...

– Шеф, моё дело охрана, а что там внутри случилось, никто не знает, – сказал Никонов. – Но дом действительно догорает. Какой-то чудовищно мгновенный пожар...

– Ты думаешь, сгорит всё *дотла*? – опечалился Валериан Денисович и даже вздохнул.

– Абсолютно всё, такой огонь ничего не помилует, может, только какую *черепушку*...

Я думаю, в литературе не бывает случайных совпадений, и даже если сам Проскурин никаких постмодернистских перемигиваний между двумя этими текстами и не устраивал, то существуют некие тайные законы искусства, по которым темы (или даже сцены), имеющие между собой, так сказать, *перекличку внутреннего характера*, непременно окажутся близкими друг другу и по своей стилистике, и по использованным образам, и по задействованным в этой сцене деталям. Отсюда, помимо общего сходства двух этих эпизодов между собой, и там, и там имеет место образ *КОТА* (в фразе «не тяни кота за хвост» – у Проскурина, и в образе кота Бегемота – у Булгакова); упоминание *НЕЧИСТИ* (в выражении «к чёрту!» – в тексте у Проскурина, и в образах беса Коровьева и князя тьмы Воланда – у Булгакова); а также сгорающие в обоих случаях *дотла* здания, от которых не остаётся ничего, кроме «головешек» (у Булгакова) да «черепушек» (у Проскурина), а также ряд других сходных моментов. Думаю, что всё это не может не подтолкнуть нас к мысли о том, что

за обеими этими сценами стоит одна и та же сила – помните? – «что хочет зла, но вечно совершает благо». И в этом – таится ключ к пониманию заблуждений обоих авторов. Я говорю «заблуждений», потому что не может сила, жаждущая творить *ЗЛО*, принести людям хотя бы какое-нибудь минимальное *ДОБРО*. А потому и путь, указанный Петром Проскуриным в рассказе «Мужчины белых ночей», не в состоянии принести с собой ничего, кроме новой крови и горя, тогда как Россию сегодня если что и спасёт, то только – любовь и молитва...

Несколько лет тому назад в правлении Союза писателей России состоялось обсуждение новой повести (ещё живого тогда) Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», опубликованной в одном из номеров журнала «Наш современник». Патриотические литературные и читательские круги давно ждали слово Валентина Григорьевича, выступавшего последнее время и редко, и какими-то небольшими произведениями – публицистическими статьями или рассказиками. И вот, наконец-то – полновесная художественная повесть.

Первое, чего нельзя не заметить в новом произведении Распутина – это откровенной сюжетной переклички с нашумевшим не так давно фильмом Станислава Говорухина «Ворошиловский стрелок», в котором трое отморозков насилуют чистую и невинную школьницу, а затем преспокойно откупаются от суда и продолжают на глазах у всего городка свои циничные пиршества. Видя бездействие и бессилие нашего правосудия, дед оскорблённой девушки покупает на чёрном рынке снайперскую винтовку и сам выносит приговор подонкам.

Примерно то же происходит и в повести Валентина Распутина, только здесь за поруганную честь дочери мстит мать, которая изготавливает из ружья обрез и, видя, как суд собирается отпустить насильника на свободу, осуществляет над ним заслуженную кару. Однако, как это всегда и бывает у Распутина, повесть его растекается гораздо шире обозначенного сюжета и заставляет думать не только о сути произошедшего с героиней, но и о том, что происходит со всем русским народом. Ведь если в фильме Говорухина всё чётко поделено на «чёрное» и «белое», то в повести Распутина всё уже далеко не так просто и однозначно. Да, его Светка подверглась грубому насилию со стороны азербайджанского торговца, но ведь незадолго до этого она сама бросила школу и, окончив какие-то курсы, пыталась устроиться работать на рынок. Она ведь и со своим насильником поехала с той целью, чтобы он её устроил на работу к своему брату. И что – она или её мать не понимали, что рано или поздно ей придётся лечь под кого-нибудь из кавказцев, как это делают чуть ли не все работающие на наших рынках женщины, боящиеся потерять своё место на лотке или в палатке? Ведь практически все российские рынки уже давно и прочно принадлежат «лицам кавказской национальности», которые осознают себя на нашей земле *ХОЗЯЕВАМИ*, однако до тех пор, пока беда не коснётся кого-нибудь из нас *ЛИЧНО*, никто их не стреляет... В том-то и заключается принципиальная разница между фильмом Говорухина и повестью Распутина, что насилие в «Ворошиловском стрелке» носит, так сказать, *РАЗОВЫЙ* характер – обладание девушкой необходимо пьяным подонкам

только сейчас, В ДАННЫЙ МОМЕНТ, и после удовлетворения своих животных потребностей она им становится абсолютно без надобности, тогда как изнасиловавший Светку азер в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» и не думает её утром отпускать, требуя, чтобы она родила ему сына, и вообще, относясь к ней уже как к СВОЕЙ СОБСТВЕННОСТИ. Это и есть, наверное, самая характерная черта, которую подметил в сегодняшних «хозяевах жизни» В.Г. Распутин: всё, к чему прикасается грязная лапа торгаша, превращается в его СОБСТВЕННОСТЬ – рынок, женщина, власть, Россия...

Надо заметить, что в повести Валентина Григорьевича вообще очень много символики. Символично уже само её название – «Дочь Ивана, мать Ивана», восходящее к тому же принципу, который мы видим и в приводимом евангелистом Матфеем родословии Иисуса Христа: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его», – и так далее. Стремление вписать героев своего повествования в хронологию БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ – черта, характерная как для авторов Библии, так и для древнерусских летописцев, и, давая своей повести название «Дочь Ивана, мать Ивана», Валентин Распутин как раз и пытается показать этим неразрывную цепь продолжения человеческого рода, непрерывный процесс бытия и одновременно с этим – роль своей героини в этом процессе.

Затем: необычайно жаркий весенний день в повести Распутина не может не напомнить нам собой другой необычайно жаркий весенний день, описанный в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» – и эта переключка, подчёркивание этой НЕОБЫКНОВЕННОЙ жары, её акцентирование обоими писателями кажется отнюдь не случайностью, так как ЖАР – это не что иное, как символ АДА, и авторы как бы сразу настраивают нас на то, что впереди нас ожидает встреча с представителями именно этого inferнального места. И действительно – то, что случается далее, ничем иным, как бесовщиной, назвать нельзя, причём это касается не только событий романа Булгакова, но и того, что совершается в повести Распутина. Разве надругательство над ЧИСТОТОЙ – это не есть дело рук беса?..

Самое страшное в повести Валентина Распутина – то, что мы должны быть чуть ли не благодарны насильнику Светланы, так как только прямое надругательство над девочкой оказалось способным разбудить в её матери (да и в нас самих) чувство протеста против засилья чужеземцев в России и попрания ими всех основ нашей жизни. Если бы этого не случилось, все так бы и продолжали спать, терпя воцарение кавказцев...

Прочитал журнал «Наш современник» с поэмой Юрия Кузнецова «Сосшествие в ад», многие эпизоды которой подарили мне настоящее эстетическое наслаждение, как, например, строки: «То не птенец выпадал из гнезда родового, / то не мертвец поднимался из сна гробового – / это разбойник явился – ни ночь и ни день, / пала в долину его теловидная тень. / Глянул Господь на него и промолвил сурово: / – Встань и держись Моего обещанья и слова, / да не побойся грядущих судеб и утрат. / Рай недалёк. Но дорога пойдёт через Ад», или же такие как: «Руки разбойник простёр, как моряк с корабля, / и возгласил первозданное слово: – Земля! – / Молвил Сын Божий, как истина ветхая днями: / – Это подобье. Земля у тебя под ногтями. /

Глянул разбойник на грязные ногти свои / и зарыдал, и взалкал чистоты и любви...»

Однако рядом с чисто поэтической красотой и стройностью, поэма Ю. Кузнецова то и дело срывается в самую что ни на есть откровенную ересь, выдавая в авторе закоренелого материалиста, не понимающего, что перед Богом находится не сам разбойник, а только его ДУША, и, стало быть, откуда же у нематериальной сущности может быть «земля под ногтями»?..

Аналогичное недоумение вызывают сцены, в которых Господь ходит по Аду и задаёт всем встречным вопрос: «Где Сатана?», – как будто бы с Богом можно играть в прятки, спрятавшись от Него за сундуком или печкой! Здесь в поэте снова говорит материалист, не признающий Господнего ВСЕВЕДЕНИЯ и того факта, что Ему не надо никого ни о чём спрашивать, ибо Ему ведомо не только то, кто где находится, но и, как говорится в молитвах, «и вся несодержанная нами» открыта.

Весьма пародийно, на мой взгляд, выглядит картина возвращения головы Иоанну Крестителю, напоминая аналогичную сценку с возвращением оторванной котом Бегемотом головы конференсье Жоржу Бенгальскому, происходящую в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Помните? – «Кот, прицелившись поаккуратнее, нахлобучил голову на шею, и она точно села на своё место, как будто никуда и не отлучалась. И главное, даже шрама на шее никакого не осталось. Кот лапами обмахнул фрак Бенгальского и пластрон, и с них исчезли следы крови...» Почти то же самое происходит и в поэме Кузнецова, где Господь встречает идущего с головой под мышкой (!) Иоанна и спрашивает его (опять – спрашивает; опять, ЗНАЯ ВСЁ, зачем-то задаёт ему нелепый да ещё и с явной долей иронии вопрос): «Иоанн, что случилось с тобой? / Голову ты обронил, как скупец – золотой». (Как будто бы Он не знает, что Иоанн лишился головы из-за проповеди Его же пришествия! Получается, что Господь просто пытается красоваться перед сопровождающим Его по Аду Юрием Кузнецовым Своим остроумием...) Выслушав ответ Предтечи о том, как его обезглавили по требованию Саломеи, Христос делает почти то же, что и кот Бегемот в романе Булгакова, а именно: «Глянул на голову Бог и во имя Своё / взял и поставил на прежнее место её. / И приросла голова, и, ни мало, ни много, / встретились вровень два взора: пророка и Бога...»

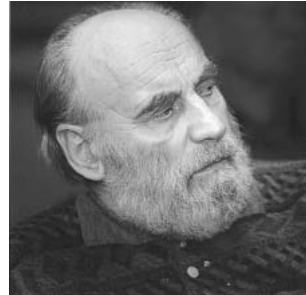

ПОЭЗИЯ

Юрий БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джуньетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Ю.Н. Богданов секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Святой венец Руси¹

V

Князь Александр Невский 1220-1263

1

Образ Руси Святой, неодолимой –
Душу дитяти с рожденья пленил,
Истыми предками был досточтимым
Благочестивостью в мире прослыл.

Шёл Александру лишь пятый годок, –
Княжеский постриг отец учинил.
Обряд посвящения в воины строг!
Ратным делам воевода учил,

Княжескому управленью судами,
Общий язык находить с племенами,
Но чести и совести не ронять,

Русский народ возлюбить боле жизни...
Се привилось! До кончины Отчизну
Боготворил Александр, как мать.

2

Боготворил Александр, как мать,
Всем существом своим землю родную
И за неё был готов пострадать,
Встав на защиту в минуту любую.

Хоть под присмотром, но княжил уже –
Десятилетним, как будто формально...
Новгород-воин жил настороже:
Не было это для жителей тайной.

Лезла на Русь мелюзга без конца:
В первом походе бил дерзко ливонцев –
Вставало над сечей чёрное солнце,

Но бесноватые были гонимы!
Кожей зачуял: дружина отца
В схватках с вражинами – непобедима.

3

В схватках с вражинами – непобедимы
Русские воины! В тяжких боях
Внесли вклад в победу неоценимый,
Дабы Державу прославить в веках.

Будут для князя надёжной опорой:
Бог упаси, с поля брани бежать!
Чтоб не покрыть имя рода позором, –
Им до последнего надо стоять.

В кровопролитных тмутёмных сраженьях
Князь не познает сродясь поражений:
Недругам травы Руси не топтать!

Не устрашали ливонцы и шведы:
Знал, что одержит над ними победы
С верой в Христа православная рать.

4

С верой в Христа православная рать
Перед боями усердно молилась,
Чтобы Спаситель подал люду милость,
Бориса и Глеба помощь снискать.

¹ Первые четыре венка сонетов «Княгиня Ольга», «Князь Владимир», «Князя Борис и Глеб», «Князь Андрей Боголюбский» были опубликованы в журнале «Великороссъ» №№ 3(13)2014, 2(16)2015

Шведы неожиданно пришли на Ижору –
Надобно встретить незваных «гостей»!
Князь, помолившись в Софийском Соборе,
Вышел с улыбкой к дружине своей:

«Нас немного, и враг силён,
Но Бог не в силе, а в правде, братья!
Мы имя Бога нашего призовём...»

Пророкотало: «Да будем драться!»
Благословило народное вече
Князево войско на правую сечу.

5

Князево войско на правую сечу
Двинулось скрытно, затишно сквозь лес:
Шведы, как дома, дремали беспечно –
В куче ворожей велик перевес.

«Знай, что я здесь, и пленю твою землю...» –
Биргер наемни хвастливо вещал.
Но пустословию князь не внимал,
Ратники-братья сие не приемлют.

Рыцарей в схватке множество пало,
И Александр «неверному кралю»
Копьём на челе смог печать возложить!

Был же я древком копьё Александра:
Зная, что биться нам с мощью неравной,
Вышли в поход, чтоб врага отразить.

6

Вышло в поход, чтоб врага отразить,
С тёплой молитвою русское войско:
Бились Олексич, Ратмир, Савва стойко –
Сам Александр в сече волен узреть.

Явились Пелгусию в лодке в ночь бденья
Глеб и Борис в облаченьях земных...
Князь убеждён – это не наважденье:
В битве нетайная помощь святых.

И разгромили мы супостата:
Солнцем сияли русичей латы –
В наших глазах Божий свет бесконечен,
Он не подёрнется колкой позёмкой:
Невскую битву помнят потомки, –
Славою путь ратоборца увенчан.

7

Славою путь ратоборца увенчан:
Пущены по ветру ворогов тьмы!
«Солнцем земли русской» назван людьми –
Образ поборника Родины вечен...

Новые тучи вползали на Русь:
Выбиты немцы из пленного Пскова.
Рыцарей гнал, как трусливую гнусь,
И воздавал за измену сурово.

Бесы являли чертовскую прыть,
Мельком услышавши прозвище князя...
Справиться с Невским не вышло ни разу!

Древко сжимал он железной рукою,
Всех удивлял неземной красотой,
Обликом – недругов мог восхитить.

8

Обликом – недругов мог восхитить:
Батый Александра впервые узрев,
Забыл, что такое презрительный гнев, –
Хотел дружбу к Руси знати привить,

Чтобы Орды не пугались, как стада,
В лике его чуял своеобразие:
«... Что говорили о нём мне – всё правда –
Нету подобного этому князю...».

Хан проникался умом к вере правой,
Запад предательский был не по нраву:
От русской крови земля солоня.

Бога молили церковные клиры,
Чтоб православным послал весть о мире,
Да не закончена с немцем война.

9

Да! Не закончена с немцем война!
Благословил на неё Римский Папа:
В кучку ничтожную сбились сатрапы, –
Русь против рыцарей снова одна.

В Дерпте созрела мысль о реванше:
К Псковскому озеру двинулась прорва –
Полнилась твердь бронированным маршем,
Но Александр просчитал их манёвры.

Мы ждали возле Чудского!
Ко Вседержителю в жаркой молитве –
Каждый исполнился ратного духа.

Не было лучше места иного,
Чтоб у ливонцев случилась проруха.
Мы поднялись на жестокую битву.

10

Мы поднялись на жестокую битву:
Врезались в нас крестоносцы «свиньей» –
Так побеждать токмо слабых привыкли:
Предполагали – закончился бой.

На озере сгрудили немцев в сарынь:
Отдать свой живот за Русь – не беда!
«Была злая сеча...» – не видно льда –
Покрылось всё кровью: сердечная стынь.

Дрогнули рыцари: твердь глубока –
Лёд провалился под конницей шалой:
Драпали в страхе семь вёрст наугад.

Злодейство клеймим победой века:
Нас не разбить никому изначала, –
В сече за Русь каждый мне кровный брат.

11

В сече за Русь каждый мне кровный брат.
Слышит он глас: «Кто с мечом к нам придёт –
От меча и погибнет...» проклятый гад:
Кару Господню на дом навлечёт.

Явились от Папы посланцы опять
К «Богом рождённому», уговорить
Принять католичество, с немцем дружить,
Но не пойдёт в вере Русь наша вспять.

Без православия будет развал...
Орда от безверия утомлена:
В Сарае епархию он основал.

Павших помянем со светлою грустью!
За правую веру, солнце над Русью...
Воздана миру большая цена.

12

Воздана миру большая цена:
Отравлен ордынцами любы отец.
На теле Державы Орда как рубец,
Западом Русь моя не пленена.

Спас Александр нас от разорения:
Древком копья вновь ему пригожусь,
Вышли «свиньей» сонмы злобных воззрений.
Да победит православная Русь!

Он говорил с хитрым ханом открыто:
Надо пока ладить с мощной Ордой –
Дипломатично «ходить по кривой».

Когда города гнев Орды навлекли,
Сумел отвести от виновных полки:
Подвиги князя в веках не забыты.

13

Подвиги князя в веках не забыты:
Не трепетал пред коварной Ордой...
Ханская дружба туманом сокрыта –
В Русь возвратился смертельно больной.

Видела при отпеванье княгиня,
Что Ярославич, как будто живой,
Руку простёр и грамоту принял
С молитвою... Чудо явил над толпой.

Так Бог прославил угодника Божия,
Вороги русский народ не стреножили,
И по сей день он духовно богат.

Для соплеменников князь был примером:
В души вселял православную веру –
Дух укреплял наш во тысячу крат.

14

Дух укреплял наш во тысячу крат,
Ты в житии веры правой ревнитель.
Люди Руси о кончине скорбят, –
Слову и делу потомки, внимлите!

Разбив супостатов, аки отец,
Праведной жизни отдался всецело!
Оставив навек земные приделы,
Избрал для себя нетленный венец.

Божье созданье ни с кем не сравнимо:
Стоишь у престола ты среди равных,
Бога моли о всех православных.

Бурных времён нас не смоеет река,
В душах своих сохраним на века
Образ Руси Святой, неодолимой.

15

Образ Руси Святой, неодолимой
Боготворил Александр, как мать!
В схватках с вражинами непобедима
С верой в Христа православная рать.

Князево войско на правую сечу
Вышло в поход, чтоб врага отразить.
Славою путь ратоборца увенчан.
Обликом – недругов мог восхитить!

Да не закончена с немцем война:
Мы поднялись на жестокую битву, –
В сече за Русь каждый мне кровный брат.

Воздана миру большая цена!
Подвиги князя в веках не забыты –
Дух укреплял наш во тысячу крат.

VI
Князь Даниил Московский
1261-1303

1

Дух укреплял наш во тысячу крат
Русский святой Александр Великий:
Сотни годов племена разноликих
Князю в России молебны творят.

К нам он приходит через столетия,
Чтобы от чёрного зла защитить!
Русичи-витязи, мы – его дети:
Не разорвётся духовная нить.

Нас не сломают шальные невзгоды,
Век не сомкнутся небесные своды!
В русской душе – незакатное солнце.

Вижу с молитвой начало начал:
Пред сыновьями иконной стоял
Облик божественного ратоборца.

2

Облик божественного ратоборца
Всем естеством осязал Даниил:
Отец в сны его живым приходил,
Смотрел с небеси, как будто в оконце,

Жестом хотел ободрить сироту,
Дабы душой укреплялся младенец.
Видел в завещанных малых владеньях
Дело великое и лепоту.

Младшенький жил неприметно у дяди –
С ветром эпохи по возрасту ладил,
Знал: братья отчины враз не лишат.

Старших винить в неурядицах рано –
Байкой казались нещадные ханы...
Долю Руси сыны князя вершат.

3

Долю Руси сыны князя вершат.
По жажде властвовать – равновелики –
Их ослепила, как солнечным бликом:
Кровные братья себя не щадят.

Но Даниил жил, как Божий избранник,
Во благочестье, с молитвой в душе:
На бездуховно-безбожной меже –
Не позабытый Всевышним подранок.

Не искушала сладость гордыни
В истом смирении младшего сына:
Считали его святым богомольцем.

Да не смирились братья с безвластьем –
В жизни алкали плотского счастья,
Взращённые духом россов питомцы.

4

Взращённые духом россов питомцы:
Дмитрий, Василий, Андрей, Даниил
Слышали, как ненавистных тевтонцев
В майнах Чудского отец потопил.

Дмитрий с Андреем – рьяные братья –
Стремилась главнейшими стать на Руси:
С Невским пытались тщетно сравняться –
И славу былую в сердцах воскресить.

В этих желаньях они укреплялись,
Но ханской милостью не обольщались,
Да в дружбе с россом нуждался монгол.

Дмитрий поддержку искал у Ногая,
Помощь Андрею сулили в Сарае:
Стычки велись за Владимирский стол.

5

Стычки велись за Владимирский стол:
Тенью плелась за Андреем удача –
Дюденеву рать в подмогу привёл,
Но люд изнемог от смертного плача.

Опустошались русские земли:
Суздаль и Дмитров, Владимир, Коломна,
К небу летят умирающих стоны –
Их со вселенскою болью приемлет.

Русь от набегов не знала затиший:
Князя московского обольстиша
Волости, сёла карали жестоко.

Войско татар разорило Москву,
Но не склонил князь пред ними главу:
Меньшому приспели зрелые сроки.

6

Меньшому приспели зрелые сроки –
Быть примирителем между князей:
Чтоб не чинили вовек грабежей,
Искореняли людские пороки.

Завсе готов к справедливой войне,
Но доверял святому наитию:
Не осуждал братьев в тяжкой вине,
Дабы избежать кровопролития.

Чужого насилием не обрёл,
Но в устремлениях волен и смел:
Москву превратить в цветущий удел.

В жизни не знался с подлою ловкостью:
Божьей любовью, ангельской кротостью
Предотвращал среди братьев раскол.

7

Предотвращал среди братьев раскол:
За гнусное дело князю Андрею
Мстить смертной злобой не был намерен –
Во славу Божию мир предпочёл.

Тяготы разоренья, разбоя
Вместе с народом своим пережил.
Место в ту пору уже обжитое
По воле Господа возобновил.

Надеясь на вышнюю правоту,
Он не ходил на поклоны в Орду,
Здрово считая, что это – морока.

Храмами землю свою украшал.
Как деревенька, град стольный был мал,
Москву явит Бог духовным истоком.

8

Москву явит Бог духовным истоком:
Смиранных Он жалует искони.
Братья же знали о месте убогом –
Не соблазнялись уделом они.

К вотчине бедной спокойно, без брани
Новые земли присоединил.
Думы, что нежил в душе Даниил,
Светом божественным осияны.

Князево дело не знало простоя:
Спас на бору он в столице построил,
Обитель для иноков основал.

В храмах молился он принародно
Не для показа – Богоугодно:
Правую верою люд укреплял.

9

Правую верою люд укреплял:
Мир созидал, как духовную ценность,
В мыслях о славе пустой не витал,
Чтоб не утратить душевную цельность.

Ценит смиренность и кротость народ:
Воспитан был княжич в Божиим страхе.
Никто в ересь ложную не впадёт:
От подлого смерда и до монаха.

В душу вторгается пламя земное:
В битве с рязанцами и татарвою
Надежду на Бога лишь возлагал.

Свершил над ордынцем победный почин
Отца Александра достойнейший сын –
Жизнью услугу Руси оказал.

10

Жизнью услугу Руси оказал
Не только заботой о стаде своём,
Но и о пастыре явно худом,
Овец приводящим, как на заклан.

Преклонял устрашенем, чувством стыда,
Добивался любезного мира,
Не замышлял в тайне братьям вреда,
Не грозил унижительным кныром.

Сказано много о нём добрых слов:
Распространилась в народе любовь,
И величали его Херувимом.

Земли собирал вокруг Москвы Даниил –
Делу великому жизнь посвятил:
Думы о будущем были сулимы.

11

Думы о будущем были сулимы:
Заложен в честь Столпника монастырь.
Знал: погребут здесь в монашеской схиме –
Будет Спаситель ему поводырь.

Всевышний расширил владенья его:
Племянник своё ему передал –
Мощное княжество – Переяславль –
Без права преемственности родовой.

Здесь собирались земли в Державу,
Разрушить не сможет даже дьявол –
Дело святое сыны довершат.

Смело прошёл чрез сокрытые тернии:
Из неприметной, убогой деревни
Сделал великой столицей сей град.

12

Сделал великой столицей сей град:
Стал в одночасье силён и богат!
Здесь волей Божией праведно жил
Первый Московский князь Даниил.

Переяславль как столицу отверг,
Москву возлюбил, что родное дитя.
В этом усмотрен Всевышнего перст
И в наше время – столетья спустя.

Радетели веры – князя потомки
Просят защиты его пред иконкой,
Память о нём неизменно хранят.
Колокола в сердце бьют беспрестанно:
Пусть языком одного из них стану:
Во славу Господа церкви звонят.

13

Во славу Господа церкви звонят:
О, преподобный святой Данииле,
К Спасу ходатайствуй дать людям силу,
И нашу страну от войн сохранят,

Искорените междоусобия,
Любовь насаждая и благочестье,
И отвратите от звероподобья,
Разврата и чёрного мракобесья.

Молитвами даруйте нам спасенье
И Божественное утверждение
Москве и Державе неопалимым!

Нас охраните от подлого зла,
Чтобы отныне и вечно была
Истинно каждым Отчизна любима.

14

Истинно каждым Отчизна любима:
Добрая мать – православная Русь!
Будем лишь бесом за это судимы
С нею, драгой ничего не боюсь.

Бог Даниила возрастил, сохранил
Даровал власть над преславной Москвой.
Во имя Господа мирно пожил
Князь Богоизбранный, русский святой.

Наследники князя любезны народу,
Для милой России в роды и роды
Великие подвиги совершат.

Пращурь исто Державу любили
Как и отец твой, святой Данииле,
Дух укреплял наш во тысячу крат.

15

Дух укреплял наш во тысячу крат
Облик божественного ратоборца.
Долю Руси сыны князя вершат,
Взращённые духом россос питомцы.

Стычки велись за Владимирский стол:
Меньшому приспели зрелые сроки –
Предотвращал среди братьев раскол.
Москву явит Бог духовным истоком.

Правою верою люд укреплял,
Жизнью услугу Руси оказал:
Думы о будущем были сулимы.

Сделал великой столицей сей град,
Во славу Господа церкви звонят.
Истинно каждым Отчизна любима.

Жажда

Это был первый день в жизни Казимира Захаровича, в который он чувствовал себя Казимиром Захаровичем. До этого он был кем угодно, но не Казимиром Захаровичем. А теперь очнулся, взглянул на себя в зеркало, улыбнулся, чего раньше никогда не делал, подмигнул и сказал: «Да-а, Казимир Захарович».

В этот день он впервые за всё свое долгое существование сделал следующее: проспал до обеда, целый час нежилась в постели, глядя в широко распахнутое окно и наблюдая за далёкой птицей в аквамариновом небе, слонялся по комнате, пошвыстывал, наконец, прихлопнул, отказался от завтрака, а вместо этого отправился в зоопарк, где, к слову, тоже никогда не был.

Великолепие царства зверей предстало перед Казимиром Захаровичем рассадником нищенствующих: кругом – сквозь всеобщий балаган сутеливого мира обездоленных – стайками шныряли попрошайки, а выловив удачу, прыгали в телегу, где не без ругани и драк делили между собой трофей, после чего колымага трогалась под непосильной потугой худосочного ишачка, терзаемого обидой и жёсткой плетью, а на опустевшее место вихрем прибывала новая партия кромешников. Казимир Захарович по доброте душевной раздал нуждающимся весь имеющийся при себе капитал за исключением пары динаров на обратный путь и, так и не найдя ни одной толковой зверушки, направился к выходу, где почти в самом конце, в закуточке встретил обезьяню обитель. Долго смотрел Казимир Захарович на грустную гориллу. А, может быть, это был шимпанзе: Казимир Захарович никогда не видел предка человека, а потому, насмотревшись на эту дрянь сполна, довольно хрюкнул, и лицо его приняло благодатный и даже облагороженный вид.

Мартовское солнце стояло в зените; всё, что могло цвести, цвело; всё, что могло радовать слух, щебетало и кукарекало. Казимир Захарович, прищуренный от восторга, вдыхал ароматы свободы.

Дмитрий ХАРИТО

Дмитрий Харито – родился в 1938 г. под жарким небом грозного города Бувия в семье русских эмигрантов. В 1992 г. нашёл пристанище в хлебном городе Ташкенте. В партиях не состоит, политикой не интересуется, границ не признаёт. Родиной считает русский язык. Филантроп, гуманист и альтруист.

Живёт в Ташкенте.

Свобода! Как давно он мечтал о ней! Весь мир, вся необозримая вселенная, полная сакральных загадок и непостижимых таинств, неопишущего разнообразия флоры и фауны, подвигов и коварств народов планеты, грандиозного исторического шествия человечества – всё было сужено доселе для Казимира Захаровича до кривобокого столика в тёмной, сырой, продуваемой сквозняком конторе, которая являла собой воплощение нелепого смысла его прежней жизни; и на всём протяжении этой жизни Казимир Захарович честно исполнял возложенные на него обязательства, делая всё, чтобы все, решительно все были им довольны: первые двадцать лет он был послушным учеником, последующие сорок – исправным служащим. За долгие годы распорядок его дня ни разу не менялся: он ежедневно вставал на рассвете, завтракал, нырял в колесницу, прямиком в потные объятия бодрого народа, в этих же объятиях, но народа уже почему-то печального, возвращался, ужинал и ложился спать. Другой жизни Казимир Захарович не знал. А вчера он вышел на пенсию.

Казимир Захарович поставил ногу на платформу подъехавшего транспорта, но остановился – да, две монетки звонко позвякивают в кармане пиджака; да, это его трамвай, можно даже сказать, его родной трамвай, и лица, выжидательно выглядывающие из мрачных недр, родные, давно знакомые – но нет, он уступает проход людям, а сам уходит прочь.

В лёгкой фетровой шляпе ступает Казимир Захарович по жёлтым пескам отворившегося перед ним мира – только его мира – мира, в котором больше некому помыкать им. С важностью хозяина и восторженностью младенца поглядывает он то на голубые купола мечетей, то на величественные ворота медресе. Вольный ветер пьянит его воображение, а разгоревшееся пламя солнца возносит душу. Чувство повсеместного обновления захватило его волю и унесло в новый, неведомый свет.

Давно уже сбился с пути Казимир Захарович, а, впрочем, других путей он и не знал, поэтому, куда бы он ни пошёл, он всё равно бы сбился с пути. Ноги от непривычки стали ныть, голова – всё же Казимир Захарович был уже человеком в возрасте – опрокинулась, а недавно ещё окрылённая душа грохнулась с каких-то семинебесных эфирных высот и попросила воды. Казимир Захарович остановился. «Ничего, – подумал он, – сейчас отдохну, выпью чего-нибудь, благо деньги у меня ещё остались, а потом уже как-нибудь доберусь до дома». От этой мысли на его лице показалась неуверенная улыбка.

И вправду, вскоре ожидание Казимира Захаровича воплотилось в виде ржавой колонки с чистой – насколько только может быть чистой во время жажды – водой. Он ликующе сбежал по крутым ступенькам, на ходу доставая заветные монетки. У колонки выстроилась немалая очередь, человек в пятнадцать; каждый подходил, брал из рук заправлявшего водой ковш, смаковал глоток за глотком, слушал изящную брань собратьев, ощущал на себе заковыристый взгляд злобного заправлявшего с огромным модным тюрбаном на маленькой голове, но при этом не переставал наслаждаться, назло всем причмокивая и закрывая от удовольствия глаза, пока не получал от этого с заковыристым взглядом в чалме оплеуху и не передавал ковш следующему. «Вот и хорошо, вот и слава Богу», – думал Казимир Захарович, подходя к очереди.

Никогда он не любил очередей, не переносил их на дух; там, где человек выказывает животную сущность, отрекается от скопившегося в нём за миллионы лет на генетическом уровне культурного опыта – а иначе нельзя, иначе погибнешь, – напрочь свергает цивилизационную лестницу, забывая о

разуме, подчиняясь лишь глубинным чувствам и инстинкту (человек в очереди не есть ли опаснейший зверь?), там, где нужно быть начеку и на каждый клык показывать два, Казимир Захарович безнадежно терялся, Казимир Захарович чувствовал себя уязвленным, Казимир Захарович сохранял в себе человека, но человек этот был тих и зыбок. Ему всегда удавалось увёртываться от очередей, обходить их стороной; по правде говоря, он и службу выбрал такую, где появление посторонней личности было событием исключительного характера; но теперь он не мог увернуться, сама судьба привела его сюда, вынудила. Казимир Захарович оказался подневольником.

– Добрый день, господа! – негромко приветствовал очередь Казимир Захарович.

Но нет, никто не обернулся: все увлечены очередной перепалкой заправлявшего с каким-то здоровяком, который отказывается уплачивать за бесценную спасительную влагу.

Казимир Захарович всё же уверенно подходит к толпе и становится за спиной самого крайнего – весельчака с великолепными усами. Очередь движется, хотя и медленно, но движется. Солнце, перевалившее за ту черту, до которой оно кажется завораживающим и дарящим жизнь, а после – невыносимым и сводящим с ума, падает на землю газообразной лавой. «Моих денег хватит на целых два ковша, – с удовольствием думает Казимир Захарович, – этого вполне достаточно».

Но вдруг! (должно же быть какое-то «вдруг», не правда ли?) А, впрочем, никаких «вдруг» не происходит. Очередь монотонно движется в одном направлении, Казимир Захарович отрешённо смотрит себе под ноги, беспокоя ботинком пыль, люди опустошают ковши и расходятся. Вполне прозаичная картина. Разве только подошли три араба – друзья? – и затесались неудобно, полубоком, как-то странно, в одном ряду с Казимиром Захаровичем. Шаг, два, и они уже перед ним.

Казимир Захарович поднимает глаза, скорее удивлённые, чем возмущённые... и вновь опускает их. «Подумаешь. Больше разговоров. Пусть стоят». И они стоят. Разговаривают. Смеются. Смех их уносится в пустынные дали, эхом отдаётся от высокой глиняной стены, переплетается с приближающимися голосами откуда-то бегущей своры мальчишек, кроме которых уже ничего не слышно: с голосами неприятными, беспокойными. Вырастает длинный хвост новой очереди, такой же шумный, такой же вертлявый, отесняет Казимира Захаровича, и тот, оставшись за бортом каравана, грустно смотрит в небо: хоть бы деревце, хоть бы тучка под этой жёлчной высью!

У колонки опять хором закричали, завязалось какое-то барахтанье, то ли шутили, то ли дрались, – Казимир Захарович отвернулся. «Ах, что же вы так шумите!». Справиться с детьми он всё равно не смог бы, а потому решил их пропустить вперёд. Подошла длинная фигура в парандже с кричащим комочком, завернутым в миткаль. Все согласились уступить ей.

Казимир Захарович отошёл в сторону, неуклюже приловчился у кривой ступени. «Хотя бы отдохну, глядишь, скоро все разойдутся». Он никогда не видел, как зарождается закат, а отсюда, со ступенек, небо открывало всю панораму уже алеющего горизонта. Он снял шляпу и протёр платком блестящий лоб. Закат – вещь грациозная, но какой от него толк, если мучит жажда?

Когда очередь стихла, поредела, укоротилась, Казимир Захарович подошёл и встал за кучерявым мужчиной с оголённым торсом, неизвестно когда успевшим прийти сюда. Не успел Казимир Захарович укрепиться на месте,

уверовать в благой исход долгого ожидания, как огромная волосатая рука схватила его за плечо и отодвинула беспардонно, будто никому не нужный хлам. Если бы он был моложе, если бы он был сильнее, то... нет, ничего бы не изменилось. Он бы так, как и сейчас, возмущённый до предела, учтиво бы воспросил: «Уважае... Многоуважае... Премногоуважае... Простите!?» и на него всё равно никто бы не обратил внимания. Но всё бы ничего! Казимир Захарович стерпел бы и это; и этого, между нами говоря, весьма невежественного юношу он пропустил бы вперёд. Однако за ним стояло ещё трое или четверо, один из которых – лысый, и не просто лысый, а нагло лысый, какие внушают страх и отвращение – ухмылялся, вызываясь глядя на бедного Казимира Захаровича. Делать нечего – «Главное не смотреть ему в глаза» – пришлось встать за лысым, с лица которого не сползала колючая усмешка, вызванная присутствием (и это несомненно!) Казимира Захаровича.

Отчаянию Казимира Захаровича не было предела, но, несмотря на это, оно удвоилось, утроилось и поделилось на нуль, когда этот лысый на вопрос вновь прибывшей группы пузатых мужей «Кто тут последний?», ответил: «Я». Большие животы проплыли – так проплывают верблюды-титаны в качающихся далях пустынь – мимо Казимира Захаровича. Вновь он остался стоять особняком. «Очередь всё равно когда-нибудь кончится. А как кончится, так я и подойду». Люди двигались, расходились, приходили новые. Порой казалось, что их осталось совсем немного, но опять раздавался вопрос «Кто тут последний?», и опять злорадно кружили вокруг Казимира Захаровича мелкие глаза того лысого, завидев которые приходилось только смущённо улыбаться, а лучше отворачиваться. «Главное – ждать».

– Ты! – прошипел сиплый голос, Казимир Захарович обернулся. – Да, ты!

Коленки подкосились у Казимира Захаровича. Сквозь слепящие лучи заходящего солнца не мог он разобрать лиц, звавших его, но ему явственно показалось, что перед ним полчище таких же лысых, тысячи, мириады; с одинаковыми лицами, как один, все они смотрят на него с подлыми улыбками, одни – исполины, передвигающиеся на четвереньках, другие – мелкие, словно муравьи, намеревавшиеся проникнуть в непроницаемое, и все они шипят в бесовском смехе, в упор уставившись на Казимира Захаровича.

Он бежал. «Найдётся и в другом месте вода. Клином что ли сошёл на них свет». Каменная площадь сменялась опустевшим базаром, смрадные проулки упирались в безлюдные тупики. Всюду было пусто. К тому же начинало смеркаться, показался бледный полумесяц. Где-то прозвенел трамвай. Казимир Захарович хотел было кинуться за ним, да мгновенно осознал своё бедственное положение. Наверху запел муэдзин, зазывая на магриб. По тусклым окрестностям прошёлся холодок, и побрели тени.

До последнего луча солнца блуждал Казимир Захарович среди саклей, мучаемый небывалой жаждой. Он был уже готов звать на помощь, но пересохшее горло с трудом пропускало воздух. Каким-то неестественным морозом обдало всего Казимира Захаровича. «Пойду прямо. Куда-нибудь, да выйду». Впереди попалась высокая и бесконечно длинная во все стороны стена. И опять ступал он, надеясь и веря. На исходе стена заканчивалась крутой лестницей, вся земля полого уходила вниз, и Казимир Захарович, спустившись по кривым ступенькам, обомлел: впереди стояла ржавая колонка, подле неё заправлявший с маленькой головой набирал в ковш воду. Да, ошибиться было нельзя, он снова оказался на прежнем месте. Казимир Захарович подошёл.

– За кем я?

– За мной, за кем же ещё, – ответил человек – единственный человек, ожидающий своей очереди.

Казимир Захарович встал за ним. Неужели этот кошмар кончился? «Неужели этот кошмар кончился?» – тоже подумал он. Мучения, страдания, терзания были позади. Невероятная история подходила к своему завершению – счастливому завершению, как и полагается в добрых сказках. Пережить трудности и лишения, дабы возыметь желаемое? – неплохая мораль для рассказа.

– Кто последний?

«Только не это». Казимир Захарович осторожно повернулся.

– Ах, вы? Тогда мы за вами, – ответили на его взгляд два сухоньких господина.

– Благодарю вас, милейшие люди, – пропел Казимир Захарович, – но я могу вам уступить!

– Что вы, что вы? Спасибо, любезный друг, мы за вами.

Это были вежливые люди с добрыми глазами. Казимир Захарович сразу это понял. «Слава Богу! Милейшие люди!». Шаг, всего один шаг отделял Казимира Захаровича от заветной колонки. Он опустил руку в карман, достал монетки, переложил их в левую ладонь, затем – в правую, после взял по одной в каждую руку, поменял их местами. «Наконец-то! А вежливые люди подскажут мне дорогу домой». Он уже всё расписал: сейчас он выпьет воды, дожждётся двух этих приятелей, они, несомненно, подскажут ему путь; в противном случае приютят до утра.

– Следующий!

Вот оно, мгновение счастья, достойное романа! Казимир Захарович медленно делает шаг: только бы это было не помутнение рассудка, не какой-нибудь сон, который вдруг прервётся, опрокинет всё вверх дном, а вокруг вновь покажется вздор. Только бы это...

– Кончилось! – прокричал заправлявший, стуча кулаком по вентилю.

– Мне, пожалуйста, два ковша, – мягко произнёс Казимир Захарович.

– Кончилась вода, говорят тебе. Пошёл вон отсюда!

Так и остался стоять Казимир Захарович с вытянутыми ладонями, глядя на удаляющийся пустой ковшик. Только он хотел обернуться, разделить беду с вежливыми людьми, как сзади его кто-то больно толкнул, другой подобрал упавшие в песок монеты, и оба дали дёру. «Вежливые люди!», – промелькнуло у него в голове.

«Что же мне теперь делать? А, может быть, осталось ещё что-нибудь в этом кране? Нет, ничего... Что же мне делать...» Никто не мог ответить Казимиру Захаровичу. Один он стоял посреди сумеречного пустыря.

И вновь пошёл он. Но уже неспешно, опустив голову. Ему было обидно до слёз. А, впрочем, кто знает, может быть, он и опустил голову, потому что слёзы рвались наружу, или же, быть может, он и вовсе рыдал. Его всё равно никто не видел. На улице было пусто и темно.

Ах, если бы это были северные края, например, Россия – страна, в которой родился Казимир Захарович, но о которой уже ничего не помнил; если бы так, он бы сейчас набрал горсти снега, – там ведь и в марте лежат снега, там всегда лежит снег – он бы зарылся в эти свежие кристаллики воды, или нарвал сосулек! «Какие они, эти сосульки?». Но нет, здесь не бывало ни снега, ни льда. Разве случались дожди, да и то в редкие зимние дни.

Поэтические мысли резко прервались грохотом и криком. Казимир Захарович остановился. Из соседней чайханы могучей ногой выбило дверь. Показался верзила с тонким парнем на руках, которого он опустил перед собой и прокричал ему прямо в лицо что-то грозное и наверняка оскорбительное, а напоследок ударил и зашёл обратно, громко хлопнув дверью. Страдалец лежал бездыханно. Казимир Захарович подошёл, потыкал в него: «А-а, да ты, верно, пьян? Бедняга, как же с тобой обошлись». Он хотел было перевернуть его на спину, ухватился за карман его скарба и – невероятно! – нащупал бутылку. Да, это была непочатая бутылка с надписью «Арак»!

Казимир Захарович никогда не пил ничего подобного, более того, он презирал всех пьющих людей. Но упустить такой шанс было оскорбительно по отношению к судьбе, ко всем богам и ангелам-хранителям. Казимир Захарович взволнованно шагал, переходил на бег и вновь шагал; он хотел удалиться в самый тёмный уголок города, в самое безлюдное место, где бы он смог спокойно, с превеликим наслаждением остаться наедине с целым литром арака и утолить проклятую жажду.

И он исчез в бесфонарных подворотнях. Город давно спит, под небом, в душистой весенней тишине, стелется прохлада. Не видно ни единой живой души. А где Казимир Захарович? Нет его, и неизвестно, появится ли он вновь. Позвольте, а чья же это фигура бредёт по чёрной мостовой? Кто это, шатаясь, путаясь в собственных ногах, переваливается с одной стороны тротуара на другую?

В немой ночи плёлся мрачный и бесконечно одинокий силуэт в шляпе. Его вновь терзала жажда. Но не жажда воды – её легко утолить – то была новая жажда, куда фатальнее, неотвратимее, трагичнее. Сию безвестную душу снедала лукавая жажда славы, коварная жажда богатства, небывалая жажда власти и – о, святые угодники! – вселенская жажда любви.

Отражение

«Отражение». Гелевая ручка.

Софья ГНИТЕЕВА

Софья Андреевна Гнитеева – ученица московской художественной школы. Победитель Всероссийского Открытого Конкурса детского рисунка имени Нади Рушевой. По результатам этого конкурса (2015) принимала участие в отчётной выставке художественной школы 2015 г. Диплом второй степени Московской олимпиады по изобразительному искусству, 2015 г. Диплом участника II Московского городского конкурса Академического рисунка – 2015 г.

Живёт в Москве.

«Солнце в зените». Акварель.

«Тревог начало». Сухая пастель.

«Неизвестное озеро». Гелевая ручка.

ПОЭЗИЯ

Валерий МИХАЙЛОВ

Валерий Фёдорович Михайлов – поэт, прозаик, публицист, автор многих книг стихов, изданных в Казахстане и России, документальной повести «Великий джугт» («Хроника Великого джугта»), книги «Лермонтов» (2014), «Боратынский» (2015) (серия ЖЗЛ). Главный редактор литературнохудожественного журнала «Простор».

Живёт в Алматы (Казахстан).

СВЕТИЛЬНИК

Поэма

I

Авгарь, царь эдесский, в раслабе проказы лежит,
И чёрная немочь шесть лет как томит его душу и тело.
Неверный огарок свечи в изголовье дрожит, –
Не жизнь ли его, будто эта свеча, догорела...

Он лекарей суетных и мнимоучёных давно уж прогнал,
Без толку их зелья и мази, коренья и травы.
Гнев Божий в проказе своей царь Авгарь увидал,
Телесные язвы лишь отзыв душевной потравы.

– За что на меня Ты прогневался, праведный Бог,
И разве вину, коли есть, не искупил я страданьем?
Воззри ж на раба Своего, на беду мою злую, как жалок и плох! –
В бессонной ночи одинокой воззвал он с бессильным рыданьем.

Но небо молчало, сады драгоценные звёзд равнодушно цвели,
До чьих-то мучений и слёз никакого им не было дела;
Луна, словно спелая дыня, безмятежно сияла вдали
И вечную песнь золотую с холодным безстрастием пела.

II

Наутро вельможи-послы, Мар Ихаб с Шамшаграмом, к Авгарю пришли:
– О царь! мы вернулись с добром: благоволит к нам император Востока.
И радость иную – великую! – мы ныне тебе принесли:
Явился Пророк на земли и творит чудеса он воистину волею Бога!

Прикоснётся рукой – и слепой прозревает, к немому возвращается речь;
Прокажённых очищает и даже, поверишь ли, мертвецов воскрешает!..
Но пуще всего тот Пророк занемогших душою желает сберечь –
Молитвенным словом всевластным он нечистых духов изгоняет.

На обратной дороге посетили мы Иерусалим, –
Молвь повсюду идёт о мессии, и люд чудесам тем дивится, –
Нам взглянуть захотелось на всё это собственным оком своим,
Разувериться в слухах или же в их правоте убедиться.

Хоть не встретился сам, тьма свидетелей... о, как светились глаза
Всех, кто рядом с ним был!.. что за речи лились неподобны!..
– Это Бог или Сын это Божий! – царь Авгарь поражённый сказал, –
Только Они возвращать жизнь покинувших мир сей способны.

Так, заочно, лишь со слуху, первым среди земных царей,
Уверовал Авгарь во Спасителя, что явился в земле Палестине,
И Христа Иисуса повидать возжелал он как можно скорей,
Но, бездвижный, не мог сам идти, чтобы в нём поклониться святыне.

III

Послание Авгаря к Спасителю

«Авгарь, сын Аршама, правитель страны, Иисусу Спасителю шлёт привет.
О тебе, благодетель, прослышал я, о твоём врачевании неподобном.
Говорят про тебя, ты хромым ставишь на ноги, слепым даришь свет,
Исцеляешь страдающих и воскресаешь умерших прикосновеньем своим
Богоугодным.

Верю, либо ты Бог, к нам сошедший с небес,
Либо ты Божий Сын, людям посланный во спасенье.
Много лет пригвождён я к одру и жестоко страдаю я здесь.
Умоляю, приди и спаси меня, лишь твоё мне поможет лечение.

И прослышал я также, что в стране твоей ищут тебя,
Что хотят иудеи предать тебя страшным мученьям.
Город мой невелик, но хорош, хватит нам на двоих, и мы встретим любя.
И, как ты для меня, город мой для тебя да послужит спасеньем».

И посланцы Авгаря поспешили в Иерусалим.
Хоть апостолы никого из язычников к Учителю не подпускали,
Но царёвы гонцы всё ж управились с порученьем своим,
Как Филипп и Андрей то письмо Иисусу наконец передали.

IV

Ответ Спасителя Авгарю

На посланье царя дать ответ Иисус Фоме повелел: «Так пиши:
Блаженны, кто веруют в меня, не видавши меня. Им – награда!
Ибо сказано обо мне: невидящие меня – уверуют и будут жить.
А видящие меня – не уверуют и потому не минуют ада.

Ты к себе призываешь, но путь мой задан с небес –
и что должно свершить, то свершу.
А потом вознесусь я к Тому, Кем был прислан.
Как исполнится правда, одного из апостолов я в Эдессу пришлю,
Он за веру твою исцелит тебя, царь, и жизнь даст как тебе, так и присным».

V

Но предвидел Авгарь: Иисус к нему вряд ли придёт.
До того ли Спасителю, живущему по высшей воле?..
Живописца Ананию в Иерусалим он послал наперёд
Образ Господа нарисовать незаметно – ни мене, ни боле.

Не выходит портрет, не даётся искуснейшей кисти Божественный лик:
Ускользают куда-то черты – в несказанное, что ли, всё мимо и мимо...
И Анания, как ни старался писать, одно лишь постиг –
Что природные краски бессильны: изображенье Христа непостижимо.

Хоть скрывался художник в толпе, тайноведцу открылась Анании грусть.
Приказал принести он воды, и омыл ею чистой лицо, и отёрся платком,
что имелся, –
И нежданно-негаданно заиграл всеми красками четырёхконечный убрус:
То на белом холсте пресвятой его образ нерукотворный запечатлелся.

И народ, что собрался послушать Христа, в изумленье стоял,
Страх Господень неволью почуяв всем сердцем, всей кровью.
А Спаситель, окликнув по имени, Ананию к себе подозвал
И убрус протянул ему: – Вот, Авгарю отдай, да спасётся любовью!

VI

Приложившись к святому убрусу, с ложа хвори поднялся Авгарь,
Благоговейно поклонился он Образу, хотя полностью не излечился, –
На лице след проказы ещё оставался, как встарь,
Ждал правитель, когда же придёт Иисуса Христа ученик, и молился.

Как вознёся Спаситель, настал Им обещанный день:
Во все стороны мира понесла Его братия ученье Христово,
И Фомой был направлен в Эдессу апостол Фаддей,
Чтоб спасти и царя и народ, проповедуя Слово.

Окрестил он Авгаря – тот по вере своей исцелился совсем,
И вослед за властителем народ покрестился, чуду не переставая дивиться.
И Фаддей, по свершенью сего, на убрусе святом сделал надпись затем:
«Христе Боже, всякий, уповая на Тебя, не постыдится».

VII

А потом повелел царь Авгарь зело украсить икону благодатную ту,
И она пресвятая обрела себе место над городскими воротами –
в каменной нише.

Всяк, кто порог тот переступал, прежде кланялся Спасу Христу,
И всем путникам верилось: само Небо благословляет их, становится ближе.

Чудотворного образа много лет нерушим был покой,
И под оком Христовым люди жили в Эдессе ладом, миром.
Но однажды случилось, что правнук Авгаря заблудился душой –
И убрус чудотворный приказал снять со стены, чтобы кланялись
не Богу – кумирам.

И тогда сам Христос явился эдесскому епископу в тонком сне,
Повелев от поругания немедленно спрятать икону.
Той же ночью священник отправился к воротам и был на стене,
Чтобы верой и правдой послужить Благодати, а не закону.

Помолившись, он пред образом нерукотворённым тихо лампаду зажгёт,
Оградил полукруглую нишу глиняной плитой, а снаружи
заложил кирпичами –

И надёжно сокрылся от идолопоклонников Бог,
И светильник молитвенный, если кто и видел, то духовными только очами.

VIII

Пять веков с той поры миновало, много воды утекло...
Позабыли эдессцы давно про убрус, про великую эту святыню.
Никому здесь – даже случайно, на миг – и в голову бы не пришло,
Что всё время лишь образ нерукотворный Христа оберегал их доньне.

Но с войною пришёл в эту землю царь персидский Хозрой,
И сдавило Эдессу громадное войско беспощадною хваткой железной –
Не по силам отбиться, нет надежды на помощь... Что делать с такою бедой,
Осаждённый город не ведал, голодный, холодный, болезный.

И народ возопил о спасении к Богу, раскаявшись, плакал навзрыд.
В сновиденье владыке Евлалию светоносная Дева Мария явилась:
– Над градскими воротами в замурованной нише убрус, вами забытый,
сокрыт.

Так достань же его – и спасёт вас от гибели Божия милость.

И епископ с рассветом тот старый схорон отыскал,
Разобрал кирпичи, отодвинул плиту... и – о чудо! – застыл, поражённый:
Пред убрусом лампада горит! – вот, что он увидал,
А на камне на древнем – тот же образ Христа отражённый.

На стене встал священник, распрямылся, над миром икону воздел –
И рассыпались персы, гонимые Спасом Нерукотворённым...
Ну, а в нише разобранной так же тихо, как прежде, светильник горел
Перед ликом Христа, на той глиняной, окаменелой плите напечатлённым.

К 135-летию «беспорядков» на юге страны

«Безмолвствовал» ли народ после 1 марта 1881 года?

Что происходило в стране после убийства народолюбцами 1 марта 1881 г. царя Александра II? Были ли какие-либо народные акции в защиту монархии, например, беспорядки или манифестации, направленные против революционеров?

Революционные пропагандисты того времени, а вслед за ними – идеологи СССР утверждали, что никакого возмущения против теракта не было и что русский мужик ненавидел царя Александра III так же, а, может быть, ещё больше, чем его отца. Разумеется, в целом, ситуация действительно была неоднозначной, и какая-то часть народа сочувствовала революционерам-террористам, но сегодня ничто уже не заставляет нас скрывать и другую часть правды, а именно, то, что часть населения империи революционерам не только не сочувствовала, но разными способами выражала своё неприятие революционного террора.

В этой статье речь пойдёт о беспорядках, возникших на юге империи (на территории нынешней Украины) в апреле-мае 1881 года. Эти беспорядки носили националистический характер и были направлены против евреев, которые в данной ситуации оказались «без вины виноватыми». Ясно, что косвенно эти беспорядки были и реакцией на теракт 1 марта, но ведь революционеры были «невидимыми» (подпольщиками), а вот евреи были у всех на виду, потому-то и стали объектом стихийной «мести», само наличие которой в советское время замалчивалось.

В качестве примера не вполне добросовестных историков советского времени я приведу П.А. Зайончковского и его книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг.» (М., 1964). Исследование в целом добротное, в нём, например, подробнейшим образом рассмотрена деятельность графа Н.П. Игнатьева на посту министра внутренних дел

Александр
АНДРЮШКИН

Александр Павлович Андриюшкин (1960 г.р.) – прозаик, литературный критик, историк, член Союза писателей России. Печатается с 1989 г., первое опубликованное произведение – рассказ «Полдома в деревне» («Точка опоры», сборник прозы молодых авторов. Л., «Лениздат», 1989). Работает Исполнительным директором АНО «Христианское служение».

Живёт в Санкт-Петербурге.

Николай Павлович Игнатъев (1832 – 1908)

документов, главным образом, полицейских отчётов, рапортов и донесений. Кроме того, для понимания событий весны 1881 г. автору данной статьи оказались полезны следующие источники: Игнатъев Н.П. «После Сан-Стефано». Петроград, 1916; «Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880-1883)». М.-Л., ГИС, 1923; «Письма К.П. Победоносцева Александру III». Т. 1, М., 1925; «Первые недели управления императора Александра Третьего. Письма К.П. Победоносцева к Е.Ф. Тютчевой». – «Русский архив», 1907, №5; «К.П. Победоносцев и его корреспонденты». М.-Пг. 1923; Ю. Гессен. «История еврейского народа в России». Т. 1-2, Л., 1925.

Что же происходило на юге России после марта 1881 года? В 1881 г. Пасха выпала на 12 апреля (здесь и далее даты – по старому стилю). Для современника событий было ясно, что, если обширные волнения и произойдут, то они случатся именно на Пасху, хотя бы потому, что традиционно окончание Великого поста сопровождалось бурными народными гуляниями и беспорядками, случались и антиеврейские погромы в местах массового проживания евреев. В этом году Пасха практически совпала ещё и с окончанием 40-дневного траура по убитому императору...

Традиционно на Пасху, для предотвращения массовых беспорядков, в помощь полиции задействовались войска, так же произошло и во многих городах Украины в 1881 г. Тем не менее, погромы начались в Елисаветграде

(он был назначен на этот пост 2 мая 1881 г.), книга содержит детальные описания всей государственной жизни России в начале царствования Александра III, но её автор из хроники этого времени полностью выпускает лишь один вопрос, а именно – вопрос погромов. (О погромах Зайончковский упоминал в другом месте той же монографии и вскользь). Между тем, в советские же годы были напечатаны и важные материалы на эту тему, укажем на известный двухтомник «Материалы для истории антиеврейских погромов в России». Тт. I-II. Петроград-Москва, 1923.

О событиях апреля-мая 1881 г. говорится в томе втором этой книги, где приведено, почти без комментариев, большое количество различных

(нынешний Кировоград, областной центр на Украине к западу от Днепропетровска), а затем распространились на многие другие города и посёлки.

В Одессе в этом, 1881 году всё оставалось спокойно, и 15 апреля генерал-губернатор Одессы отправил министру внутренних дел следующую телеграмму: «Праздничные дни Пасхи, за принятыми мерами, прошли без всяких беспорядков и столкновений между христианским и еврейским населением Одессы». Однако именно в этот день погром начался в Елисаветграде.

Вообще-то и в этом городе власти ждали беспорядков и приняли меры. В 1881 г. слухи, что «на Пасху будут бить евреев», распространялись повсеместно, о них писала и местная газета «Новороссийский телеграф». Тогда Елисаветград принадлежал к Херсонской губернии, и городские власти заблаговременно, до Пасхи, уведомили об этих слухах губернатора и вызвали в город войска. 7-й гусарский Белорусский полк с первых же дней праздника высылал на усиление полиции конные и пешие воинские наряды, кроме того, городские власти Елисаветграда постарались уменьшить скопления народа на праздники, для чего запретили ряд гуляний, в том числе качели, вокруг которых собирались особенно большие толпы народа.

Однако первые три дня Пасхи прошли в Елисаветграде без больших инцидентов, и утром 15 апреля полицеймейстер заявил генералу Косичу (командиру расквартированной неподалёку дивизии, из которой присылались войска) и телеграфировал губернатору, что пасхальные праздники проходят спокойно и что он для усиления личного состава полиции более в войсках не нуждается. И войска были отозваны. Далее цитирую полицейский отчёт о событиях 15 апреля 1881 г. в Елисаветграде¹:

«Между тем, в 4-м часу того же дня, в винном погребе мещанина Шулим Гричевского собрался разный народ, распивавший водку; в числе посетителей был общеизвестный в г. Елисаветграде юродивый – Иванушка, которого кто-то заставил петь “Христос Воскресе”, но когда Иванушка запел, Гричевский начал его бить и выгнал вон; обстоятельство это вызвало общее негодование, и погреб был тотчас же закрыт, но, несмотря на это, народ начал шуметь и кричать... а евреи, в свою очередь, кричали, что русские побили Гричевского; полиция стала разгонять собравшуюся тем временем толпу, но все старания её были напрасны: евреи, ввиду возникшего беспорядка, начали суетиться и бегать по улицам, русские рабочие и мещане, встречаясь с ними, сбивали их с ног, и толпа при этом разражалась смехом; тотчас же в нескольких еврейских лавках были выбиты стёкла, и вслед за тем большая часть народа перешла на базар, где прежде всего начала разбрасывать лимоны и апельсины, которыми там торговали евреи, вследствие чего тотчас же завязалась драка. Полицейский пристав ворвался было в толпу, но кто-то из пьяных схватил его за борт пальто, после чего несколько человек подхватили его на руки и вынесли из толпы, заявляя ему, что он напрасно подвергает себя опасности, угрожающей ему от каждого пьяного. Евреи защищались от толпы ломami, топорами и другими орудиями, но тем не менее толпа успела разбросать по базару корзины с апельсинами и разбить пять рундуков, пока, наконец, не прибыли на место чины местной команды, которые приостановили беспорядки, арестовав при этом наиболее буйных и пьяных...

Часов около шести прибыл на базар один эскадрон Белорусского гусарского полка, который выстроился на площади фронтом к базару; толпа, по-видимому, была напугана появлением войска и стала расходиться, крича: “на что войска, мы и сами уйдём”, но эскадрон этот ни к каким действиям не приступал и почти тотчас же был отведён на большую улицу, где два взвода его выстроились вдоль оной развёрнутым фронтом, а остальные два были отправлены для занятия других прилегающих к базару улиц и переулков. Видя, что войска стоят на улицах совершенно неподвижно, в толпе послышались крики: “Значит, можно бить жидов... бей их”, и участники беспорядков разбрелись по разным улицам и начали разбивать оконные стёкла в еврейских домах и синагоге. Одновременно с этим около синагоги раздались выстрелы, которые окончательно ожесточили толпу, приписавшую их евреям, тем более, что ещё до беспорядков по городу ходил слух, что евреи закупили в местном оружейном магазине несколько револьверов, что, впрочем, впоследствии и подтвердилось. В центре города, однако, беспорядки сами собой к вечеру прекратились, но в предместьях – Быковке и Пермском – толпа продолжала буйствовать, разбивая преимущественно еврейские кабаки и напиваясь допьяна даровою водкою. Утром 16 апреля беспорядки возобновились с новой силой, чему, по-видимому, много способствовало прибытие в город крестьян окрестных деревень, где уже разнеслась весть об избиении евреев в г. Елисаветграде...»

16 апреля власти ввели в город новые войска; тем не менее, погромы продолжали распространяться, цитирую далее тот же отчёт:

«Начавшись в селениях, ближайших к городу Елисаветграду, беспорядки быстро распространились по всему уезду: они возникли в ночь на 17 апреля в д. Черняковке, днём 17 апреля в с. Лелековке, в сел. Грузском, д. Сасовке и д. Поклитаровке, 18 апреля в д. Зеленовке, Григорьевке, Егоровке и Александровке; 19 апреля – в д. Пустополе; 20 апреля – в д. Миролубовке; 21 апреля – в местечке Витязевке, д. Антонополе и д. Каменоводке... В селах и деревнях начали разбивать еврейские шинки, пользуясь при этом даровою водкою, били в окнах стёкла и, вместе с тем, везде, за весьма немногими исключениями, грабили еврейское имущество...»¹.

Елисаветградский уезд был, как известно, только началом; далее беспорядки распространились на многие другие города и селения южнoевропейской части империи – от Одессы до Ростова и от Киева до Севастополя. В Киеве в беспорядках активное участие приняли рабочие; в Конотопе – мастера и работники железной дороги, в Смеле даже зажиточные крестьяне из соседних деревень приехали грабить еврейское имущество. В Одессе произошли многочисленные стычки, хотя в большой погром они не превратились. В нескольких городах войска стреляли в толпы погромщиков – были убитые и раненые. К концу 1881 г. беспорядки стали затихать, на Пасху следующего года возобновились, но уже не с такой силой как в 1881 г. ...

В данной статье автор не ставит себе задачу сколько-нибудь подробно написать обо всех беспорядках апреля-мая 1881 г. Достаточно было указать на то, что таковые всё-таки имели место. Кстати, некоторые деятели «Народной воли» пытались повернуть эти протестные действия толпы против монархического строя...

¹ Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Тт. I-II, Петроград-Москва, 1923. Т. II, с. 243-244.

¹ Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Тт. I-II, Петроград-Москва, 1923. Т. II, с. 249.

Сам царь Александр III вскоре после 1 марта тайно уехал из Петербурга в Гатчину, куда временно переместился и центр управления империей. То, насколько пытался новый царь и тот новый кабинет, который он создал, вмешиваться в течение этих погромов, – вопрос неясный и спорный. Если есть какие-то массовые народные движения или даже настроения, то все политические силы (в том числе, и «крайне правые» тех лет) попытаются ими воспользоваться – другое дело, получится ли это у них. Граф Н.П. Игнатъев был назначен царём вначале министром государственных имуществ (20 марта), затем – министром внутренних дел (2 мая). Игнатъева так характеризовал другой консервативный деятель тех лет, князь Мещерский: «...как помещик Юго-западного края, граф Игнатъев носил в утробе своей сильную антипатию к евреям»¹.

Об антиеврейских настроениях графа Игнатъева писали многие – это с одной стороны. С другой стороны, многие писали и о том, что погромщики в 1881 г. имели на руках некие списки, якобы переданные им полицией, и чётко понимали те рамки, за которые им не следует выходить. Если сопоставить эти два факта, то напрашивается вывод: новый министр внутренних дел и должен был поощрять и направлять погромы. Но для таких выводов у автора данной статьи нет сколько-нибудь осязаемых и конкретных доказательств. Тем более, нет таких доказательств в отношении нового царя Александра III.

Юрий Гессен так писал о наличии у громил «спущенных сверху» списков: «...бросается в глаза, что даже в моменты крайнего разрушительного экстаза бушевавшие не утрачивали представления о пределах, за которые им не следовало переступать... Современный автор записки о погромах, представленной правительству, утверждал, что погромы явились результатом искусственно вызванного антиеврейского движения, будто до мельчайших деталей организованного и обставленного всеми нужными средствами для достижения задуманной цели... В назначенный день по железной дороге приезжала шайка оборванцев, напивалась и под предводительством полуинтеллигентных коноводов, имевших заранее списки еврейских квартир и торговых помещений, начинала разгром... Об агентах, подготовлявших погромы, сообщает и другой современник: в Елисаветград, где именно началось погромное движение, в роли агитатора прибыл некий отставной статский советник, давший понять полицеймейстеру, благоприятно относившемуся ко всем иноверцам, что погром должен коснуться только евреев, но отнюдь не других классов населения (помещиков, купцов, немецких подданных). Однако, эти сообщения не говорят о наличии единого организационного центра»².

Здесь нужно поставить вопрос, который уже давно напрашивается: сколько же евреев погибло в погромах 1881 года?

Ответ парадоксален: не то один, не то два человека! Если бы это не прозвучало кощунственно, то можно было бы сказать, что «гора родила мышь». Такое количество зафиксированных «беспорядков», полицейских отчётов хватило на объёмистый том, а количество жертв не превышает «статистической погрешности»! Но психологическое влияние на евреев Украины эти события оказали значительное, доказательством чему – резко возросшее число людей, эмигрировавших в Америку. Именно во время царствования Александра III эта цифра резко пошла вверх и к началу XX века превысила миллион

человек.

О том, что у полиции были некие списки, косвенно свидетельствует и текст записки, которую представил царю граф Игнатъев уже 12 марта 1881 г.¹. В записке Игнатъев как бы позиционировал себя новым министром внутренних дел, он писал: «необходимо воспользоваться настоящей минутой всеобщего негодования, чтобы изменить этот неудобный и опасный взгляд общества» (имеются в виду доминирующие либеральные взгляды общества на отношения народа и власти – А. А.). Далее Игнатъев писал: «Большинство спокойного населения уклоняется от всяких сношений с полицией... Нужно предоставить широкую возможность сообщать необходимые данные без вызова к следствию и суду. Ещё большую пользу для дела нужно ожидать от проявляющегося стремления общества самому содействовать сохранению порядка... живым участием самих жителей».

Итак, новый министр внутренних дел царя Александра III надеялся на активные действия народа в защиту монархии. И такие активные действия – беспорядки и погромы – имели место, но не напоминали ли они конвульсивные защитные движения раненого человека? Могли ли всплески народного гнева вроде описанных в данной статье противостоять методической деятельности революционеров-подпольщиков?

Ответ известен: на том историческом этапе революционеры оказались сильнее, а империя рухнула.

¹ ЦГАОР, фонд Игнатъева, д. 1437.

¹ Князь Мещерский. Воспоминания. М., 2001, с. 492.

² Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. Т. 1-2, Л., 1925. Т. 2, с. 215-218.

Ночные страхи

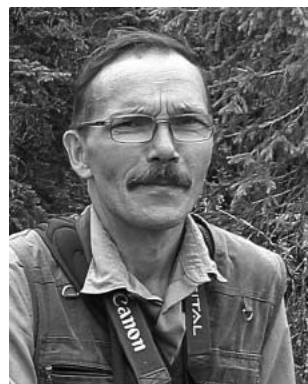
Вы любите ночь? Не знаете? Не задумывались?

Всякий человек найдёт в своей жизни дивные ночи, с огромной луной и звёздным небом, и ночи, когда мучили кошмары... Бывает, что кошмары проявляются наяву, и хочется всего лишь дожить до утра.

Люди, как и большинство птиц, и множество других обитателей земли – солнцепоклонники. Но живя в мегаполисах, или просто в комфорте постоянного электричества, легко стать ночным жителем, и решить, что ты – сова. Теперь представьте, что вдруг электричества не стало, и вы оказались одни в тёплой избушке. Вокруг зима, в трубе печки-буржуйки гудит ветер, и у вас одна толстая свечка, а в фонарике скоро сядут батарейки. И ночь, непроглядная февральская ночь заполняет всё вокруг... На циферблате девять вечера, рассвет забрезжит через двенадцать часов, и сна ни в одном глазу... Ни одной человеческой души на двадцать вёрст вокруг... Прочувствовали? Значит, вы поняли, что такое одиночная зимняя экспедиция.

Зачем же я пускаюсь в такие странствия? Работа такая, зов природы, привычка... Обычно, заселяясь в лесную избушку, я люблю раскладывать своё многообразное снаряжение по всей избе, так легче найти нужный предмет. Когда бродишь по тайге один, то обычно ничего не забываешь. Вещи как будто сами прыгают в рюкзак, и ты уверенно двигаешься в путь, зная на все сто, что ничего не потеряется. Если же с тобой несколько попутчиков, то ты никогда не можешь быть уверен, что не забыл что-то жизненно необходимое. Но вот ночные страхи в компании не придут никогда. Я до сих пор не уверен, что лучше: путешествие в компании; или одиночная экспедиция с ночными страхами.

Вообще-то в избушке спится хорошо, если мыши не шуршат. Только ночь уж больно длинная. Бревенчатый сруб кажется крепостью, и

Василий Анфимович Колбин – окончил биологический факультет Пермского государственного университета. Орнитолог. Кандидат биологических наук. Член Союза журналистов России. Работает в заповеднике «Вишерский»: ведущий научный сотрудник. Автор более 100 публикаций на научные и научно-популярные темы. Публиковался в различных журналах, в альманахе «Литературная Пермь». Автор и соавтор нескольких книг, посвящённых природе и животному миру Пермского края. Лауреат премии фонда Ф.Р. Штильмарка в номинациях «Книги о природе для детей» и «Достижения в науке» (2010). Живёт в Перми.

даже если за стеной слышатся чьи-то шаги – это не особо беспокоит. В окно ведь никто не ломится. Знаешь, что утром всё станет ясно. Хотя с окном не всё так просто: были случаи, когда медведь через окно зимовья одеяло с дремлющих лесников стаскивал... Впрочем, это я отвлекся, ко мне медведи в окно избы не ломились – тьфу-тьфу.

Одной зимней ночью на заповедном кордоне меня донимал бидон, повешенный на стену избы. Под порывами ветра он мягко шаркал об стену, а изнутри эти звуки воспринимались как чьи-то шаги. Понятно, что разобраться с природой звуков и «коварным» бидоном удалось только при свете дня.

Совсем другое дело – ночь в палатке. Полотняные стены не дают чувства защищённости. Здесь многое зависит от места. На Вишерском Урале летом мне спится хорошо. Летние ночи светлые. Медведи обычно скромные, ведут себя тихо, даже если и бродят неподалёку. Вот ночёвки в Приамурье в палатке почему-то последние годы спокойно не проходят. Темнота даже в июне наступает уже к десяти часам вечера, а серый рассвет приходит только к пяти утра. Можно с сожалением вспоминать молодые годы и крепкий безмятежный сон тех лет. Хотя, под утро и тогда нередко приходилось просыпаться от кряканья уток и чавканья лося, кормящегося поблизости водяным орехом.

Сравнительно недавно – в 2003 г. – я неделями ночевал один в палатке на излучине реки Норы. И палатку ставил в лесу довольно далеко от берега, чтобы не натаскивать в жильё песок. В последующие годы, когда мне несколько раз посчастливилось сплавать по реке Бурунде вместе с сотрудником Норского заповедника – Станиславом, я всё время удивлялся, почему он ставит свой «вигвам» на песке или на гальке, неподалёку от уреза воды, в явно некомфортных местах. А Слава неизменно отшучивался на мои вопросы, заявляя: «В лесу я бабу-ягу боюсь...».

В те же годы я несколько раз в одиночку сплавался по реке Норе. Во многих местах спать мешали «козлы» – быки сибирской косули, которые значительную часть лета охраняют свою территорию, громко и басовито взлаивая. Однажды наглый «козёл» гарцевал прямо вокруг моей палатки и грубые окрики с моей стороны прогоняли рогача совсем недалеко. Уснуть под «песнь козлов» проблематично, но хотя бы сердце остаётся спокойным. Другое дело, если спать мешает медведь.

Обширная галечная коса на одной из Норских излучин возле устья Симушкиной протоки всегда привлекала меня как место стоянки во время сплавов. Но последняя ночёвка на ней запомнилась надолго. Когда я причалил здесь к берегу – в глаза сразу бросились свежие медвежьи следы. Наступал вечер, и я не особо встревожился близостью косолапого. В конце концов, попробуй найди такое место, где топтыгиных нет. Посидев у ночного костра и закончив традиционные вечерние записи в полевом дневнике, я забрался в палатку и благополучно заснул. Но спокойно проспать до утра не удалось – около двух часов ночи с треском рухнуло дерево неподалёку... Проснувшись, я быстро сообразил, что это медведь недвусмысленно показывает мне – кто на косе хозяин. Пришлось вылезать из палатки и разводить костёр.

Ночь стояла тихая, безлунная. На мари, невзирая на темноту, выводил свои замысловатые песни любви самец индийской кукушки. Я бродил вокруг костра, подтаскивал дрова. Косолапый больше никак не проявлял себя. Вскоре мне вконец надоело смотреть на огонь, и я снова забрался в палатку. Костёр потихоньку угасал, а меня обволакивал сон... но вдруг поблизости вновь затрещала и обрушилась на гальку очередная коряга. На этот раз я решил

подождать с костром и не вылезать из своего матерчатого домика. Но не прошло и пяти минут, как свалилось ещё одно дерево. Тут уже я понял, что поспать не удастся, и снова развёл огонь. До утра мне пришлось скрашивать свою вынужденную вахту крепким чаем. А как только рассвело, я подкачал лодку и покинул косу с её беспокойным хозяином.

После этой ночёвки я ещё несколько раз нарывался на реках Нора и Селемджа на медведей, которые шумели, прогоняя человека со своей территории. Известно, что одинокого путешественника хозяева тайги воспринимают как другого медведя, и если не удастся проявить свою силу, как-то демонстрируя зверю своё превосходство, то покоя не будет. От последнего «ночного» медведя на Норе я избавился, распылив в его сторону газ из баллончика против собак.

Не всегда медведи ограничиваются только запугиванием человека. В Сибири и на Камчатке ночёвки в палатке нередко заканчиваются трагически. Однако, довольно о медведях.

Иногда в ночной сумрак вторгаются совсем загадочные звуки, они также не способствуют крепкому сну. Летом 2005 года я ночевал на границе леса возле хребта Ольховочный в Вишерском заповеднике. Сыпала мелкая морось. Молчали птицы. И вдруг с хребта стал доноситься звон колокольчика – этакое деревенского коровьего ботала. Кто мог бродить среди гольцов и звенеть? Дождь не утихал. Сгущались сумерки. А таинственный колокольчик позванивал, не умолкая. Я подумал, что возможно это северный олень манси Бахтияровых. Но сразу вспомнилось, что олени у них уже совсем одичали и колокольчиков им давным-давно никто не привязывал. Тогда я решил, что это бродит дух северного оленя и звенит. Эта мысль, как ни странно, почему-то сразу успокоила, и я благополучно заснул. Я до сих пор не знаю происхождения тех звуков. Ночью происходит много таинственного, и далеко не всё можно объяснить. Я обычно не пытаюсь понять и рассмотреть всё неизвестное, с которым приходится сталкиваться в тёмное время суток, ибо, как говаривал Козьма Прутков, «нельзя объять необъятное».

Вообще, в таёжном одиночестве не рекомендуется, засыпая, представлять что-то страшное. Стоит на миг впустить в сознание какой-то «ужас лесной», как потусторонние образы полезут в голову один за другим. Этак недолго и до шизофрении докатиться. Хотя, конечно, всё зависит от степени впечатлительности каждого человека. Одни не боятся ничего, и опасность только щекочет им нервы. Генерал Михаил Скобелев говорил: «Встреча с врагом лицом к лицу, дуэль, опасность, в которую я могу броситься очертя голову, – всё это привлекает меня, возбуждает, опьяняет. Опасность сводит меня с ума, я влюблён в неё, я её обожаю, я бегу за ней, как другие бегают за женщинами, я желал бы, чтобы она никогда не прекращалась». Другие же люди, как мотки оголённых нервов, пребывают в постоянной тревоге и страхе, и такая изматывающая жизнь подпитывает их творчество. Перенесение своих страхов перед действительностью на бумагу было единственным способом как-то снизить стресс для писателя Франца Кафки, и он далеко не одинок.

А есть просто беспечные люди, они совсем не храбрецы, но ночью спят так, что даже медведь не может разбудить. Обычно, такое глубокое отключение свойственно молодым, но совсем недавно я столкнулся с таким «богатырским» сном у пожилого человека.

На кордоне тогда собралось много народа, поэтому в прокуренной избе спать не хотелось. Так что мы с Петровичем – сотрудником Благовещенского

университета расположились в персональных палатках. Ночь в Приамурье наступает быстро, даже летом, так что, если нет луны, уже в десять часов без фонарика по нужде сходить бывает проблематично. Тогда я быстро провалился в сон – чего опасаться, когда на кордоне несколько человек и три дворняги бегают в качестве сторожей. Но после полуночи меня разбудил истошный собачий лай. Собаки бросались на какого-то крупного зверя и временами бегали прямо возле палаток, заливаясь во всё собачье горло. Хлопали двери избы, ближайшие деревья освещали лучи фонариков инспекторов заповедника, я уже давно высунулся из палатки, приготовив фальшфейер, для отражения атаки косолапого... И лишь в соседней палатке не прекращался задушевный переливистый храп Петровича. Досыпать ту ночь пришлось урывками, поскольку собаки эпизодически поднимали лай. Утром выяснилось, что по кордону действительно шастал медведь, который проверял помойку. В самую смелую псину он в темноте так ловко швырнул ком земли, что бедняга завизжала и потом уже соблюдала дистанцию.

Все ночные перипетии оказались новостью только для бодрого, хорошо выспавшегося Петровича... Следующие ночи медведь снова приходил, снова собаки устраивали какофонию возле палаток, лишь приближающийся к шестидесятилетию Петрович спал сном младенца. Что это? Смелость, беспечность, флегматичность непомерная? Не знаю. Люди все разные. Знаю только, что никогда Петрович не ночевал в тайге один, и вероятно поэтому организм не научился спать как дикие звери. Когда ночь наполнена привычными звуками: шумом ветра, стуком дождевых капель по листьям, песнями ночных птиц, вас обволакивает безмятежный сон, но стоит хрустнуть ветке, прозвучать незнакомому крику поблизости, как пробьёт тревогу внутренний сторож, который всегда анализирует внешние звуки с тем, чтобы враг не застал врасплох....

Во время длительных одиночных странствий приходит осознание того, что ты такая же частица великого таёжного мира, как лесная полёвка с коротким хвостом, или сибирская рябина, гнущаяся под ветром. Так же, как и их, тебя мочит дождь, гнетёт холод, настигает дым от лесных пожаров. Ощущение принадлежности к окружающему космосу – природе – приносит покой и светлые сны. А уж если рядом появился крупный хищник, или разгулялись стихии, то от тревоги никуда не деться, и это правильно. Естественная реакция на потенциальную опасность унаследована нами от предков, именно она позволила тысячам поколений людей выжить несмотря ни на что.

ПОЭЗИЯ

Николай ПОЛОТНЯНКО

Николай Алексеевич Полотнянко – родился 30 мая 1943 г. в г. Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. Горького. Поэт и автор исторических романов. За один из них («Государев наместник») удостоен Всероссийской премии им. И.А. Гончарова. Книги стихов выходили в Ульяновске, Саратове, Москве (1982). Член Союза Писателей России. С 2006 г. главный редактор журнала «Литературный Ульяновск».

Живёт в Ульяновске.

Наташкин бор

1

Моя деревенька не богова –
Без церкви, вокруг глушь и тишь.
В тайге затерялась, как логово
Медвежье,
И смотрится в Шиш.
Пришли потаёнными тропами
Крестьяне в край вольной земли.
Забыли, что звались холопами,
Кладбище своё завели.
А там, где кладбище, там родина,
Хоть глушь и морозы крепки.
Берёзовый пояс поскотины,
И несколько изб вдоль реки.

У Быковых дом, что палаты.
Пыхтела кормилица – печь.
Травой богородской полати
Обкурены, есть где залечь.
Четырнадцать душ ребяёнок.
Мать звякнет – и все тут как тут.
На кашу налягут спросонок –
Ведёрный чугун подметут.
Сама Катерина матёра
(Из Хреновых – сразу видать)
Как матица, дому опора:
И ум, и сноровка, и статья.

В девчонках ещё Быков Осип
Ей в косу заплёл пару лент.
Служил он на царской в матросах,
Пришёл через восемь лишь лет.
Слюбились, отсвадьбились чинно,
Срубили избу на задах.
И стала пулять Катерина
Чернявых парней и девах.

У Зыковых то ж на полатях
Парнишек, что в поле снопов.
С иконы, от мух конопатой,
Таращился Бог Саваоф.
А кони у Пётра – ярилы!
Пусти – так и рвутся в запал.
Но всех, до последней кобылы,
На ярмарке он променял.
Уедет в кошевке –
С уздечкой
Вернётся нетрезвый пешком.
Зато Евдокии колечко
Всегда приносил, с огоньком.

У Шишкиных девки, что павы,
И каждая ликом чиста.
Анютка, Настюшка, Любава...
Но где для такущей оравы
Семья напасётся холста!
Ходили до инея босы.
Обувки одни на двоих.
Сбивали приданое.
Кросна
Всю зиму скрипели у них.

Дед Хренов власть старшему сыну
Отдал и о доме забыл.
Он днями себе домовину
Упрямо из кедра долбил.
Поробит, примерит по росту,
Улёгшись на жёсткое дно.
Не ведал ещё, что к погосту
Родному дойти не дано.

Сын Фёдор был редкостный мастер,
И дерево чуял нутром.
Он птиц на мужицкое счастье
Нарезал над каждым окном.

Все ставни раскрашены баско,
Подзор на гривастом коньке.
Стояла изба, словно сказка,
Лицом обернувшись к реке.

В деревне четыре фамилии,
Почти все друг другу родня.
Три века смиренно отжили,
Не прокляли даже ни дня.
Смотрели в сибирское небо,
Смекали, где канет звезда.
Лишь после пшеничного нэпа
И к ним накатила беда.

2

Никто и не помнит откуда,
Но после гражданской как раз,
У них в деревеньке приبلуда
Бабёнка одна завелась.
Худа и ребраста, как рубель,
Изъедена вшами коса,
И, словно заплёванный уголь,
Подёрнуты тинной глаза.
И что её трахнуло в спину –
С деревней вступила в войну.
У всех посчитала скотину,
Забыв посчитать ребятню.
Составила точный реестрик,
Конверт послунила губой.
И кинула это известье
На пристани в улей пустой.

И вскорости майскою ночью
Примчались в Усть-Шиш впопыхах
Военный и бывший рабочий
С брюхатым портфелем в руках.
Налогом тройным обложили,
Велели всё за год отдать.
И долго судили – рядили,
Кого за болота сослать.

Мужицких резонов не хочет
Услышать крикливая власть,
Что силы наёмной и прочей
Не видел никто, отродясь.
Все избы поставлены миром,
Сородичи в каждом дому.

В краю невесёлом и стылом
Не выжить никак одному.
Мол, искони жили артельно
И к лешему энтот колхоз...

И молча поднялся военный
Во весь свой, под притолку, рост.
И так порешил агитатор,
Портфель свой понянчив в руках:
– У Хреновых есть сепаратор.
А дом-то!..
Матёрый кулак!

3

Из Хреновых только Натаха
Вернулась домой через год.
Народ к ней с расспросами, ахал,
А та запечатала рот.

Острижена, как после тифа,
Видать, хлебанула судьбы.
Прошла по деревне и тихо
Завыла у отчей избы.
Поганки взошли на заплотах,
И крыша кой-где подгнила.
Отшибла горбыль на воротах
Наталья и в избу вошла.

Жильё без хозяев затухло.
И там, где стоял погребец,
Валялась разбитая кукла,
Которую сделал отец.
Припомнила, острым долотцем
Он резал её под окном.
Сама она с «зайчиком» солнца
Играла, в обнимку с котом.
Мать в туесе масло сбивала.
Христос золотился с угла...
Упала на пол, застонала
И куклу к себе подгробла.

Горела изба, как берёста.
Судьба поднялась на костёр.
Летели трескучие звёзды
К амбарам на шишкинский двор.
Деревня бежала с баграми
Гнездовье пожара зорить.

Отбили от Шишкиных пламя.
А избу не стали тушить.
Расплавилась стёкла в окошках.
Сгорело железо дверей.
Разрыли потом головёшки,
Но нет от Натахи костей.

4

Кукушкою время летело –
В болотную кануло тьму.
Уже голубика поспела,
Седая от сока, в ряму.
Пошли на Петровской неделе
Бабёнки по ягоды в бор.
Глядят – а под лапами ели
Мотается белый подол.
На мшине, где розово клюква
Цвела, поджидая мороз,
Лежала разбитая кукла
С глазами пустыми, без слёз.

Пришли мужики.
Помолчали.
Спустили Натаху с ветвей,
И с куклой в песок закопали,
Чтоб было им там посушей.

Моя деревенька глухая.
Народ – не бывало простей.
Но дали и ей погоня
Ретивых партийных кровей.
Он дело повёл на сурьёзе,
Под стать той убойной поре.
И все очутились в колхозе
С одним петухом при дворе.
Бесхлебье – крестьянское горе –
Ступило за каждый порог.
На долгом песчаном угоре
Приметный белел бугорок.

Наташкин бор тяжко и глухо
Пел скорбную песню свою.
Сугробы лебяжьего пуха
Стелила зима снегирю.

*Место действия поэмы:
деревня Усть-Шиш, Омская область.*

От славян до славян

Между славянским государством вандалов и Русским государством временной промежуток в полторы тысячи лет. Археологические материалы свидетельствуют о неизменности населения, проживающего на славянских территориях с древнейших времён, что доказывается также и неизменностью антропологического типа. Антропологические данные о более поздних, уже летописных временах подтверждают этот вывод. То, что, по мнению А.И. Соболевского, названия рек и озёр в пределах древних поселений славян в Северной, Центральной и Южной России вошли в говоры общеславянского языка, также свидетельствует о неразрывной связи славянских поколений с древнейших времен (16, с. 26-27).

Государство вандалов, образовавшееся в VII в. до н.э., объединило все славянские племена на Восточно-Европейской равнине. Продолжительность существования этого государства в первоначальных границах (см. карту в работе 24) неясна. Однако под разными наименованиями – венедов, венетов, вандилов, это славянское объединение продолжало существовать и, судя по сообщениям античных авторов, занимало огромные пространства. При этом отдельные племена или племенные союзы могли иметь значительную автономию. Первые существенные территориальные изменения, видимо, начали происходить с ухудшением климатических условий в Скифии, которая практически обезлюдела, а большая часть населения переселилась к россам в лесные районы. Если не считать Малых Скифий (в Крыму и Добрудже), то практически произошло, видимо, слияние скифов с россам. После улучшения климата бывшие скифские территории заняли сарматы, мирно расселившись на пустующих пространствах, на которые скифские племена, обжившись на благополучных новых лесных местах, очевидно, уже не претендовали. Да и при единстве славянского народа вряд ли существовали какие-либо границы между отдельными племенами и союзами племён.

Юрий Александрович Яхонтов – профессор, доктор технических наук. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга 2011-2013» за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга 2012-2014» за книгу «То, что в сердце давно берегу...». Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «А.П. Чехов». Живёт в Москве.

Дальнейшее глобальное изменение территории и состава населения произошло после нашествия гуннов. Часть сарматских славянских племён, видимо, была уничтожена, часть осталась под гуннским владычеством, а часть, по примеру предыдущего «климатического» переселения скифов, ушла в леса, к россам. Причём племена россов гуннский удар, очевидно, успешно отразили, поскольку лесную полосу как область владычества гуннов не упоминают античные и западноевропейские писатели.

О значительном оттоке сарматского населения в северные лесные районы говорят и данные археологии. П.Н. Третьяков пишет: «Очень многие поля погребений и поселения действительно уже не функционировали после IV – начала V столетия, причём в ряде мест, пограничных со степью, в частности на Левобережье Днепра, эти факты устанавливаются, по-видимому, как явление массового порядка». И далее: «Значительный отлив населения из области Среднего Поднепровья, связанный, несомненно, с гуннской экспансией, не подлежит никакому сомнению» (20, с. 152). Оценивая по археологическим материалам предполагаемое направление этого переселения, П.Н. Третьяков там же (с. 152) пишет: «Из области Среднего Поднепровья, а вероятно, и из Приднестровья значительное количество населения, несомненно, передвинулось в это время на север».

Думается, общая территория славянских племён на время владычества гуннов (до распада гуннского союза племён, последовавшего после смерти Атиллы в 453 году) сократилась. Хотя славянские племена с ограниченной независимостью продолжали существовать и на гуннской теперь уже территории. Об этом пишет Иордан, что любое скифское племя смогло вырваться из-под владычества гуннов только с приходом желанной для всех племён смерти Атиллы (4, с. 116).

Возможно, с гуннским нашествием следует связывать изменения в исторических документах в названиях славянских племён. Однако эти новые наименования отражены только во внешних источниках. Внутри славянского мира новых названий не появилось, но всё большую роль начинают играть россы лесной полосы (северные россы) (25), территория которых со всеми организационными структурами осталась неизменной, а население за счёт притока скифских и сарматских славянских родов увеличилось. Естественно, что жители лесной полосы вместе с переселившимся населением имели общее название россов. Дремучие леса россов во все времена служили запасной территорией, неприкосновенным запасом сил для всего славянства. И при гуннском нашествии северные россы стали связующей нитью от славян древних времён до славян времени образования Русского государства.

О том, что прежнее название венетов заменяется на другие имена и преимущественно на склавинов и антов, писал Иордан. Е.Ч. Скржинская в комментариях к Иордану пишет, что в санскрите «anta» значит «конец», «граница». И на этом основании она приводит мнение Г.В. Вернадского, что антов можно было бы рассматривать как «внешние» или пограничные племена аланов (4, с. 21). Если учитывать, что аланы – это славянские племена, то анты и являлись пограничными славянскими племенами, что соответствует действительности.

Вот что писал Прокопий об образе жизни и управлении славянских племён: «Эти племена, славяне и анты не управляются одним человеком, но издавнеле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всём остальном у обоих этих

варварских племён вся жизнь и законы одинаковы» (9, с. 297). Далее он отмечает, что у антов и славян один и тот же язык и по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы, цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый. Прокопий далее пишет, что некогда у славян и антов было одно и то же имя и в итоге рассматривает их как единый народ. Маврикий Стратег пишет, что племена славян и антов ведут одинаковый образ жизни, и у них одни нравы и между ними нет резкой границы (8, с. 180, 182).

Маврикий Стратег пишет, что славяне и анты любят свободу, не склонны ни к рабству, ни к повиновению. Исключительно гостеприимны по отношению к чужестранцам. Фактически он определил отсутствие у славян и антов рабства, поскольку даже взятые в плен у них находятся в неволе только определённый срок, а потом, заплативши выкуп, возвращаются на родину или остаются свободными у них. Замечу то, что автор (Маврикий Стратег) детально и со знанием дела описывает в своём сочинении, как надо грабить и разорять территорию славян и антов. Прочитав такое наставление (стратегию грабежа) по отношению к доброму и гостеприимному, по его же словам, народу, не удивляешься осуществлённым затем ответным славянским ударам по империи.

О неразрывной связи славян до и после гуннского нашествия говорит тот факт, что во время первых вторжений склавинов и антов в Византийскую империю в 495 и 517 гг. склавины и анты были названы в империи гетами – древнейшим наименованием славян, по мнению Симокатты. Из сказанного Квинтом Горацием Флакком: «суровые геты, которым немереные поля приносят свободные плоды и хлеба...» (21) и Гелением Акроном: «...холодные геты: сильные, суровые вследствие холодной страны» (1), также можно сделать вывод, что речь идёт о славянах.

После распада гуннского союза племён славяне вновь начали усиливаться. П.Н. Третьяков пишет, что «с начала же VI в. славяне предстали перед империей [Византийской] как самодовлеющая военно-политическая сила, определяющая ход событий» (20, с. 141). Далее он пишет, что анты и склавины говорили на славянском языке, обычаи, уклад жизни и элементы культуры во многом были свойственны впоследствии культуре Древней Руси. П.Н. Третьяков отмечает, что имена их вождей – Божя, Идара, Межимира, Лавриты и других, звучат по-славянски (20, с. 153).

Если соотносить склавинов и антов со славянскими племенами скифов, россов и сарматов, то вполне определённо склавинов или славян можно соотносить с россам лесной полосы (северными россам). А антские племена – очень предположительно с сарматскими племенами, к которым могли присоединиться отдельные скифские, а может, и русские племена. «Связь антов с культурами скифо-сарматского круга, – писал Б.А. Рыбаков, – намечается также и по линии археологической, так как подстилающим слоем антских родовидов иногда оказывался сарматский» (11, с. 334).

Ряд исследователей подтверждают, что антские племена нельзя соотносить с россам. С.П. Толстов писал, что у Иордана мы встречаемся с народом росомонов [росомоны Иордана – это россы лесной полосы], у него же при рассказе тех же событий мы встречаемся с явно параллельным именем антов (19, с. 54). Аналогичный вывод делает и П.Н. Третьяков, говоря, что поставить знак равенства между антами и россам нельзя (20, с. 212). Анты (внешнее, неславянское наименование славянских пограничных племён) и россы были

разными славянскими союзами племён, однако имели общую территорию (границ не было), единый общеславянский язык и одинаковую в общем культуру. Поэтому, несмотря на изменение названий отдельных славянских племён во внешних источниках, население, проживающее с рубежа IV–III тыс. до н.э. в исторических границах славянских поселений, оставалось неизменным, с некоторым уменьшением, возможно, территории из-за нашествия гуннов и сложения после распада гуннского союза племён новых этносов.

В жизни, быте и обычаях славянских племён, именуемых по внешним источникам славянами (или склавинами) и антами, прослеживается много общего с будущими уже летописными славянскими племенами. Б.А. Рыбаков пишет: «Застигнутые в походе они [славянские и антские дружины в VI в.] устраивали укрепление из телег, как это делали русские дружины XI–XIII вв. в половецкой степи» (11, с. 329). И добавлю от себя – как это делали намного раньше их предки, скифские, славянские воины. В этой же работе Б.А. Рыбаков пишет, что в северо-восточной части антской культуры много общих и роднящих черт с позднедьяковскими городищами первых веков нашей эры (11, с. 334). Если учесть, что дьяковская культура отражала материальную культуру проживавших на этой территории русских славянских племён, то ещё раз подтверждается высказанное древними писателями мнение, что славяне и анты в общем-то составляли единый народ.

Наименование «анты» в последний раз было использовано автором начала VII в. Феофилактом Симокаттой в 602 г. При этом начало получать распространение другое название восточно-славянских племён – рос, русь. Это наблюдается не только в материалах Византии, но и в арабских странах. Например, у Табари-Балами упоминаются руссы на Северном Кавказе, в непосредственном соседстве с хазарами, при описании арабо-хазарских столкновений VII в. (19, с. 54). Интересно описание внешности славян в дошедших до нас арабских источниках. Ибн-Фадлан: «...я видел русов... и я не видал более совершенных (более великих) членами, чем они... они рыжи...» (2, с. 93). Абу-Мансур: «...славяне – племя красного цвета, имеющее русые волосы... Человека красного цвета называют славянином, по причине подобия его цвету славян» (2, с. 279). Обратим внимание, приведённые описания внешности славян имеют явные аналогии с описанием внешности сарматов, готов и славян других племён. Причём, как отмечает А.Я. Гаркави, не ошибётся и тот, кто примет, при описании внешности славян Аль-Ахталем («...толпу славян красных или рыжих, русских»), последнее значение, а именно – русских (2, с. 6).

Гуннское нашествие значительно изменило этническую карту территорий, где ранее жили славянские племена скифов и сарматов. Изменилась этническая картина и на севере, где исследователями отмечено продвижение угро-финских племён и постепенное увеличение территории, занимаемой ими. Об этом продвижении их из ареала уральской прародины на новые места, где вследствие этого образовались новые финно-угорские народности: мордва, меря, мурома и др. – писал Б.А. Серебряников (15, с. 30). О постоянной борьбе славянского Ростова с угро-финскими племенами указывают материалы рукописи А.Я. Артынова, приведённые в работе (23). В результате произошедших изменений территория, занимаемая славянами, значительно сократилась и стала составлять пространство, занимаемое восточнославянскими племенами летописных времён.

Поляне. Рассмотрим подробнее вопрос о территории, занимаемой полянами, и времени возникновения их первых поселений, от которого зависит

историческое значение и роль полян в объединении славянских племён. Долгое время, как пишет В.В. Седов, в исторических работах главенствовало мнение, по которому полянам отводили небольшой правобережный участок от Киева до р. Россь, и только около Киева территория полян захватывала узкой полосой левый берег от устья Десны до р. Кордня (14, с. 106). Это мнение было основано на существующих летописных данных, по которым полянам принадлежало Киевское Поднепровье. Затем ряд исследователей стали считать, что маленький участок, который при этом отводился полянам, не соответствует, по их мнению, важному историческому значению полян. И этот вывод послужил поводом для пересмотра письменных источников. Думается, что всякие пересмотры и «новые» прочтения письменных источников, по сути дела, лишают сделанные затем выводы необходимой документальной достоверности. И, если сведения, изложенные в историческом документе, не «вписываются» в какую-либо теорию, то нужно ещё раз критически оценить предлагаемую теорию, а не источник.

Итак, бытовавшее ранее мнение о небольшой величине территории полян основано на летописных сведениях. Поэтому принимаем это за условие решаемой задачи. Следовательно, необходимо уточнить роль полян в общеславянском процессе объединения и создания Русского государства. По мнению В.В. Седова, «курганные захоронения VI–VIII вв. в ареале полян полностью отсутствуют» (14, с. 108). И далее там же делается вывод, что, видимо, славянское население Киевского правобережья хоронило умерших в бескурганных могильниках, которые, однако, до настоящего времени здесь не найдены. При этом В.В. Седов отмечает исключительную трудность обнаружения грунтовых погребений. То есть при отсутствии грунтовых погребений рассуждения строятся на гипотетической возможности их наличия. Мы же снова будем опираться только на факты: если курганных захоронений VI–VIII вв. в ареале полян нет, а также нет и грунтовых погребений, то нет и факта проживания полян в этом ареале ранее IX в., поскольку наиболее ранние курганы, обнаруженные у полян, относятся лишь к IX в.

В Повести временных лет сказано: «И отправились [Аскольд и Дир со своим родом] по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?”». Из приведённой цитаты ясно, что Киев был городком, причём таким небольшим, что, отправляясь из Новгорода – столицы образовавшегося Русского государства, Аскольд и Дир не знали о его существовании. О малочисленности Киева и незначительности на тот момент (IX в.) Полянского княжества говорит и тот факт, что Аскольд и Дир с относительно небольшим количеством воинов (только свой род) без особых трудностей, без войны захватили Киев и стали владеть землёю полян.

Таким образом, письменные источники и археологические материалы свидетельствуют, что до начала IX века территория, на которой впоследствии жили поляне, не была заселена или заселена очень незначительно. А с IX века славянские полянские племена занимали небольшую территорию около Киева, причём Киев был небольшим городом («городок»), о котором в Новгороде бояре Рюрика Аскольд и Дир, а возможно, и другие жители даже не знали. Очевидно, что роль полян и Киева, который, походя с дружиной, смогли захватить Аскольд и Дир, в общеславянском масштабе во второй половине IX века была незначительна. Это подтверждается ещё и тем, что в делегации к поморским славянам – россам (варягам) среди других племён о полянах упоминания нет. Следовательно, нет и факта первоначального вхождения

полян в образовавшееся Русское государство. И лишь спустя значительное время, после перенесения Олегом общеславянской столицы в Киев, начался его расцвет, который отмечен арабскими писателями, упомянувшими наряду с двумя другими княжествами (Новгородским и Ростовским) также и княжество во главе с Киевом (Куяба).

Об Олеге. Есть в истории личности, к которым по недостатку сведений, из-за каких-то косвенных сообщений или просто по недостоверности данных пристала слава людей, в малой степени соответствующей их истинному облику. Таков Вещий Олег. Скупые сообщения летописей о суровых событиях тех лет дают некоторую свободу их толкований. Вот, например, как характеризуется в одной из работ, при анализе миниатюр Киевского свода 997 г., известный эпизод о свержении и убийстве Аскольда и Дири в Киеве пришедшим туда с дружиной Олегом: «Грудной младенец [Игорь] ещё раз фигурирует на рисунке (л. 11н), изображающем разбойничье нападение Олега на Киев в 882 г. Художника не смутила полная несообразность привоза киевлянам князя-младенца в сочетании с саблей, занесённой над княжившим уже двадцать лет в Киеве Аскольдом. Здравый смысл был принесён в жертву интересам искусственной генеалогии» (12, с. 198). То есть в этой цитате налицо предположение об ошибке художника и, как следствие, «новое» прочтение и осмысление сюжета.

Нет! На самом деле древний художник очень чётко изобразил на миниатюре основную сюжетную схему произошедшего. Изложение действительной истории тех событий с более широким временным диапазоном (862-882 гг.), где Вещий Олег рисуется совсем в ином свете, и приводится ниже. Рюрик, приглашённый возглавить Русское государство, счёл сложным управлять в одиночку всей русской землёй. К тому же была потенциальная угроза от своевольных новгородцев. Поэтому он поселился не в Новгороде, а в построенном им на левом берегу реки Волхова городке. В Новгороде же был его наместник. Далее, он вызвал к себе своих братьев Синеуса и Трувора в соправители себе, но не как князей, а как старейшин, которых посадил: Синеуса на Белое озеро, а Трувора в Изборск. Кроме того, Рюрик вызвал бояр, своих сродичей из рода князей Куявы и Одара – Аскольда, Дири и Свенельда. Как видим, Аскольд и Дир – вовсе не потомки древнеславянских полянских князей, а поморские бояре, рангом ниже, чем Рюрик. То, что Аскольд и Дир были боярами Рюрика, совершенно однозначно говорится и в Повести временных лет. Следовательно, утверждение А.А. Шахматова, приведённое в (13, с. 59), что Аскольд и Дир потомки Кия – неверно. И цитата из произведения польского историка Яна Длугоша, жившего в XV веке, приводимая в той же работе, также только подтверждает ошибку А.А. Шахматова: «После смерти Кия, Щека и Хорива, následуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям Асколду и Диру» (13, с. 59). Очевидно, что слово «пока» ставит предел правлению в Киеве наследников Кия. А Аскольд и Дир не имеют к генеалогическому древу Кия никакого отношения.

Аскольд и Дир, бояре Рюрика, как говорится в Повести временных лет, отпросились идти к Царьграду. На пути они остановились у Киева, тогда небольшого городка – столицы полян и, захватив его, стали там править под единой державой Рюрика. В материалах рукописи А.Я. Артынова, приведённых в работе (23, с.216), отмечается, что Аскольд и Дир, пригласив на помощь своего родича Свенельда, которого Рюрик посадил в Ростов, побили многих

потомков полянских князей Кия, Щека и Хорива за то, что те стали им перечить, а оставшихся сделали великокняжескими данниками. Как видим, ещё раз очевидность ошибки А.А. Шахматова. Итак, Аскольд и Дир, бояре Рюрика, пока был жив Рюрик, власть его, естественно, признавали.

После победоносного похода на Царьград вначале Аскольд и Дир, а затем по их примеру и Свенельд в Ростове отложились от великого князя, чему способствовала смерть Рюрика (по Повести временных лет – это 879 год) и малолетство его сына Игоря. Попутно ориентировочно определим возраст Рюрика. По материалам рукописи А.Я. Артынова, приведённым в работе (23, с. 209), мать Рюрика Софариса была сожжена на костре, попав в плен к Карлу Великому. Таким образом, её дети, в том числе и Рюрик, родились ещё при жизни Карла Великого, до попадания в плен Софарисы. Если учесть, что Карл Великий умер в 814 году, то Рюрик, старший из братьев, имел к 879 году (году смерти по Повести временных лет) больше 65 лет.

Свенельд назвал себя великим князем Ростовской области и стал для древних ростовских князей, как говорится в рукописи, самовластным деспотом, что было для них невыносимо. Олег был дядей Рюрику (хотя, возможно, и моложе его) и соответственно Игорю – двоюродным дедом. Теперь представим положение дел, сложившееся в то время. Прошло менее двадцати лет как образовалось Русское государство, и вот по вине бояр Рюрика – Аскольда, Дири и Свенельда – оно снова распалось. Эти бояре за счёт раздробления государства решили стать великими князьями. Что было делать Олегу, которому Рюрик передал своё княжение, сделав его опекуном и соправителем малолетнего Игоря? Начинать длительную междоусобную войну за восстановление Русского государства в прежних границах? Но при этом прольётся много крови своих же русских людей.

И Олег, решая начать с Ростова, принимает единственно верное, но требующее исключительного личного мужества решение. Он, простым латником, в одиночку, едет в Ростов. В предместье Ростова встречается с опальными ростовскими князьями, не поддерживавшими Свенельда, выясняет ситуацию и затем приходит в Ростов, где Свенельд со своими сторонниками пирует. Там в критический момент, когда Свенельд отдаёт приказ бросить дерзкого латника в темницу, открывает забрало, и все узнают в простом латнике великого князя Олега. Олег восстанавливает великокняжескую власть и ставит во главе Ростовской земли своего сторонника – потомственного князя из ростовской правящей династии. Так, без единой капли крови, была вновь присоединена к Русскому государству огромная Ростовская земля. В Повести временных лет сообщений об этом событии нет. Действительно, относительно событий в Северной Руси «Нестор монах не добре сведом бе» (В.Н. Татищев. О истории Иоакима епископа Новгородского). Н.М. Карамзин также отмечает, что Нестор не говорит ни слова о свойствах новгородцев. «Видно, что их древние обычаи и предания были ему мало известны» (5, Примечание 144 к гл. III).

Следующим этапом было восстановление в составе Русского государства Киева и полянского княжества. Здесь положение дел, видимо, было ещё сложнее. Аскольд и Дир были зачинщиками крамолы и о событиях, произошедших в Ростове, могли уже знать. И опять Олег обошёлся с минимальными потерями. Он не двинул рать на Киев, а хитростью выманил мятежных бояр на берег Днепра и сказал им: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода». И глубоко символичным было то, что он, показав им Игоря, сына и законного наследника великого князя Рюрика, сказал: «Вот он сын Рюрика».

Так, уничтожив только двух злостных зачинщиков развала Русского государства, Олег с минимальными потерями восстановил государственное единство Руси. Так что изображённая древним художником миниатюра с привозом киевлянам князя-младенца в сочетании с саблей, занесённой над Аскольдом, полна глубокого смысла и отражает истинное положение дел того времени. И нет никакой необходимости в её (миниатюре) «новом прочтении». А Олег проявил необычную по тем временам гуманность. Он простил повинившегося Свенельда, который затем сумел даже стать древлянским наместником.

Приведу ещё одно, исключительно важное сообщение из рукописи А.Я. Артынова, приведённое в работе (23, с. 217): «На пути изъ Ростова къ Киеву приеде же Олегъ на рѣку глаголемую Москву въ нея – же ту прилежатъ двѣ рѣцѣ единой имя Неглинной а другои Яуза и построи ту градъ малъ и прозва его Москва и посади ту на княженіе Ростовскаго князя Поливода». Это сообщение идёт под 880 годом. Таким образом, мы теперь наконец-то знаем, что **Москва основана в 880 году великим князем Олегом**. То есть за 267 лет до её первого упоминания в летописях. И первым князем в Москве был ростовский князь Поливод. В работе (10) говорится о находке в 1838 году близ устья Неглинной клада диргемов, причём там были две монеты 862 и 866 годов. Эта находка может служить подтверждением основания Москвы в IX веке.

Возвращаясь к личности Олега, обратим внимание на такой аспект. Некоторые историки называют Олега узурпатором, забывая то, что, будучи соправителем князя-младенца и сам являясь представителем правящей династии, у него были все возможности для полного захвата власти с отстранением Игоря (сколько таких примеров мы знаем из истории Западной Европы!). Но Олег снова оказался на высоте, вырастив и, в сущности, посадив на великокняжеский престол Игоря, со значительно большей территорией Русского государства по сравнению с той, которую он принял от Рюрика. Великий князь Олег был исключительной личностью в русской истории. Его можно назвать собирателем русской земли. Он снова объединил славян: новгородских и ростовских россос, полян, древлян, северян и кривичей. Пора воздать должное этому великому русскому князю, кстати, и основателю Москвы. Когда он умер, то, как говорится в Повести временных лет, оплакивали его все люди плачем великим.

Об Ольге. Одной из загадок истории остаётся хронология событий в жизни великой княгини Ольги. Ещё М.В. Ломоносов подвергал сомнению тот факт, что Ольга после замужества с Игорем через 52 года могла прельстить царя Константина при поездке в Греческую землю. Разберём факты. В 903 году Игорю привели жену из Пскова, которую звали Ольгой. По данным Архангелогородской летописи, ей было десять лет. Следовательно, Ольга родилась примерно в 893 году. Если учесть, что Святослав родился в 942 году, то Ольге было 49 лет по Архангелогородской версии, что ставит под сомнение рождение Святослава от Ольги. И совсем маловероятным выглядит предложение Константина Ольге стать его женой, с учётом того, что шёл 955 год и Ольге было 62 года. Правда, нельзя исключать возможности династического брака, учитывая огромное влияние и территорию Русского государства.

Выскажу своё, естественно, предположительное объяснение приведённым выше несоответствиям. У князя Игоря была не одна жена. По ростовским материалам, первой женой Игоря была Велесана, внучка знаменитого старейшины Гостомысла, которой великий князь Олег дал новое имя – своё.

Вторая жена (а может быть, были и ещё жёны), тоже Ольга, и была матерью Святослава. Если в момент рождения сына ей было 16–18 лет, то и в 955 году ей было не более 31 года. О ней и сказано было в летописи – царь увидел, что она очень красива лицом. А накладка в хронологии произошла оттого, что обе жены Игоря носили одно и то же имя. То, что у Игоря была не одна жена, сказано у Татищева: «Егда Игорь возмужа, ожени его Олег, поят за него жену от Изборска, рода Гостомыслова, иже Прекраса нарицаешся, а Олег преименоваю и нарече во свое имя Ольга. Име же Игорь потом ины жены, но Ольгу мудрости ея ради паче иных чтяше» (17, с. 111). В целом предложенная версия удовлетворяет известным историческим фактам, при этом сохраняя в неприкосновенности сведения письменных источников, хотя ещё раз отмечу её предположительный характер.

О неразрывности славянской линии. Достаточно широкое развитие получила версия о более поздних (по сравнению с Нестором) изменениях, внесённых в летописные материалы. По мнению сторонников этой версии, события в летописи после этих изменений стали носить проваряжский характер. Из такого предположения, видимо, некоторыми исследователями делается вывод, что Рюрик искусственно связан с Игорем, который и был исконным русским князем, а правление варягов закончилось на Олеге. Вот что, например, по этому поводу пишет М.Н. Тихомиров: «Рождение же Святослава по Ипатьевской летописи относится к 942 году, т.е. произошло после сорокалетней брачной жизни Игоря и Ольги. Ясно, что Рюрик и Игорь искусственно соединены друг с другом: недаром же старый Игорь проявляет необыкновенную прыть в походах против древлян» (18).

Начнём с того, что из приведённого соображения далеко не ясно, что Рюрик и Игорь искусственно соединены. По самому же факту позднего рождения у Ольги Святослава возможны разные версии, одна из которых была приведена мною ранее. Изложенное в работе (18) соображение следует, видимо, воспринимать как борьбу с норманнизмом, для чего и сделана эта попытка отсечь якобы норманнов Рюрика и Олега от дальнейшей славянской линии, начинающейся, по мнению сторонников этой версии, с Игоря. В работе (23) была доказана исключительная древность славянских корней и славянской государственности, начинающейся не с князя Игоря, а за тысячи лет до нашей эры. Поморские славяне, к которым принадлежали и Рюрик, и Олег, были такими же славяно-россами, как и новгородцы с ростовцами и потому никакого отношения к скандинавам – норманнам не имели. Они относились к древней правящей славянской династии. Поэтому совершенно незачем отсекать последующую славянскую линию от славянских же корней. Игорь, будучи сыном Рюрика, эту древнюю правящую славянскую династию продолжил. Пришедшие же с Рюриком поморские россы, при едином общеславянском языке, духовно-материальной культуре, а также едином антропологическом типе с северными россами (новгородцами и ростовцами) ничем, даже внешностью, от них не отличались. И поселившись среди своих братьев славян, даже можно сказать среди братьев-близнецов славян (россов), они тут же растворились среди них, не внося никаких особых изменений в материальную культуру.

О «необыкновенной прыти» Игоря – по выражению М.Н. Тихомирова, можно сказать, что происходило ежегодное, ничем не отличающееся от прежних лет полюдьё, в котором, как всегда, участвовал и великий князь. И в тот злополучный поход к древлянам, в 945 году, окончившийся гибелью Игоря, ему было не более 68 лет – не так уж и много.

О Святославе. Ещё не зная ростовских материалов и читая отдельные высказывания Святослава, всё время ощущалось, что у него были такие знания об истории своей земли, какие в летописях до нас не дошли. Теперь, когда на основании древних ростовских материалов стала известной древнейшая история славянства, можно определённо сказать, что такие знания у Святослава были. Например, в Повести временных лет, за 969 год, Святослав говорит своей матери и боярам: «Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моеи...» Если посмотреть на карту Киевской Руси того времени, то очевидно, что Переяславец находился как раз на южной границе, отчего сказанная фраза звучит странно. Однако, если вспомнить территорию общеславянского государства вандалов, приведённую на карте в работах (23, 24), то сказанная Святославом фраза вполне соответствует территории этого государства VII века до н.э. И ещё, если вспомнить расположение города Экс – столицы придунайских владений славян при царе Афее (23, с. 157-162), то Переяславец и находился, предположительно, в том же месте, что и город Экс. Так, не имеющая смысла для территориальных границ того времени, фраза, сказанная Святославом, приобретала глубинный смысл при хорошем знании истории своей страны и границ славянской территории за полторы тысячи лет до этого. Причём эта фраза была понятна и Ольге и всем боярам, что может говорить и о древних письменных традициях славян и в какой-то мере о постановке всеобщего образования. Г.С. Гриневиц писал, что «умение писать и читать было доступно представителям самых различных социальных слоёв общества. Среди авторов надписей княжеский сановник и священнослужитель, торговый человек и охотник, гончар и деревенская пряжа» (3, с. 73). И далее отмечает, что «такое состояние грамотности славян в IV-IX веках, по всей видимости, было бы невозможным без хорошо поставленного книжного дела» (с. 73).

Святослав наверняка знал, что на Дунае живут не просто славяне, а славянороссы. Подтверждение этой мысли находим у П.Н. Третьякова, который писал, что в ряду данных, говорящих о восточно-славянском происхождении дунайцев, в особом свете предстают и походы Святослава (20, с. 200). В «Истории» Льва Диакона приводится несколько характерных фраз Святослава. Святослав ответил византийским послам, что если они не захотят дать денежный выкуп за захваченные в ходе войны города и пленных, то «я требую пусть тотчас же покинут Европу на которую они не имеют права и убираются в Азию...» (7, с. 56). Эту фразу Святослава можно расценивать как память о когда-то огромном славянском государстве и о его влиянии в Европе. Об этом же писал Ксенофонт: «...в Европе скифы господствуют» (6).

В другом месте, перед решающим сражением, в критической ситуации Святослав, обращаясь к своим воинам, говорит, что если они сейчас отступят, то погибнет «слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития поработавшим целые страны». И далее: «Итак проникнемся мужеством [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой...» (7, с. 79). Так и чувствуется, что Святослав имел в виду огромное славянское государство, которое античные и западноевропейские авторы в разные времена называли как государство вандалов, скифов, сарматов. Видится параллель между словами Святослава и Фукидида, который в своё время писал, что со Скифским царством не могут сравниться не только европейские царства, но и в Азии нет народа, который мог бы один на один противостоять скифам (22).

Литература

1. *Акрон Гелений*. SC. II. 1, с. 35.
2. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
3. *Гриневиц Г.С.* Праславянская письменность. Результаты дешифровки. М.: Общественная польза, 1993.
4. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. М.: Восточная литература, 1960.
5. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. М.: Книга, 1988.
6. *Ксенофонт*. Воспоминание о Сократе. SC. I, 2, с. 358.
7. *Лев Диакон*. История. М.: Наука, 1988.
8. *Маврикий*. Тактика и стратегия. СПб., 1903.
9. *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. М.: АН СССР, 1950.
10. *Рабинович М.Г., Латышева Г.П.* Из жизни древней Москвы. М.: Московский рабочий, 1961. с. 12, 13.
11. *Рыбаков Б.А.* Анты и Киевская Русь // ВДИ. 1939. № 1.
12. *Рыбаков Б.А.* Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М.: МГУ, 1984.
13. *Рыбаков Б.А.* Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия, 1987.
14. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982.
15. *Серебренников Б.А.* Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР. ВЯ. 1955. № 6.
16. *Соболевский А.И.* Названия рек и озёр русского Севера. ИОРЯС. 1927. Т. XXXII.
17. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.-Л.: АН СССР, 1962.
18. *Тихомиров М.Н.* Происхождение названия «Русь» и «Русская земля». СЭ. 1947. Сб. ст. VI-VII, с. 71.
19. *Толстов С.П.* Из предыстории Руси. СЭ. 1947. Сб. ст. VI-VII.
20. *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М.: АН СССР, 1953.
21. *Квинт Горацій Флакк*. SC. II, 1, с. 30.
22. *Фукидид*. О пелопонесской войне. SC. I, 2, с. 351.
23. *Ахонтов Ю.А.* Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика. М.: Вече, 2009.
24. *Ахонтов Ю.А.* Общеславянское государство вандалов. Литературно-исторический журнал «Великороссъ» 2014. №4(14), с.78-85.
25. *Ахонтов Ю.А.* Три территории россов. Литературно-исторический журнал «Великороссъ» 2015. №1(15), с.73-79.

Сокращение: SC – В.В. Латышев. *Scythika et Caucasica*. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе.

Рассказы

Блоггеры, люди, козёл и кризис

Сильно мы, видно, своим «крымнашем» мировое сообщество обидели, очень сильно. Его так никто никогда не обижал. Даже фашистская Германия, завоевав полмира, его не так сильно обидела. Правда, мир тогда тоже сильно возмущался и мужественно сопротивлялся. Дания шесть часов сопротивлялась, Голландия – шесть дней, Бельгия – восемь, Польша – месяц, ну а великая Франция сорок три дня повоевала и потом с удовольствием под немцев легла. У нас тридцать человек в сталинградском Доме Павлова больше продержались! Мир, особенно Европа, об этом, правда, стараются не вспоминать. Уже в те года, видимо, они понимали, что на Германию обижаться нельзя – всё-таки будущая родина будущей госпожи Меркель, всевропейской кормилицы и поилицы. Забыть выгоднее. Но мы, кстати, тоже уже забыли, что Крым когда-то был «ненаш», мы уже давно бомбим что-то, запрещённое на территории России, в Сирии, а вот мир не забыл и мстит. И спортсменов наших на допинге ловят, и списки какие-то санкционные составляют, и нефтью себе в убыток торгуют, и деньги нам в долг не дают...

Уже интересно, а что они нам сделают за «дамаскнаш»? Ведь большее, чем лишение хамона, хоть не все это и заметили, не сделаешь, футбольный чемпионат отобрать не получилось, с допингом разберёмся, а кризисы эти... Страну-колыбель двух революций, пережившую военный коммунизм, Сталина, перестройку, Ельцина, давшую миру троицу Ходорковский-Березовский-Абрамович, напугать каким-то кризисом? С таким же успехом хозяина Чечни Кадырова можно напугать Уголовным кодексом Российской Федерации – он его не читал, значит, его нет. Или мэра любого российского города телефонным звонком из городской прокуратуры. Хотя недавно одного мэра напугать удалось. Найти, правда, не удалось...

Илья КРИШТУЛ

Илья Борисович Криштул – родился в 1964 г. в Москве. Окончил Московский городской педагогический университет (МГПУ им. Ленина). Пишет юмористические рассказы. Публикуется в «Литературной газете», «МК», журналах «Вокруг смеха», «Москва» и т.д. Имеет много публикаций в зарубежной русскоязычной прессе.

Живёт в Москве.

Вот кого легко можно напугать, так это блоггеров и дам полусвета. Конечно, они российские блоггеры и российские полудамы, поэтому кризисы им тоже не страшны, но если какой-нибудь Лопаревой-Рынской сказать, что «итальянский зоопарк смыт цунами, поэтому поставки в Россию нижнего белья “Felicia” временно приостановлены», она перепугается и напишет в «Твиттере» для сорока миллионов своих подписчиков: «Я в шоке!!! # выходить без нижнего белья сейчас не в тренде а я не собчак чтоб покупать трусы на измайловском рынке») # ну и конечно зверушек жалко». И начнётся сваря, в смысле обсуждение, и подключатся все остальные гламурные блоггеры, и начнут они обсуждать нижнее бельё Лопаревой-Рынской и зверушек, верхнее бельё Собчак и где во время цунами хранить хамон, и будет это длиться до тех пор, пока их действительно не смоеет гигантская волна. Или Собчак не родит, как она любит выражаться, «гадёныша-енота» и не даст новый информационный повод. Но цунами всё-таки лучше, потому что надёжнее.

Хотя, конечно, ничего их не смоеет, а если и смоеет, то они не утонут. Просто через некоторое время Навальный, за хорошие, разумеется, деньги и с высочайшего, разумеется, разрешения, якобы найдёт очередную зарубежную недвижимость очередного чиновника, а потом у кого-то украдут дорожную сумочку, а один певец раздумает жениться или наоборот, и все бросятся обсуждать это в «Фейсбуке», заодно вывешивая кошечек, собачек, немножко хамов на дорогах и вяло переругиваясь по поводу «уезжать или не уезжать». И так далеко от их уютных квартир все мировые трагедии и войны, взрывы и захваты заложников, средневековые мусульманские казни и сбитые взорванные самолёты... Нет, от Турции и Египта эти блоггеры отказались, хотя бы на словах, лица на фотографиях в цвета французского флага они уже раскрашивали, даже переругались из-за этого. Ну и хватит. Долг сострадания отдан. «Я просто рыдаю мне так жаль невинных людей... кстати в тиае большой выбор испанских сыров»...

Но всё это, конечно, не касается идейных. Идейные на то и идейные, чтобы ничего, кроме своей идеи, не замечать. Их, идей, у них сейчас две – «Россия белая, пушистая, её никто не любит» и «Россия агрессивная, кровожадная, никого не любит». Всё, как сто лет назад, ничего нового. Деньги, правда, все эти идейные в России зарабатывают, только одни среди креативных людей в стремительно возрождающейся стране, вторые среди ваты в гниющей Рашке. Одни страной гордятся, вторым за неё стыдно. В принципе, когда мне, к примеру, становится стыдно за свою жену, я её меняю. Шесть штук уже поменял. Родина, конечно, не жена, менять сложнее, но зачем жить с вечным чувством стыда? Хотя если за это хорошо платят... Макаревич вон стыдится и поёт, стыдится и гастролирует, стыдится, но в кассу идёт... Так откажись от этих кровавых габешных денег! Кинь их прям в лицо! Желательно, в моё... А один актёр в Канаду уехал и всё, сказал, ноги моей здесь не будет, пока тут только хамство, коррупция и президент из ЧК. И что? Раньше в трёх сериалах в неделю мелькал, теперь в шести. Жизнь-то в Канаде дорогая. А вот один бывший министр наоборот – это моя страна, говорит, и никогда я из неё не уеду, хоть и живу в Швейцарии, но в Швейцарии всё плохо, а Россия моя родина, и пусть у меня под Женевой старинный замок, на зарплату купленный, с конюшней и причалом для яхт, но лежать я в русской земле хочу, среди нефти, угля, газа и остального углеводорода. Но ложиться почему-то не торопится. Место, наверное, себе высвобождает, нефть подешевевшую вычёрпывает. Может, привезти да положить? Только вот примет ли его земля русская...

К чему я веду – ведь если флюгеры настроений демократического общества, гламурные блоггеры, и те кризиса не очень пугаются, министры да депутаты его просто из машин и швейцарий не замечают, то простые русские люди про него вообще ничего не знают. Простых русских людей больше волнует судьба Тимура и Амура, двух разлучённых друзей из дальневосточного парка. Какое «резкое повышение ключевой ставки», когда у козла слёзы в глазах, а у тигра – грусть! Какое «прогрессирующее падение государственной валюты», когда две животные страдают по разные стороны забора!

Так что пусть Европа своими делами займётся, их у неё невпроворот, как мигрантов, а Америка... Америка испугалась, образумилась и дала «Оскара» Леонарду нашему Ди Каприо. А мы ведь уже бомбить собирались, хоть повод и не очень, но по совокупности пойдёт. Мы уже хотели Леонардо гражданство давать, «Нику», главную роль в сериале, квартиру в Грозном и к Урганту на первый канал его звать. А к Урганту, да на первом канале, да перед Познером, это вам... Это вам не клюкву попой давить, других слов нет. Там пять минут эфира как вся сирийская нефть стоят. И Каприо с удовольствием бы приехал и всё это принял, но... Заболели американцы – Крым отдали, в Сирии всё без них решается, а если ещё и Ди Каприо...

Но у нас, в России, и без Ди Каприо хорошо, у нас и идея национальная есть, патриотическая, и скрепы, и «лабутены», и восхитительные штаны, и тигры с козлами дружат. А у них там – ничего. Кроме денег, хамона и наконец счастливого Леонардо Ди Каприо.

Но когда Центральный Банк России санкции с России снимет, счастье и у нас будет. Я, по крайней мере, в это верю. И правительство тоже верит. А будет счастье, будут и деньги. Будут деньги – можно в кино сходить, на Леонардо этого посмотреть. Или еды купить. Не себе, козлу этому, Тимуру. Или какому другому козлу. Ведь свой именной и голодный козёл есть у каждого россиянина. Сидит где-то глубоко-глубоко в душе, под скрепами. Но если вырвется... Если вырвется, весь хамон сожрёт, так что лучше не выпускать.

Защитнички

Недавно в одном маленьком европейском городке зоозащитники добились запрета на фотографирование туристов вместе с местными собаками. Городок расположен у подножия Альп, собаки – сенбернары, символы этих гор, и фотосъёмки, как выяснили зоозащитники, очень нервничают милых собачек. Жалуются сенбернары – ни поспать, ни поесть, ни семью создать, постоянные фотосессии с не всегда трезвыми приезжими. «Популяция альпийских сенбернаров в городе может исчезнуть!» – забили тревогу сенбернар-роззащитники. Власти пошли навстречу их требованиям, и теперь довольны все – защитники напомнили о себе и получили денежный грант, сенбернары перестали нервничать, начали создавать семьи и увеличивать популяцию, городские власти прочитали о себе много хорошего в газетах и в интернете, туристы ничего не заметили и отдыхают. В Альпах и без сенбернаров есть чего фотографировать. Но... Сами того не подозревая, зоозащитники из маленького европейского городка открыли ящик Пандоры для великой северной страны...

В России очень много защитников. В России вообще модно защищать всё от всех и всех от всего, особенно если за это платят. Прочитав про грант, который получили защитники сенбернаров, зоозащитники из одного волжского города, точнее, рыбнозащитники, потребовали принять закон о запрете рыбакам фотографироваться с уловом. «Рыба, лишённая привычной среды обитания, и так испытывает жесточайший стресс, а когда она, плюс ко всему, видит направленный ей в лицо объектив фотоаппарата, у неё может случиться травма нервного аппарата и, соответственно, преждевременная смерть» – говорится в письме, направленном рыбнозащитниками в городские органы власти. Закон пока обсуждается, а защитники рыб уже получили деньги на дальнейшие исследования и сняли офис возле рыбного ресторана.

Сразу после этого всколыхнулись белкозащитники. Они думали недолго и просто потребовали запретить людям бесплатно гулять по лесам, потому что люди, бесплатно гуляющие по лесам, нервничают проживающих там белок и мешают им создавать семьи. Их поддержали муравьезащитники и травозащитники, присоединились защитники енотов и вся эта толпа начала просить у государства деньги на строительство реабилитационного центра для холостых белок, пострадавших муравьёв, помятой травы и загрустивших енотов. Всё идёт к тому, что денег им не дадут, но разрешат продавать входные билеты в леса и на выручку строить свой центр. Или возить траву и муравьёв на реабилитацию в Турцию, а енотов и белок во Францию. Животных и траву в нашей стране любят. Меньше, чем деньги, но любят. Жаль только, что во Франции под видом нервных белок будут отдыхать семьи белкозащитников...

Узнав про такой не самый сложный заработок, несколько коммерсантов срочно организовали общество по защите прав финно-угров. Финно-угрозащитники уже направили в правительство проект закона о защите финно-угров и выделении им – не самим финно-уграм, а их защитникам – бесплатно помещения под офис в каком-либо торговом центре. Помещение, конечно, выделили – все вопросы, касающиеся национальных меньшинств, у нас решаются моментально, чтоб меньшинства не обижались. Сейчас в этом помещении под вывеской «Финно-угорское землячество» какое-то национальное меньшинство торгует недорогими, но качественными турецкими шмотками, которые покупает национальное большинство. Финно-угры об этом ничего не знают.

Активизировались геезащитники. Их даже стали называть гей-активистами, в отличие от гей-пассивистов. Так вот гей-активисты добиваются права геям и лезбиянкам проводить в Москве свои парады и создавать семьи. Даже лозунг придумали – «Мы – есть!». Ну зачем им это? То, что они есть, и так все знают. А кто не знает, может включить телевизор и убедиться. Но геезащитники заявляют, что их подопечные очень нервничают, тоскуют и обижаются, а мелькания на телеэкранах им мало. Почему, спрашивают геезащитники, военным можно парады устраивать, а геям нельзя? Почему сенбернарам в Европе можно семьи создавать, а геям в России нельзя? Чем геи хуже? Но, видно, во власти есть ещё люди, которые знают, чем геи хуже военных и сенбернаров. Не в Америке, слава Богу, живём. К тому же популяция геев в Москве и без парадов увеличивается не по дням, а по часам, соответственно увеличивается популяция геезащитников и растёт их зарплата. Странно – семей нет, а в популяции – прибавление. И словосочетание подходящее – в попу-ляции...

Украинозащитники тоже не дремлют. Эти защищают Украину от России, сидя в «Фейсбуке», а не где-нибудь под Луганском. Требуют вернуть Крым и разрешить проведение марша в вышиванках. Насчёт Крыма не знаю, а по поводу марша – пусть украинцы у себя на окраине и маршируют. Русские же по Киеву в косоворотках не ходят. А то одни в перьях хотят пройти, вторые в вышиванках, третьи – в костюмах белок... Всех в столицу тянет, а там, между прочим, кроме кучи благотворительных фондов с деньгами и с кассой ещё и люди живут. И некоторые из них не геи и даже не украинцы.

Одному моему знакомому надоело жить в коммунальной квартире, и он организовал «Благотворительный фонд по защите пожилых лошадей, которых выгнали из конюшен». Конкуренции на этой ниве у него нет. Странно, что при таком количестве защитников всего никто не додумался защищать бездомных лошадок. Этот мой знакомый уже обратился в московское правительство, кинул клич в интернете и скоро переезжает в пятикомнатную квартиру. А на земле, которую ему выделяет правительство Москвы для строительства лошадиного приюта, он открывает ресторан под названием «Конь-кобыла». С шеф-поваром из Казахстана, который отлично готовит конину.

Я задумался. Шансы разбогатеть у меня ещё есть, и их много – беззащитными до сих пор остаются финвалы Темзы, глухонемые геи-украинцы Мадагаскара, стрекозы на Красной площади, финно-угорские лезбиянки, медузы Мёртвого моря и в конце концов – слепой одноногий жираф-гермафродит из Мозамбика. Надеюсь, что такой там существует.

Книжный Остап Бендер со своими пятьюстами рублями, собранными на помощь бездомным детям, был хоть и гениальным, но всего лишь мелким мошенником по сравнению с нынешними «Обществами по защите кого-нибудь».

А глупые девочки в балаклавах, что-то прокричавшие в храме и севшие за это в тюрьму, с удивлением узнали, освободившись, какая толпа правозащитников, юристов и адвокатов разбогатела на их защите. Я знаю одного защитничка из фонда «Защиты Pussy Riot», который очень сокрушался, что девицы вышли на свободу. «Нам Мадонна денег обещала, Элтон Джон, итальяшки какие-то...» – говорил он: «У меня ипотека, а этих дур отпустили...». Недаром «эти дуры» на свободе сразу влились в ряды правозащитников, где, по счастью, и сгнули.

И я решил не наглеть и просто написал президенту письмо, где описал всё, что меня нервирует и уменьшает мою популяцию. А нервируют меня и уменьшают мою популяцию постоянные отказы в любовных ласках, исходящие от женщин детородного возраста. В конце письма я рассказал про работу моего фонда «Защиты от отказов мне в любовных ласках» и попросил денежный грант на покупку гражданки Украины на два часа с возможностью продления. Жду ответ и надеюсь, что президент примет правильное решение.

Хотя, судя по его последним речам, президенту сейчас не до писем от народа. Президента, по-моему, начало слегка нервировать подвластное ему население. Устал он от него, он же один, а населения много. А надо, чтобы президента много было, а населения мало. Чтобы человек мог спокойно семью создать и свою популяцию увеличить, в хоккей поиграть и с аквалангом в Крыму поплавать. Один, без нас с нашими вечными проблемами, просьбами, жалобами-челобитными, русской неустроенностью, кавказским темпераментом и общей вороватостью. Поэтому в Кремле уже обсуждается Закон «О защите президента РФ от населения РФ» и, если его примут, это будет один

из немногих работающих в стране законов. Похожий закон уже был и очень удачно действовал в тридцатые годы прошлого века, позволив тогдашнему начальнику страны успешно править безлюдной и послушной территорией...

Кипит возмущённая блогосфера...

Пост в социальной сети:

Диана (статус «Я уже знаю, на кого буду гадить, когда стану Птицей...»): «Вчера сажала на даче дивные георгины. Сегодня спала, варила кофе и два раза поднималась на второй этаж. Вдруг подумала – не купить ли мне плюшевого енота? И интересно – какая погода сейчас в Лондоне? Читаю Бэкона, как жаль, что я не читала его раньше... Хи-хи!»

Некоторые из 11564 комментариев (орфография сохранена):

Olga: «какая ты молодец!!! но георгины надо сажать во второй половине мая то есть весной а сейчас лучше замедлись и порефлексируй. Сделай себе запечённый камамбер, очень уютная еда, вкусней бекона»

Гуля: «Не, сама не делай. Я нашла потрясающий итальянский ресторанчик кидаю ссылку. Там феноменальные камамберы!!! И рататуй! шеф-повар – душка!»

Olga: «Это в сокольниках? А то я постую и ни одного фидбэка, я уже начинаю сублимировать»

Гуля: «Не знаю, меня муж возил но если сокольники в москве то да. а чего это ты постишься?»

Центурион: «Почему в России власть сидит в хорошо защищённой крепости? Потому что народу всё равно! Всем НАПЛЕВАТЬ!!! У всех на уме сублимирующие камамберы, мать их!»

Сергей: «да сейчас кто то сажает георгины не вовремя.. а власть вовремя всех остальных.. Пойду пройдусь.. и почитаю Лотмана.. пока не дали два года за призывы..»

Николя: «Во всём виноваты комиссары лотманы, кто ж ещё. Они сидят у кормушки и плюют на всех. И посредством налогов разводят всех на бабки)))»

Yuga: «Конечно, сейчас не время сажать георгины, читать Лотмана и разводить кого-то на бабки. Сажать надо картошку, коноплю в крайнем случае, читать Эко, а разводить тушканов. Как Кафка или Вуди Аллен. Или сочинять хокку о гендерной зависимости крымских татар, как я»

Диана: «Когда уже в “Марни” завезут новую коллекцию... очень нужны два летних шарфика, клатч и туфли... Правда, не знаю зачем... хи-хи»

Дмитрий: «Кафка никогда не сажал картошку и, тем более, коноплю. Картошку он покупал в овощной лавке, принадлежащей, кстати, семье Геббельсов, а конопля, точнее, её европейская разновидность, в то время свободно росла по берегам всех рек Европы. Об этом есть в Википедии»

Olga: «Нет камамбер это наслаждение! Сейчас сфоткаю и выложу! А после камамбера на пилатес!»

Гуля: «класс! Феноменально! зачот!»

Сергей: «все на митинг! нельзя допустить!.. и наши руки – крылья! и паровоз на запасном пути!.. Главное не схлопотать два года за попытку..»

Диана: «Так не в чем идти на митинг, хи-хи! “Марни” обманывает с новой коллекцией! Пойду сделаю себе мохито с базиликом...»

Olga: «фи, опять мохито... а где же diversity? Это я не в качестве троллинга»

Глеб: «Не парься! оппозиция сдохла, всё превратилась в болото. и совсем не в сахарное. бугагашеньки!))))))»

Андрей: «Лидера нет!!! Кто поведёт за собой?! Навальных навалом, а где новый Моисей, деффчонки?»

Диана поменяла статус на «У интеллигентного человека и похмелье интеллигентное»

Гуля: «Olga, лови фотку ресторана. рядом со мной мой муж. я слева с феноменальным камамбером в очках. за мной душка шеф-повар. В очках я а не камамбер»

Миша: «Камамбер хорош в Balalauka Bar. И там прекрасная линейка лимонадов»

Лёша: «А Моисей здесь причём? Он же еврей! Я за евреями не пойду! Я лучше за камамберами в Balalauka Bar!»

Сергей: «с определениями еврей-нееврей.. таджик-нетаджик.. гей-негей.. надо поосторожней. можно схлопотать двушечку.. за разжигание»

Бизон: «Только не надо фрондировать! Оппозиция потому умерла, что только фрондировала! Впечатлительные провластные тролли! Вы все глупцы!!!»

Диана: «Уряяя! В “Марни” наконец пришла новая коллекция! Бегу-бегу-бегу! Какая я всё-таки бедняжка, хи-хи... И, кстати, от чего и когда умерла оппозиция?»

Olga: «А Balalauka Bar это бывший бар «Балалайка»? Какое там было га-спачо! Когда у них дедлайн в двенадцать?»

Миша: «Balalauka Bar это бывший бар «Шишка» а бар «Балалайка» сейчас называется бар Shihka и га-спачо у них нет. Стыдно не знать, для чего живём-то. Но какой там тимбаль из рака!»

Инна: «у миня дома книжик нет но меню ис Shihki лижид на видном мести сын наизуст знает. никакой чехоф ниужен зачитаешся аш слюни тикут»

Дмитрий: «Моисей, кстати, водил евреев 40 лет не для того, что б они забыли рабство, а для того, что б они забыли, как в Египте хорошо было. Вот и бродил с ними по пустыне. Психотип такой. Да и стыдно ему было с такой толпой евреев в городах появляться... Могли и побить... Об этом есть в Википедии»

Olga: «Вот есть же люди им лайкнёшь а они сразу челленджить начинают... хотя может это фейк...))))))»

Yuga: «(смущённо) А Вы, Дмитрий, часом не из семитов? Или из либералов? Или из... (ковыряет носком землю) Хотя это обычно одно и то же...»

Дмитрий: «Если здесь процветает антисемитизм, хамство и гомофобия, то я удаляюсь. Я не люблю спекуляции, аберрации и флюктуации. Об этом есть в Википедии»

Центурион: «И здесь семиты!!! Да ещё под знамёнами ЛГБТ! Хоть в реал уходи... там, говорят, их меньше уже»

Глеб: «Здесь не только гомофобия здесь человекофобия!!! из-за таких и сажают невинных людей в казематы. Бугага!!!»

Olga: «Ужосс! Ужосс! Аддддд! Вчера в ресторане подали смузи в минироксе!!! Кидаю фотку, канешна... Хорошо, что я интроверт... пичалька!))))))»

Диана поменяла статус на «Зачем деревья растут вверх, а сосульки вниз?» и закрыла свою страничку в социальной сети. Может, вышла замуж или на

работу. Может, поумнела и зажила так, что ей перестало хватать времени на социальные сети. А, может, случайно нажала на «Удалить аккаунт»...

Правда, позднее выяснилось, что она умерла. Её друзья об этом не узнали и хоронили Диану два близких ей модератора. На могиле есть бесплатный Wi-Fi. Статус могилы «Если я соберу 5000 лайков, то вернусь».

Лайки она собрала, но не вернулась. Оттуда не возвращаются. Из социальных сетей тоже.

Если вам понравился рассказик, лайкните, плз!

Всё будет хорошо

Вы можете переспросить меня – а что именно будет хорошо? Всё, отвечаю я, всё в стране будет хорошо. Даже погода, если никуда из дома не выходить. Если выходить, то конечно – ураган, цунами, ледяной дождь, смерч, смог, МЧС и другие ужасы, так что лучше дома сидеть, пока бытовой газ всё не разрушил. Поэтому сидеть лучше на лестничной площадке первого этажа с паспортом, страховым свидетельством и возле несущей стены. А так всё будет хорошо. Хотя иногда кажется, что ничего хорошего, кроме погоды, уже не будет. Но с другой стороны – а что плохого? Да, ситуация нестабильная, а обстановка накалённая. Да, некоторые страны нас не любят, а остальные недолюбливают. Да, выборы прошли, а осадок остался. Но какие люди в этом осадке! Перечислять не буду, их фамилии в фельетонах нельзя упоминать, можно вечером не дома оказаться. Жаль только, что денег нет, но это уже личное. Зато дети есть. Милые, непоседливые, в кудряшках, бегают, шалят, орут, бьют стёкла, матерятся и поют рекламу. И всё в моём подъезде. Так что радует пока только погода. Не знаю, как на улице, а в подъезде, спасибо коммунальщикам, сухо, чисто и тепло. Могло быть, конечно, и почище, но у них, у коммунальщиков, свои понятия о чистоте. Кто был в Таджикистане, тот поймёт. А вне подъезда что творится? Полицейские лютуют, продавцы обманывают, автомобилисты давят, повара травят, доктора калечат... Нет, лучше здесь, в подъезде, всё переждать. Холодно станет, можно пальто надеть, если есть, и идти куда-нибудь. На второй этаж, например, подняться и полюбоваться на Москву. Видны, правда, только какие-то «Ашаны», «Меги» и «Рио», но, говорят, около Кремля скоро парк появится. Это ж как надо власть довести, что б она вместо строительства торгового центра деревья сажать начала! А всё эти, недовольные с Болотной площади. Захочет теперь москвич-пенсционер, проживающий в пентхаусе на Китай-городе, купить жене сумочку «Louis Vuitton» – куда ему идти? В ГУМ не пройдёшь, там то на коньках катаются, то концерты какие-то, ЦУМ – музей для приезжих, а вместо нового магазина деревьев понасажали. Лишь бы эти деревья там прижились, пока мэр не одумался. Хотя у нас в стране кто парк заложил, тот его и пилит потом...

А в остальном всё хорошо будет. Москва расширяется, скоро в Смоленск на метро ездить можно будет, за 40 рублей. А там и Брянск недалеко, и Воронеж. А если московские чиновники в новые территории не уместятся, то... «Осторожно, двери закрываются, следующая станция город Конотоп». Наш братский подарок братскому народу. Хотя чиновники на метро не ездят. Да и на месте мэра я б для них северные направления готовил, вплоть до Воркуты. Пусть привыкают. Президент же недавно спрашивал про посадки. Деревья

посадили, теперь можно и чиновников. Но и на Рублёвку их переселить тоже идея неплохая. Во-первых, переселять никого не надо, они и так все на Рублёвке. Во-вторых, там, на отшибе, они никого раздражать не будут своими мигалками, кричалками и сытыми рожами. Там у всех мигалки, кричалки и сытые рожи. Да и вообще – слуги должны от народа отдельно жить. В идеале, конечно, народ в самой России, а его слуги – на различных особо охраняемых территориях Республики Коми, но это уж совсем из светлого будущего.

А пока уже хорошо и ещё лучше будет. Может, милые матерящиеся дети со своими кудряшками из подъезда наконец в школу уйдут. Сколько там для них бесплатных кружков и секций министр образования пооткрывал! Он и ЕГЭ придумал, чтоб коррупцию из школ изгнать, и платные занятия, и факкультативы какие-то, тоже платные. Нет денег, например, на английский язык – иди бесплатно учишься крестиком вышивать, в жизни пригодится. А если ты гений по физике, но денег тоже нет – туда же иди. Зато никакой коррупции. Непонятно, правда, откуда столько золотых медалистов с гор в МГУ обнаружилось. А сами они объяснить не могут, у них с русским языком плохо. Зато с деньгами хорошо.

И ещё насчёт коррупции – полностью её уничтожить можно только переименованием, это уже другой министр доказал, внутренних дел. Уже бывший, к счастью. Милицию переименовали – коррупция исчезла, он сам сказал. То есть с него взяток полицейские не берут. Осталось судебную систему переименовать, прокуратуру, здравоохранение, налоговую, пожарных, таможню, строительный сектор, военкоматы, санэпидемстанцию, ЖКХ, экологов, спортивные столы... Или всё-таки дешевле взять и целиком страну переименовать? Может, тогда вместе с коррупцией и всё остальное плохое исчезнет? Воровство, хамство, пьянство, «Дом-2» и Стас Михайлов?

И сразу станет хорошо.

Потому что хуже уже некуда.

А если страну переименовать в Рио-де-Жанейро, то и погода наладится. Можно будет из подъезда выйти. Правда, неизвестно, что с таким названием с коррупцией будет, но с футболом всё будет хорошо...

Завоевание Елены

Впервые я увидел её на даче у своих друзей. Первое впечатление, как известно, самое верное, так вот – она была хороша. Потом я выпил ещё, и она стала обворожительной, а после третьего коньяка – грациозной. Как я блистал для неё в тот вечер! Жениться я, конечно, не обещал, но намерения у меня были самые серьёзные. Я читал ей стихи позднего Михаила Круга и раннего Ильи Резника, пел что-то из Григория Лепса, сыпал цитатами из Дарьи Донцовой и даже сыграл в лицах всю последнюю серию «Нашей Раши», которую она пропустила. Когда гостеприимные хозяева, устав от нас, ушли наконец спать, мы решили прогуляться к озеру. Ночь, звёзды, дорога петляла меж полей, вдалеке чернела загадочная гладь воды... Какая звенящая тишина стояла в ту ночь! Слышен был только её раскатистый голосок, когда она пела свою любимую «Таганку», да где-то в ближайшей деревне орала матерные частушки, казавшиеся нам осанной, которую для нас восклицает само небо... Потом мы плавали в тёплой чёрной воде, и нам чудилось, будто мы купаемся

в бесконечной ночи... А на берегу... Нет, на берегу нас грела не любовь. Любовь только зарождалась в наших сердцах, её серебряные нити только начали опутывать наши души... Нас грела бутылка виски, которую она спёрла у хозяев, и сосиски, которые взял я на закуску. И мы уже шли назад, отчего-то спотыкаясь и падая, и мелкие камушки больно впивались в босые ноги... Жаль, жаль было кроссовки за сто евро, оставленные по пьяни на берегу, но ещё оставался вискарь, мы по очереди прикладывались к нему, и печаль уходила. Да и кроссовки стоили не сто евро, как я сказал ей, а сто рублей. И мы уже не пели, мы боялись, что песня спугнёт что-то неуловимое, витающее в предрассветном воздухе. Только на следующий день, когда зачесались укусы, я понял, что неуловимое там витало с таким противным писком. Но пока мы шли, обнявшись, и я обещал бросить к её ногам весь мир, все звёзды и всю Вселенную... Я никогда не экономлю на обещаниях, так воспитан.

Вскоре мы дошли до дачи наших друзей. Мы даже выпили по бокалу шампанского... Мы смотрели сквозь хрусталь на ещё робкое и нежаркое солнце... Она не знала, что шампанское на виски нельзя, это понижение градуса, это тазик с утра, это головная боль и невозможность подняться. А я знал, но почему-то промолчал... Она пошла спать на второй этаж, а я... Но пусть это останется между нами.

Я проснулся раньше её. Где-то совсем рядом пел свою любовную песню соловей, вызывая рвотный рефлекс. Хозяева уже встали, и я пошёл к ним с надеждой, которая оправдалась – мне молча протянули бутылку холодного пива. Как по-другому зазвучала песня соловья! Как по-другому засветило солнце!

А часов через семь к нам вышла она. В её ресницах заблудились солнечные зайчики, в её глазах расцветали васильки, хотя вся в целом она выглядела помятой. Умывшись, она подошла ко мне и улыбнулась. Мой перегар был уже приятен, сам я был уже элегантен и с удовольствием расцеловал алые маки на её щеках. Затем я вытер губы и мы наконец познакомились. Её звали Еленой.

Вскоре она засобиравшись домой. На станцию её повезла Света, жена моего друга, и я, разумеется, напросился с ними. На платформе, когда Света ушла смотреть расписание, я обнял её. А ты помнишь, вдруг спросила она, что ты обещал вчера? Конечно, помню, ответил я, ведь я обещал подарить тебе весь мир. И я подарил ей билет на электричку.

Потом у нас были ещё два свидания, на которых я бросал к её ногам все свои деньги. Триста рублей это тоже деньги, что бы там не говорили её подруги.

Уже три года мы живём вместе. Оказывается, она не знает, кто такой Михаил Круг, не любит Лепса, не читает Донцову, ни разу не слышала песню про Таганку и не смотрит «Нашу Рашу». Плюс ко всему она ненавидит виски с шампанским и не любит купаться по ночам в озёрах. Чем же я завоевал её? Почему именно мне достался этот голубоглазый и сорокалетний кусок счастья?

Я часто думаю над этим, когда мою посуду или стираю, глажу бельё или бреду с сумками из магазина. Я думаю над этим, когда готовлю обед и мою полы, чищу её обувь и варю для неё утренний кофе, драю туалет и поливаю цветы. И иногда мне кажется, что это не я завоевал её, а немного наоборот. Чуть-чуть, но наоборот. Ведь недаром тётка в ЗАГСе, оглашавшая приговор, так мило улыбалась, показывая свой звериный оскал...

ПОЭЗИЯ

Галина БОГАПЕКО

Галина Петровна Богатко (Колосенко) – коренная москвичка. Родилась в семье служащих.
Живёт в Москве.

«Стать братом всех людей...»

Потоки мыслей в строки

Всё имеет срок годности – почки рассчитаны служить триста лет.
 В молодости мир такой огромный, в вечности – вечность и смерти нет,
 Ибо вечность и есть смерть...
 Всё, что измеряется временем – жизнь! И даже эмоции через край –
 На пользу молодой беспечности –
 Такой бесшабашный всё плещущий рай в горизонтали и поперечности.
 А дальше пунктиры – белые, чёрные по пути, иногда – просто беда,
 Скоромные дни – по Божьей воле. В обёртке, в коробке, в клетке – судьба!
 И дух, в борьбе за существование, и иммунитет – надорваны!
 Какие к чёрту завоевания ваши и того – с попорченным
 Просроченным, и звания, и почёты, и медали, и вся мишура прочая...
 Что же «патриции» и «плебеи», и разные там «нигилисты»,
 Вы во времени, значит, тоже «временные», ждёте,
 «когда рак на горе свистнет»?
 Играя воюйте, занимайте посты, сменяйте одних другими –
 Пусть рушится всё в тартарары, и даже мосты, что на вечность мостили?
 И только Любовь не имеет возраста, она вне времени – остов вселенский,
 Она не бывает «по заявлению» – так бы сказал актёр Ленский...
 Покайтесь, очистите покаянием душу для Божьей любви.
 И впустите Любовь – как дар наказания за отпущенные грехи...
 И тогда, исполняя Божий Завет, проживёте с уникальными почками
 триста лет,
 Если не надоест, есть ежедневно омлет и писать стихи,
 Исполнять по утрам, вечерам туалет, говорить о любви...

ГАЛИНА БОГАПЕКО

Мне бы с птицами эх бы...

Влажный воздух, изысканный запах весны,
 Перестуки дождя по крышам.
 Слышу, слышу – резвятся журчаньем ручьи,
 И земля полной грудью дышит.
 И сощутив глаза от слепящих лучей,
 Я стою, растворяясь в неге.
 В небе птичий косяк белоснежных свечей,
 На деревьях молодые побеги.
 Мне бы с птицами эх бы высоко, высоко
 Долететь до небесной лазури и вернуться на землю,
 По ней колесом пронестись очищающей бурей.

Грусть

Благоуханием дышал сирени куст,
 Пчела пила цветов нектар, и сад был пуст!
 Бел, как невеста, что ждала к венчанью жениха.
 Сад лепестки свои ронял, одежды белые менял,
 И приуныл слегка.
 И жизни мой цветной бокал сегодня пуст.
 Грусть уносила в океан, пусть!
 И на бокале два следа, твои!
 Любовь не выпита до дна любви!
 Благоуханием дышал сирени куст!
 Ты в сад пришёл, меня искал! – Грусть!

Одинокая

И заокала река Ока берегами около – «Соколы, соколы!»
 Колокольчики звенят соколам: «Одинокая, одинокая!»
 Травушки шумят около соколам: «Одинокая, одинокая!»
 И букашки шуршат около соколам: «Одинокая, одинокая!»

Ефросиния

Без укорины силуэт и тень на скосе.
 Вы шли сюда сто тысяч лет, родная Фрося!
 Вы озаряли ближний свет, верхушки сосен,
 Ваш в конопушечках портрет – журчанье в осень!
 И ваши юные глаза, как неба сини.
 И ваша длинная коса, как путь России...

Причитания Ефросинии

Напевала Ефросиния: «Время, как пролетает время!»
 Напевала Ефросиния: «Будет всё не так, как ныне,
 Будет скоро возрождение с Севера,
 И покроет Землю северный иней».
 Напевала Ефросиния, слёз кристальных не жалела.
 Напевала Ефросиния: «Будут зимы светом белые,
 Будут жёны, словно лебеди, да с косицами по пояс,
 Будут дети с роду сильные, в богатырских колыбелях,
 Будут добрыми медведи, будет, в осень пышный колос
 Будет снова у России самый сильный в Мире голос!»
 Напевала Ефросиния: «Небо синее будет в искрах».
 Напевала Ефросиния: «Будет остров Божьей пристани...
 Будут юноши красивые, и не будет атеистов,
 И родиться вновь Россини – сын Джузеппе... валторниста,
 И – цирюльник с ним Севильский.
 Напевала Ефросиния: «Будет сильною Россия»,
 Напевала Ефросиния: «Будет в радости Мессия,
 И миссии от России полетят по всей планете,
 Громогласные витии, с беспримерным пиететом,
 Будут весть нести о мире, воле, паритете...»

Родная Русь!

Как душно в клетке, как тесно в клетке!
 Взлечу на ветку рябины красной.
 Вдохну небесной прохлады светлой
 И клюну ягод зарёй атласных.
 Вспорхну до выси – проветрю мысли,
 Вдохну и свистну: «Родная Русь!
 Дай коромысло, чтоб вёдра чистой
 Воды искристой набрать из выси,
 Спуститься в мгlistость эквилибристкой,
 Из вёдер прыснуть водой росистой
 На землю-пристань, где путь тернистый,
 И святость, Русь, тебе вернуть!»

Во всём безысходность

Вот в кадре – кинокартина войны на пространство,
 Смертельной победы и смерти, несущей «на дно».
 Ведь где-то давно такое никчёмное «братство»
 Уже отражало на скалах древнейших панно.
 Во всём безысходность, и осень – она на пороге,
 И молодость шумная – где сохранился мир,
 Живёт, прорастает, следами рисуя автограф,
 Жуирует, мыслит: но как бы создать антимир...

А в кадре – кинокартина войны на пространство,
 И в Мире давно война, как развитие жизни,
 И странствует смерть между странами братскими,
 И нет же у смерти понятия слова «Отчизна».
 Во всём безысходность, и осень уже на пороге,
 И поступь войны саламандрой у наших границ,
 И мир с Украиной – он даже уже не убогий,
 Он в страшном пожаре от пламеней огненных птиц...

Русская идея

Стать братом всех людей – сакральная идея генетическая
 У русского, от остальных – отличная, что подтверждает Мировой музей –
 История в картинах, свитках и табличках...
 Как может побрататься Мир с моей Отчизной? Так много верований и идей –
 Был социализм, почти что коммунизм, капитализм – попробуй одолей!
 Кем мы хотели б быть, что выбрать для себя, какой наш путь,
 а механизм каков?

Гребя по суше пасмурного дня, мы до сих пор не сняли всех оков...
 Для достижения выбранной идеи к единству тянемся уж несколько веков,
 Но не случилось то, чего хотели... Державой были! Не хватает слов,
 Как с высоты на землю мы просели, как потеряли сотни берегов?
 История плывёт –
 мы снова в русле, в теме, поток священный к торжеству несёт!
 Всечеловеком¹ снова станет – Русский, и звание Державы Он вернёт!

¹ Всечеловеком – стать братом всех людей...

Рассказы

Женская дружба

В монастыре осень щедро посыпала дорожки цветными листьями: были здесь и румяные, как личико деревенского ребёнка, листики клёнов, и сморщенные, словно руки старика, листочки берёзы, и резные, будто старинные стулья, листья дуба. Но для трудников подмести дорожки проще простого. День был сухой, потому многие получили послушание копать картофель в монастырском огороде, а кто-то – делать во дворе заготовки на зиму: чистить кабачки, лук, чеснок. Работы хватало, и была она всем по силам.

Труд в монастыре во славу Божию приносит душе огромную пользу. Это Клавдия поняла, как только приехала сюда по совету своего батюшки месяц назад. Тогда ей казалось, что никто и ничто не поможет ей залечить рану, нанесённую близким человеком. Но сейчас она уже спокойно и без слёз вспоминала предательство Анны.

Хотя Анна была старше Клавы, им всегда было о чём поговорить, чем поделиться, что обсудить. И это неудивительно, ибо обе женщины страстно любили театр, считая его самым лучшим местом, когда-либо созданным человеком, а актёров – людьми достойнейшей профессии.

Обе они имели отношение к театру, с одной только разницей: Клавдия работала в профессиональном театре заведующей литературной частью, в то время как Анна ставила спектакли в театре любительском и часто ходила в профессиональные театры, чтобы перенять опыт у мастеров. Зная эту слабость своей подруги, Клавдия всегда приглашала её на премьеры. А вернувшись домой, они по телефону часами обсуждали режиссуру и игру актёров. Делились и сокровенным. Будучи более открытым человеком, Клавдия часто рассказывала Анне о своих влюблённостях.

В этот раз Клаву угораздило влюбиться в ведущего актёра театра. Хотя она с благоговением смотрела на него, Алексей, казалось, не видел

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

восторженных взглядов завлита. Но Клавдия продолжала надеяться и, приглашая Анну в театр, думала, что лёгкость подруги в общении с мужчинами поможет ей завоевать расположение этого человека.

По договорённости с Клавдией Анна приехала в театр заблаговременно. Подруга выписала ей контрамарку, и Анна без труда вошла внутрь. Нужно отметить, что в театре был неплохой буфет и некоторые актёры частенько заглядывали туда даже в гриме, чтобы выпить кофе с пирожными перед спектаклем.

Клавдия сразу потащила подругу в буфет, зная, что та с работы и потому жутко голодная. Она, конечно, боялась, что Анна будет отнекиваться, говоря, что не ест после шести и поступается этим принципом только в особых случаях. Но у Клавы был запасён серьёзный аргумент: сегодня был тот самый редкий случай, ведь за столом они будут не одни, а с двумя актёрами, которым предстоит выход на сцену.

Это сразу привело Анну в совершенно другое состояние. На сегодняшний вечер о жёстком правиле можно было благополучно забыть! Женщины спустились в буфет, куда минут через пять подошли мужчины. Благодаря Анне разговор получился лёгким и непринуждённым. Говорили о театре, новых режиссёрах и премьерных спектаклях. Время за разговором пролетело так быстро, что компания даже вздрогнула, услышав первый звонок. Молодые люди поспешили за кулисы, а женщины в зрительный зал.

После спектакля Клавдия и Анна зашли в гримёрку, чтобы поблагодарить актёров за их талантливую работу. Когда Алексей любезно предложил развезти их по домам, Клава как-то сразу смутилась, но виду не подала.

Не прошло и двадцати минут, как к служебному входу подкатил роскошный автомобиль. Женщины уселись на заднее сидение, и машина плавно тронулась с места. Поездка была недолгой, но Клава была на седьмом небе от счастья. Когда она вышла из машины, Алексей махнул ей рукой, а Анна пожелала спокойной ночи. С хорошим настроением Клавдия вбежала в подъезд.

Прошёл час. Клава позвонила Анне на домашний. Ей не терпелось узнать, какое впечатление произвёл на подругу Алексей, и есть ли у неё шансы стать ему ближе. Как ни странно, у Анны работал автоответчик. На мобильный. Та же история. Попытав счастья несколько раз, Клава решила оставить эту попытку. На душе становилось тревожно.

Что могло развеять тревогу? Ну, конечно, работа! Клавдия была классической совой. Она могла всю ночь сидеть за компьютером, придумывая сайты для актёров на радость их поклонникам. Вот и эта ночь не стала исключением. После разговора в театральном буфете и поездки на его машине, Клавдия не могла думать ни о чём другом. Вдохновлённая, она начала обновлять сайт Алексея.

Ночные бдения увенчались успехом, и Клавдия уснула только под утро. Спала она недолго, а проснувшись, сразу захотела поделиться с Анной. Набрала на домашний, но там опять работал автоответчик. На мобильный. Металлический голос сообщил ей, что абонент сейчас недоступен.

Клавдия пришла на работу после обеда и каждые полчаса набирала номер Анны. Безрезультатно! В конце рабочего дня она приняла твёрдое решение нагреть к подруге домой, чтобы понять, что всё-таки происходит.

Бабье лето решило порадовать москвичей необыкновенно тёплым вечером. По прогнозу погоды в восемь часов должен был начаться дождь, но пока ласковый ветер слегка раскачивал деревья и кустарники в Анином дворе.

Двор был очень зелёным. И это обстоятельство спасло Клаву, которая сквозь листву увидела очертания знакомого автомобиля. Скрытая кустами, Клава услышала, как хлопнула входная дверь, и оттуда выпорхнула нарядно одетая Анна. Алексей вышел из автомобиля, нежно поцеловал женщину и открыл перед ней дверцу. Не заставляя кавалера ждать, Анна быстро села в машину, и через пару минут они уехали.

Клава почувствовала себя выброшенной на берег рыбой. Ей не хватало воздуха, и она ловила его ртом. Глаза покраснели от невыплаканных слёз. Дольше оставаться здесь Клава не хотела, да и не могла. Предатели! – думала она, – ну ладно Алексей! Он только мог догадываться о её чувствах. А Анна?! Подруга, которой она столько лет поверяла все свои тайны! Поистине права была её покойная бабушка, говоря: «Не скажи подружке, а скажи подушке». Опустив плечи, Клава отправилась к метро. Начинался дождь, но она не чувствовала ничего, кроме боли. Боли и обиды.

Впереди были две недели бессонницы. Ничего не помогало: ни забота близких, ни звонки с работы (Клава была вынуждена взять больничный), ни лекарства. Оставалось одно – посоветоваться с бабушкой. Выслушав рассказ Клавы, её духовник долго молчал, а потом сказал: «Бери внеочередной отпуск на работе и поезжай трудницей в монастырь. Только в трудах и молитвах ты сможешь понять и простить подругу, а также обрести душевное равновесие».

Прошёл месяц. Деревья всё активнее сбрасывали листву. И с Клавиной души начало осыпаться всё наносное: гнев, обида, ненависть. Наступило успокоение...

Недолгое счастье

С Невы дул холодный пронизывающий ветер. Даже если по прогнозу на улице +1°C, было стойкое ощущение, что все –5°C. Ангелина поёжилась. В связи с указом Президента о запрете курения в общественных местах, всем курящим приходилось теперь выходить на улицу. Персоналу было легче: поверх униформы они могли накинуть куртки, в то время как бедные пациенты мучались, выходя или выезжая на колясках на больничное крыльцо в халатах или спортивных костюмах.

Однако сегодня Ангелина курила в одиночестве – было раннее осеннее утро, да к тому же суббота, так что больные ещё спали, а среди дежуривших врачей и медсестёр курящих почти не было. Без компании, да на холодном ветру её хватило ненадолго. Удовлетворив свой никотиновый голод, Ангелина поспешила в ординаторскую, чтобы согреться чашечкой кофе. Настроение у неё было приподнятое – сегодня из свадебного путешествия возвращаются сын с женой. Через пару часов она сдаст дежурство, съездит домой, чтобы приготовить обед – и в Пулково. Ребята написали, что их самолёт прибывает в 12:10, и просили встретить.

Просьбы сына не обсуждались. Они были стимулом к действию: от совсем простых – испечь пирожки или поставить уколы – до таких сложных и порой невыполнимых, как найти нужного человека или достать деньги. Ангелина ни в чём не могла ему отказать, так как очень боялась его потерять.

На себя она давно махнула рукой: есть сын, и слава Богу! Четверть века назад она привезла его с курорта. Матвей, в переводе «дарованный Богом»,

рос мальчиком сложным. В детстве много болел, а в подростковом возрасте стал во дворе заводилой. Сколотил команду архаровцев, и они вместе носились по Литейному, играли в футбол во дворах-колодцах и лазали через заборы на различных стройках. Мальчишки часто доставляли хлопоты другим: то по неосторожности рассыпят чей-нибудь пакет с провизией, то чьё-нибудь окно мячом разобьют. А уж о порванных брюках и рубашках история просто умалчивает.

Потом начались институтские годы. Матвей был прекрасным аналитиком, потому ему давались точные науки. Школу он закончил с хорошим аттестатом и без труда поступил на математико-механический факультет Санкт-Петербургского университета. Но была у него с детства одна черта, которая очень беспокоила её – он быстро увлекался, но редко доводил дело до конца. Так, проучившись пять лет, он не стал защищать диплом, чем шокировал не только маму и друзей, но и университетскую профессуру.

Однако, несмотря на неполное высшее образование, Матвей без особых сложностей устроился на свою первую работу. Но как только интерес к ней иссяк, он с лёгкостью её поменял. Но и там долго не задержался. Ангелина страшно переживала, но поделаться ничего не могла.

Так и с девчонками. Матвей влюблялся сразу и, как казалось, навсегда. Но это «навсегда» длилось максимум два месяца, и мать, до беспамятства любящая сына, была вынуждена прикрывать его, целовавшегося в соседней комнате с новой девочкой, от его предыдущей пассии.

Правда, в последнее время всё наладилось. Его нынешняя работа приносила ему не только стабильный доход, но и моральное удовлетворение. Да и Надежда, девушка, с которой Матвей встречался последние полгода, стала его женой. Бракосочетание состоялось 17 октября. Хотели на Покров, но не успели, ибо многие пары, веря в приметы, стремились расписаться в этот день. Свадьбу играть не стали. Решили, что это только их, личное, да и к тому же пустая трата денег. Ангелина подарила им путёвку, и в тот же вечер молодые укатили в свадебное путешествие.

Что может быть лучше отдыха с любимым человеком на берегу Красного моря во второй половине октября, когда ласково греет солнце и вода необыкновенно чистая и такая тёплая, что не хочется вылезать на берег?! Каждый день они присылали Ангелине фотографии: вот Матвей стоит на пляже, а вот Наденька позирует на фоне красивого цветущего куста, а вот они вместе сидят, обнявшись, в каком-то ресторанчике. Сколько же счастья в глазах у молодых! Вчера вечером, сообщив ей время прибытия и попросив встретить их в аэропорту, Матвей и Надя поблагодарили её за это путешествие и написали, что их медовые недели пролетели, как один миг.

Ангелина очень радовалась за них, но для неё эти четырнадцать дней показались вечностью. Она уже часы считала не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова. В ординаторской над столом висели старомодные часы с кукушкой, подаренные кем-то из пациентов, которые показывали время – 6:50. «Всё! – подумала Ангелина, – ребята уже в самолёте – ещё пять часов, и они ступят на родную землю!»

Закипел электрический чайник. Она насыпала в чашку растворимый кофе и залила кипятком. И прямо как в рекламном ролике в ординаторскую потянулись люди: сначала дежурный врач перед утренним обходом, потом перевязочная медсестра. За столом сразу стало оживлённо. Врач травил байки, а Ангелина и Раиса Павловна заливались громким смехом,

заглушая работавший телевизор. По пятому каналу передавали какой-то фильм.

В половине восьмого кукушка выскочила из часов. Вдруг фильм прервался, и смех повис в воздухе. Появившаяся на экране диктор сообщила, что в небе над Египтом взорвался самолёт, следовавший рейсом А321 из Шарм-эль-Шейха в Санкт-Петербург.

Ангелина молча встала, подошла к шкафчику, набросила куртку и механически двинулась к выходу. Ноги были ватные, и потому дорога из ординаторской на улицу заняла в два раза больше времени, чем обычно. На крыльце по-прежнему никого не было. Она несколько раз щёлкнула зажигалкой, пытаясь прикурить, но ледяные пальцы не слушались. Юго-западный ветер откуда-то из Египта унёс двадцать пять лет её счастья.

ПРОЗА

Нина ГОЛОВАНОВА

Нина Федотовна Голованова – физик-теоретик и поэт, родилась в семье советских инженеров. Окончила московскую школу с золотой медалью, а затем физический факультет МГУ им. Ломоносова. Научная деятельность связана с изучением микромира. Имеет научные труды. Член МГО СП России. Автор трёх поэтических сборников: «Эти строчки», «Избранное», «Ясным утром». Последняя книга, изданная МГТУ им. А.Н. Косыгина, в 2011 г. была отмечена дипломом литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга». Награждена также литературными премиями МГО СП России имени Грибоедова и Лермонтова. Роман Н.Ф. Головановой в стихах «Люк и Фек. Мир и война» в 2014 г. был удостоен литературной премии МГО СП России «Серебряный крест» с вручением наградного знака «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

«О былом достоинстве забыто...»

Трестих о России

I

Заросла, Россия-мать, бурьяном.
Сын твой деревенский вечно пьяный.
Он земли не пашет, трав не косит,
А с утра на водку денег просит.
Он не верит ни попам, ни власти,
Говорит, что врут по большей части.
Церковь купола раззолотила.
Разве в них священной веры сила?
Тень лежит на их дороговизне
За загубленные водкой жизни.
Отсидевши, к власти лезут урки,
Воры, лицемерные придурки.
Цель одна – законы заморочить
И свои позиции упрочить.
Чтобы можно было без оглядки
Получать от всех и всюду взятки,
Накупить домов, земли и леса.
Сказкой жизнь окажется чудесной.
Ведь трудягам, как колхоз распался,
Каждому кусок земли достался.
Не имея техники и воли,
Быстро распродали свои доли.
Всё давно проедено, пропито
О былом достоинстве забыто.

И не выбраться из этой ямы.
 Так скучна у жизни панорама.
 Глас однажды сын земли услышал
 Где-то с высоты небесной крыши:
 «Если нет ума, пока есть силы
 Надо братья поскорей за вилы».
 Но не понял он такой совет
 Ждёт фортуны, а её всё нет.

II

Дожила, родная, до позора.
 Дочери твои из-за разора,
 Не стыдясь, своим торгуют телом
 Тёмной ночью и при свете белом.
 Сластолюбцы и творцы законов
 Собираются убрать препоны
 Деньги наживать с такого дела.
 Получай, Россия, что хотела.
 А мораль пускай стоит на полках
 В разных книгах толстых или тонких.
 Дочек же своих не без подарков
 Замуж отдадут за олигархов.
 Будут жить и в Лондоне, и в Ницце,
 И в альпийских замках за границей.
 Денег много. Тяжкий труд не нужен,
 Если вдруг убьют за дело мужа.
 Олигархи нефть и газ качают,
 А доходы в банках оставляют.
 И растут проценты как капуста,
 А у граждан в кошельке не густо.
 Для чего России богатеи?
 Воровские, мутные затеи?
 Фабрики, заводы сплошь закрыты.
 Где остались, делают корыта.
 А везде китайские товары
 И текстиль, и даже самовары.
 Вывозить металл и все богатства
 Из страны – ведь это казнокрадство.
 Будет скоро Русь внутри пустой,
 Голой и с плешивой головой.

III

Видно, ты, Россия, одурела,
 Раз не понимаешь, как умело
 Властью колдовского приворота
 Тянут тебя в грязное болото.

Колдуны сидят на телебашне
 Варят телезелье силы страшной.
 Получив заморские гражданства,
 Хапнули эфирное пространство.
 В Храм святой – в сознание народа
 Грязь привносят гибельной природы.
 Вместо лучших образцов культуры
 Льют отбросы западной халтуры.
 Низкопробная цветёт эстрада.
 Фабрики всего, дома разврата
 И показывают на виду у всех
 Грубый, неумелый русский секс.
 Так, что зрителей с души воротит
 От таких похабнейших эротик.
 И долбят, про деньги и успех,
 Даже если взят на душу грех.
 Что ж узнала, Русь, «свободы» вкус.
 Под подол набился наглый гнус.
 Гнал Христос из храма торгашей,
 Выгнать бы и нам их всех взащей.

А прокурор?

Наворовал где только смог
 И на Рублёвку.
 Вознёсся над людьми, как Бог,
 Пройдоха ловко.

Конечно это первый шаг:
 «На всякий случай».
 За деньги купит и не маг,
 Места покруче.

И Лондон, и Париж, и Рим,
 И Бич Майями,
 То масленицу, то пурим
 Отметят с вами.

«А прокурор?» – «Что прокурор?
 Сосед по даче».
 Поставит вряд ли что в укор
 Ловцу удачи.

Я требую убрать заборы

Я требую убрать заборы
У новых замков и дворцов,
И пусть сограждан наших взоры
Рассмотрят воров и дельцов.

Скрывают что двойные стены?
Какие помыслы внутри?
Охраны как у бизнесменов
Не знали даже и цари.

Я требую убрать заборы
У рек, морей, озёр, лесов,
Разгородили все просторы,
Закрыв природу на засов.

Я не хочу ходить, как в зоне,
Между заборами скользя,
И чувствовать себя в загоне.
Россия, ты моя земля!

ПРОЗА

Владислав КУРАШ

Коррида¹

*Никто никогда не живёт полной жизнью,
кроме матадоров*

Эрнест Хемингуэй

Владислав Игоревич Кураш – родился 9 июля 1974 г., современный украинский писатель. Потомок древнего литовского княжеского рода Кураш, берущего свои корни из династии Ягеллонов, родоначальником которой был Великий Князь Литовский и Король Польский Владислав II Ягайло, внук Гедимина, сын великого князя литовского Ольгерда и тверской княжны Юлианны. С 1991 по 1993 гг. Владислав Кураш работал продавцом в супермаркете, почтальоном, уборщиком в пивном баре. В 1993 г. работал на кондитерской фабрике грузчиком. В 1994 г. нанялся матросом на рыболовецкое судно, на котором плавал к берегам Африки, Латинской Америки, Японии и в северные моря. В последующие годы путешествовал по Германии, Франции, Испании, Италии, Португалии. Полученные впечатления легли в основу многих его рассказов и повестей.

Живёт в Киеве.

Меня разбудил Педру. Он позвонил в начале шестого и сказал, чтобы мы собирались. Я умылся, почистил зубы, разбудил остальных и пошёл на кухню готовить завтрак. Квартира ожила. В ванную и в туалет выстроилась очередь. В коридоре и на кухне началось движение.

В шесть приехала Жаклин, жена Педру, на своём «ситроене». Она отдала мне ключи от машины и попросила отвезти её домой, в Пиньал Верды. Когда мы выезжали из Пиньал ды Фрадыша, позвонил Лусю и сказал, чтобы я после того, как отвезу Жаклин, заехал за ним.

Из Пиньал Верды я отправился в Круж ды Пао за Лусю, а оттуда в Пиньал ды Фрадыш за остальными. По дороге из Круж ды Пао Лусю рассказал, что сегодня мы будем помогать рабочим Карлуша Дуарте устанавливать арену для боя быков в Курроюше.

Саня, Николай и Гриша ждали нас внизу у подъезда. Они сели в автомобиль, и мы поехали в Курроюш. Всю дорогу Лусю рассказывал анекдоты, не переставая шутил и безудержно хохотал.

На въезде в Курроюш, возле Макдональдса, мы свернули на Руа Игрежа, потом на Руа Флорыш, по которой ехали ещё минут десять, пока не упёрлись в городской пустырь. За пустырём не было уже ничего, ни домов, ни улиц, лишь оливковая роща.

Я припарковался у обочины дороги, огибавшей пустырь, и мы вышли из машины. На пустыре работа кипела уже вовсю. Рабочие Карлуша Дуарте, владельца арены, снимали с грузовых автомобилей вертикальные фермы, секции трибун,

¹ Коррида (порт. corrida) – быстрый бег

скамейки, лестничные марши, опорные рамы, щиты, блоки, ограждения, настилы, стойки, поперечные траверсы и тут же соединяли их и монтировали в единую конструкцию. Арена росла на глазах.

Работа была несложной и по-своему интересной. Я представлял себе, будто мы собираем огромный взрослый конструктор. Разгрузкой и сборкой руководил Аугушту. Он рассказывал и объяснял, что куда нести и каким образом крепить.

Спустя час Лусю на мобильный позвонил Педру. Не знаю, о чём они говорили, но после разговора Лусю сильно занервничал и подошёл ко мне.

– Педру сказал, чтобы я забрал у тебя ключи от машины, – скороговоркой протараторил он.

Я достал из кармана ключи и отдал их Лусю. Тот с ключами побежал к машине. И через несколько минут вернулся назад.

– Ключи пока останутся у меня, – снова затараторил Лусю. – Представляешь, Педру вчера в машине забыл шестьсот тысяч ишкуду. Переживает, чтобы никуда не пропали. Вечером, после работы, деньги нужно будет завезти к нему домой.

Я машинально, совершенно бездумно прокалькулировал в голове сумму, и меня в тот же миг точно молнией шарахнуло. Шестьсот тысяч ишкуду в долларовом эквиваленте три тысячи долларов. Даже при самом лучшем стечении обстоятельств, учитывая, что я буду откладывать по триста долларов каждый месяц, для того чтобы заработать три тысячи, мне понадобится не менее десяти месяцев, а то и целый год.

Эта мысль штопором ввинтилась мне в голову. Я ни о чём больше не мог думать. Я думал лишь о деньгах, которые лежали в машине.

А что если грабануть Педру и с этими деньгами свалить на Украину, посетила меня вдруг следующая мысль. Он на нас зарабатывает такие деньжищи, а нам платит копейки. Справедливо было бы грабануть этого жмота. Нет, ничего не выйдет, поразмыслив, подумал я. Деньги в машине. Ключи от машины у Лусю. Вокруг много народа. Ладно, допустим, я завладею ключами. А что потом? А потом домой за паспортом и в аэропорт. Самолёты на Киев летают, вроде бы, каждый день. И вылет, насколько я помню, часа в два, в три.

Я посмотрел на часы. Было уже начало девятого.

Если поторопиться, можно ещё успеть на сегодняшний рейс. А что делать с Лусю? А если Педру заявит в полицию и меня схватят? Тюрьмы только не хватало. Да уж, задачка.

Недолго думая, я решил действовать. Лусю ещё не успел далеко отойти. Он направлялся к грузовикам. Я позвал его.

– Лусю, подожди, – крикнул я ему вслед.

Тот обернулся. Схватившись за живот, я изобразил мучительный приступ.

– Прихватило, мне по большому надо, – кривляясь, сказал я.

Лусю понимающе улыбнулся.

– Беги в рощу.

– У меня в машине салфетки.

Вначале Лусю хотел дать мне ключи, но потом передумал и сказал:

– Пойдём.

– Только быстрее, а то сейчас в штаны наделаю.

Пока мы шли к машине, я напряжённо и лихорадочно думал о том, как завладеть ключами, но ничего толкового на ум не приходило.

Лусю открыл машину, я взял свою сумку и стал в ней рыться, нарочно затягивая время, судорожно думая о том, что же делать дальше.

И тут мне на глаза попался большой кухонный нож, который я всегда брал с собой на работу, чтобы резать колбасу и хлеб во время обеда. Я схватил нож и угрожающе направил его на Лусю.

– Я не хочу тебя убивать, – понизив голос, сказал я ему. – Но если дёрнешься или закричишь, зарежу. Понял?

От испуга и неожиданности Лусю обомлел и лишился речи. Не в силах выдать из себя ни слова, он судорожно замотал головой.

– Ключи сюда давай и мобильный, – легонько ткнув ножом его в живот, сказал я.

Лусю безропотно отдал мне ключи и мобильный, который я сразу же отключил.

– Садись в машину, – чуть сильнее ткнул я ножом Лусю. – И без фокусов.

Лусю сел на переднее сидение рядом с водительским. Я сел за руль.

– Где деньги?

Лусю достал из бардачка пакет с деньгами. Я пересчитал деньги, после чего сунул их себе за пазуху. Взглянув на пустырь и не заметив ничего подозрительного, я завёл машину, и мы поехали.

Всю дорогу до Пиньал ды Фрадыша Лусю молчал. Я боялся погони, поэтому торопился и гнал. На въезде в Пиньал ды Фрадыш Лусю спросил:

– Что собираешься делать?

– Не переживай, если будешь слушать меня, тебе я ничего не сделаю, – ответил я.

Через несколько минут я остановил машину у своего подъезда. Мы поднялись ко мне на этаж и вошли в квартиру. В квартире никого не было. Я связал Лусю руки и ноги, крепко привязал его к кровати и заткнул ему рот тряпкой.

Лусю нужно отдать должное. Он держался молодцом и ни разу не попытался сопротивляться или спровоцировать меня. Этого я боялся больше всего, потому что сам был сильно испуган и потому что не смог бы убить человека из-за денег.

Надо было поторапливаться. Я быстро собрал рюкзак, положил туда деньги и паспорт, переоделся в чистую одежду, отключил свой мобильный и тоже положил его в рюкзак. Лусю лежал привязанный на кровати с заткнутым ртом и наблюдал за мной.

– Полежи немного тут, отдохни, скоро вернутся с работы и развяжут тебя, – сказал я ему на прощание.

На вокзал в Фугитейру я решил идти пешком. «Ситроен» Жаклин остался стоять у подъезда. Ключи от «ситроена» я забрал и вместе с мобильником Лусю выбросил на соседней улице в мусорный контейнер. Чтобы не попасться на глаза знакомым, я пошёл окольными путями, избегая центральных улиц и людных мест.

По дороге на вокзал я зашёл в «Континент». Там было отделение банка «Western Union». Все деньги я отправил жене на Украину. Себе оставил лишь на билеты и на расходы.

Из Фугитейру я поездом доехал до Энтры Кампуш и там пересел на автобус, который шёл в аэропорт. В аэропорту было много полиции и вооружённой охраны. Стараясь не привлекать внимания, я отыскал кассы и купил билет до Киева на сегодняшний рейс.

До вылета оставалось два часа. Рюкзак я не стал сдавать в багаж и поспешно поспешил к пункту паспортного контроля. Оказавшись в зоне ожидания, я первым делом поменял все оставшиеся деньги на доллары, а потом зашёл в бар и заказал кубинский ром и кофе.

От нервного перенапряжения меня всего трясло, и сердце выскакивало из груди. Ром и чашка кофе немного успокоили. Но не совсем. Я по-прежнему нервничал и переживал и с нетерпением, то и дело, поглядывал на часы. А время, как назло, тянулось медленно, превращая каждую минуту в вечность.

Наконец объявили посадку на самолёт, и в зоне регистрации и предполётного досмотра образовалась длинная очередь. Когда со всеми формальностями было покончено, открыли зону выхода на посадку. Проследовав по длинному узкому тоннелю, я попал в самолёт и занял своё место в салоне.

Последние предполётные минуты были самыми тяжёлыми и напряжёнными. И лишь только, когда самолёт оторвался от взлётной полосы и поплыл над землёй, зарываясь в белые как вата облака, я окончательно успокоился и на какое-то время уснул.

Прямых авиарейсов от Лиссабона до Киева не было. В аэропорту Цюриха мне нужно было сделать пересадку на другой самолёт. Пришлось проторчать там целую ночь в ожидании своего рейса. И лишь только к вечеру следующего дня я прилетел в Борисполь. В аэропорту меня никто не встречал. Я поменял в обменнике доллары и сел на киевский автобус, который довёз меня до железнодорожного вокзала, где я пересел в метро.

Домой я приехал поздно. Жена уже спала. Я разбудил её и сразу же с порога потянул в постель. Мы не виделись больше трёх лет. Я сильно соскучился.

Удовлетворённые и счастливые, не выпуская друг друга из объятий, мы уснули глубоко за полночь и проспали почти до самого обеда. А когда проснулись, я рассказал ей за чашкой утреннего кофе всю свою историю. А потом мы пошли в банк за деньгами.

По дороге в банк мы встретили её брата, Лёху. Он обрадовался моему приезду и напросился вечером в гости обмыть это событие. Деньги жена спрятала в комод среди белья.

Вечером в гости пришёл Лёха. Мы накрыли стол и закатили весёлую пирушку. А на следующий день, когда я решил проверить деньги, в комод их не нашёл. Я перевернул всю квартиру, но денег нигде не было. Жена призналась мне, что вчера вечером за столом рассказала всё брату. Недолго думая, я собрался и пошёл к нему. Он сразу сознался, но денег мне не отдал.

– Нет у меня твоих денег, говорю тебе нет.

– Где же тогда деньги?

– Лось у меня забрал твои деньги.

– Как забрал?

– Приставил пистолет к пузу и забрал.

– А откуда он узнал о деньгах?

– Ему Кривой рассказал.

– А Кривой откуда о деньгах узнал?

– Я ему за бутылкой пивка похвастался.

– Где найти Лося?

– Не советую. Не связывайся с этим придурком. Не убьёт, так покалечит.

Он никого не боится. У него батя прокурор. Отмажет. Не раз уже отмазывал.

А тебе всю жизнь попортит, если к его сынку хоть пальцем прикоснёшься. И разбираться не станет.

От досады и бессилия мне хотелось рвать волосы на голове и рыдать. Я был в иступлении и не знал, что делать. Лёха, как загнанный зверь, испуганно наблюдал за мной.

– И что же теперь? – взвыл я в отчаянии.

Лёха молчал и виновато улыбался. Это взбесило меня не на шутку. Не в силах сдержать себя, я засадил ему от души кулаком в глаз и пошёл домой.

Дома я круто разругался с женой и довёл её до слёз и истерики. Обида душила меня и жгла изнутри. Я был на грани нервного срыва. Ужасно хотелось напиться.

После ссоры жена собралась и ушла ночевать к родителям. Я остался один. И весь вечер просидел у телевизора. А потом лёг спать с надеждой, что новый день принесёт что-то новое.

ПОЭЗИЯ

Инна Юрьевна Мухина – по профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг и лауреат многих литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Инна МУХИНА

Не оскудело сердце нетерпеньем...

Свет берёз

Мой край грибной. Заветные леса.
Цветочные поляны расписные.
Поутру слышу – птичьи голоса
Свои запели песни о России.
Нам свет берёз и моха чистоту
Не променять на чужеродность пальмы.
Мы с молоком впитали красоту
Земли своей. Её любовь и память.

Святой Георгий

Памяти отца Юрий (Георгия) Мухина

Я в сорочке родился
И в сорочке умру.
Ведь не зря я крестился
На осеннем ветру.

Ничего не боялся,
Ни воды, ни огня,
Моё имя Георгий
Защищало меня.

А Георгий святой
Был боец и герой,
Пострадавший за веру святую.

Он всегда помогал
Тем, кто правду искал
И боролся в годину лихую.

Был и я не труслив,
Пережил много бед,
Скорбь и боль разрывали мне душу,
Но Георгий святой
Был повсюду со мной,
И единства того
Не нарушить.

На пороге декабря

О, декабри мои, меня не предавайте!
Всё, что душе положено, отдайте,
И радости, и нежности разливы,
Чтоб в декабрых (не в дебрях) быть счастливой.
И в снежном, осеребряном сияньи
Суметь постичь все тайны пониманья.
Чтоб на качелях взлётов и падений
Не оскудело сердце нетерпеньем¹.
Обидчикам простить их зло и скудость
Я, если не забыла, то забуду.
Мне в этом декабри мои помогут.
Я знаю, верю, вот и слава Богу!

Женщины, женщины – сильные души,
Сколько выносите вы на плечах.
Ночью упрячете слёзы в подушку,
Утром всё снова готовы начать.

Женщины – нежные, чуткие души,
Сколько альфонсов у вас на пути!
Сколько неверных, покой ваш наруша,
Ложью пытаются в сердце войти.

Но охраняет судьбу Провиденье,
Промысел Божий и Божий наказ,
Как бесконечны любовь и терпенье,
Те, что заложены в каждой из нас.

¹ Стефан Цвейг. Роман «Нетерпение»

В каменном городе
Сердце тоскует.
Всё упреждает –
Не надо бы всуе.

Город асфальта.
Охалку черёмух
Не донесу я
Сегодня до дома.

Как бы хотелось
В счастье поверить,
Но одиночество
Нечем не измерить.

То ли обижен,
То ли растерян
Звук телефона
Глохнет за дверью.

Память страдает,
Ждёт поцелуя,
Но понимаю –
Не надо мне всуе ...

До души достучаться непросто.
Осень тонкою грустью полна,
И теряется в мареве остров,
Что двоим подарила весна.

Но ещё золотятся рассветы.
И горячие губы твои
Не простились с пылающим летом,
До конца не испили любви.

Вечер на море

Тишина над берегом струится.
Зыбкая тугая тишина.
Только кружит мраморная птица,
Да над галькой замерла волна.

Ей навеки с берегом не расстаться –
Убегает, возвращаясь вновь.
Так кому-то выпадает счастье
Разделить бессмертную любовь.

ПРОЗА

Александр ГАНИН

Записки счастливого неудачника

Психопат

Редко со мною так бывает, но бывает. Даже не знаю, что и думать. Может быть, регулярно ходить к психиатру или выпивать перед выходом на улицу стакан коньяку. Водку я перестал пить с началом буржуазной или феодальной реставрации в России. С приходом к власти Майкла Горби (Горбачёва) и царя Бориски (Бориса Ельцина, он же по кличке «Банан»). Персонаж Булгакова, шарлатан-профессор Преображенский рекомендовал пить водку с горячими закусками. Не знаю, какую водку пили, например, Салтыков-Щедрин, Чехов, и какую Преображенский. Что касается профессора Преображенского. Мне представляется, что Булгаков неспроста дал своему персонажу фамилию Преображенский. Предвзятый морфологический анализ этой фамилии в условиях первых лет советской власти и род занятий уважаемого профессора даёт нам возможность предполагать, что, во-первых, он ловко «преобразился» в новых послереволюционных условиях, то есть как-то приспособился. А во-вторых, имел дело в основном с женской частью населения, пострадавшей, в условиях нехватки мужской части населения, как следствия гражданской войны в России. Некстати, но забавно отметить, что был такой деятель в период ельцинизма – Ястржембский. Так его фамилию переделали в «ястреб женский». Он действительно был хорош собой и элегантно одевался. Нравился женщинам. Но вернёмся к персонажу «профессор Преображенский». Находясь под влиянием другого, реального, профессора Павлова, действительно настоящего патриота новой России, усердно пересаживающего различные органы или по одной и по две головы несчастным собачкам, и искавшему, как мне кажется, путь к вожделенному бессмертию человека, может быть, какого-то отдельного человека, профессор

Александр Ганин (Александр Васильевич Гниненко) – кандидат экономических наук, доцент по кафедре «Иностранные языки» Московского государственного машиностроительного университета «МАМИ» / Университет машиностроения. Окончил Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (англо-немецкое отделение факультета иностранных языков) и Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе (экономический факультет). Автор поэтических сборников «Не забывай и не прощайся...» (2005), «Нескончаемое прощанье, нескончаемая любовь...» (2007), «Ожидание» (2010), текстов и музыки, исполнитель авторских песен (компакт-диск «Песни для друзей»). Член Российского Авторского Общества и Союза писателей России. Имеет общественные награды.

Живёт в Москве.

Преображенский вдохновился этой идеей. Но вдохновился он своеобразно. Бессмертие представлялось ему или его пациентам как бесконечная возможность вечной молодости – совокупляться, совокупляться, совокупляться. Но при этом женщинам делать аборт, аборт, аборт. А мужчинам бесконечно разбрасывать семя с истошными криками.

Если бы милейший Преображенский, когда он критиковал советскую водку, однако, не отвергая её, но выпивая её со своим лирическим персонажем Борменталем, смог себе представить, какого «качества» будет водка «новой России». В 90-е годы все потомки буржуев, городского мещанства, дворян и всяких прочих сообществ меньшинств и космополитов со слюной у рта рассказывали о том, какая была водка, и сколько было её великолепных сортов до 1917 года. Они что, её пробовали!? Те из них, кто был и те, кто не был за границей, с капающей слюной рассказывали о десятках сортов колбасы, сыра и другого дурацкого счастья, лежащего на полках западных супермаркетов. У нас теперь то же самое: водки, коньяков, сыров, колбас, пива и прочей дребедени огромное количество «брендов», но процентов девяносто из них являются суррогатами, вредными для здоровья. То же самое происходит и в фармакологии. Продают всякого рода «фуфлолохомицины». Следует признать, что с пришествием частника в алкогольный бизнес изготавливается и продаётся такое спиртосодержащее дерьмо, которого не было на святой Руси никогда, но только в период ельцинской «демократии и свободы». Итак, в восьмидесятых годах прошлого века пришёл к власти внучёк репрессированных антисоветчиков, который жадным ухом слушал рассказы своих дедушек, пропитанные злобой ко всему советскому, то есть к невозможности обогащаться, эксплуатируя чужой труд и платя за него гроши. Злобой, от которой у них скрежетали зубы. Наслушался Мишенька этих рассказов и с молоком матери копил, копил, копил ненависть ко всему советскому, к русскому, но глубоко держал эту лютую ненависть, прятал на дне своей гадкой душонки, ждал своего часа. Вступил в коммунистическую партию, каким-то образом стал передовиком-комбайнёром, получил даже трудовой орден с коммунистическим красным знаменем в девятнадцать лет. Чудеса. Поступил без экзаменов в МГУ как орденосец. Закончил МГУ, но так образования и не получил. И пошла его карьера в гору. Но кто-то его уже тогда заметил и выращивал. И наконец триумф тайных сил настал. На вершину советской власти взгромоздился Мишутка Горбачёв или «Меченый». Эта заплатка на его голове – не след ли пересадки или удаления какого-либо органа, произведённой его предкам профессором Преображенским или последователями профессора Преображенского. Но кто же дал Мишеньке, «просветителю и носителю общечеловеческих ценностей» с заплаткой на голове, дорогу? Этому впоследствии «минеральному» (генеральному) секретарю ЦК КПСС. Ещё Пётр I запрягал брать на государеву службу «кривых» и рыжих, то есть «меченых», то есть с разными врождёнными уродствами, хотя рыжие это отдельная тема для исследователей. Чубайсытина. Нанотехнология. Змеиная Горка. Кто же его, Мишутку, взял и вытянул как за уши на белый свет? Его взял председатель КГБ СССР Юрий Андропов или, как пишут некоторые недружелюбные исследователи, Финкельштейн, или что-то типа этого. Почему Михаил Сулов, главный идеолог КПСС и, может быть, последний сталинист в Политбюро ЦК КПСС, рекомендовал загнать этого Андропова-Финкельштейна, как мифологического, но, вместе с тем, вполне реального джина, обратно в его бутылку. Такие слухи. Наверное, он чувствовал, какой национальности и

где произведена эта бутылка. Очень дальновидно. А в девяностых годах прошлого века свершилась вековая мечта уже пьяной и завшивленной России: Стенька Разин, перевоплотившись в Борьку Ельцина, беспалого кривого (разбирал в детстве гранату и подорвался, когда бил по ней молотком, пытаясь её вскрыть, что уже говорит о недюжинных интеллектуальных способностях будущего правителя «новой России»!!!), пришёл к власти при помощи ненавистных для квасного русского лаптёжного патриота и космополитов. Тоже внук репрессированных. Круг замкнулся. Такой же. И пошла писать деревня. Какой, однако, поворот, и не первый поворот, в русской истории. А что Ленин, а Ленин – это интеллигентный, образованный, прозорливый Стенька Разин или, может быть, Емелька Пугачёв? Как забавно. И вот так каждое утро выхожу из подъезда моего многоэтажного жилища с такими грустными мыслями. Или ложусь с ними спать. Иду по улице, вечереет, холодает. На лицах и в манерах многих прохожих отражаются последствия просмотра бесконечных криминальных телевизионных сериалов. Через них им, молодым и взрослым, прививаются патологические формы поведения, которые постепенно со временем воспринимаются как нормальные и становятся общепринятыми. Речь скомканная, через нос, гнусавая. Все крутые. Взгляды, выражение лиц гнусные. Как пел Вилли Токарев: «...стали все крутые – на ф... некого послать». Только детки остаются ещё чистыми. Ночью ворочаюсь с бока на бок, с бока на бок. Думаю, ну глумятся же, гады, глумятся. Все эти безграмотные теле- и радио-ведущие, политологи, псевдоэкономисты и специалисты, депутаты, малолетние министры, зарабатывают свои сребреники с пеной у рта, несут околесицу, получают купюры из бюджета и из-за границы, говорят о социальной справедливости, пекутся о простом народе, а потом разъезжаются по заграницам на дорогие курорты вместе со своими оппонентами. Да у них и дачи рядом. Я от этого всего очень сильно нервничаю. Да и народ наш. Как-то осмотришься кругом и видишь, что попадают такие рожи, какие, наверное, ни Гоголь, ни Салтыков-Щедрин не осмелились бы описать. А их всё больше. Особенно в средствах массовой информации. В «лохоскопе». Провокаторы, лгуны, извращенцы, стремящиеся к диктатуре предатели, изнывающие от жгучего желанья уничтожить русский народ и поделить Россию между их западными контролёрами. От желанья, которое передаётся из поколения в поколение этих борцов за уничтожение России, какой бы она ни была, царской, советской, капиталистической. И уже не удивишься самому себе, если вдруг появляется у тебя жгучее желанье плюнуть в гаденькую физиономию представителя так называемого гражданского общества, сидящего на грантах западных спецслужб, замаскированных под разные общественные организации – от обществ защиты прав потребителей до комитетов солдатских матерей. Гадят, гадят, исходят ядом. Благодаря этим представителям старательно выводится новое дегенеративное поколение, которое, по их далеко идущим планам, составленным на десятилетия вперёд, не должно быть способным к самостоятельному развитию и должно будет перейти под внешнее управление, уже внешних дегенератов. Вот, например, какого современного демократа, либерала или правозащитника, или лауреата Нобелевской премии мира или в области литературы ни возьми, так у него или неё лицо носит отпечатки ярко выраженного дегенерата, или добротного вылеченного в американских или израильских клиниках потомственного идиота, результата инцеста во многих поколениях... Выпил коньяку. Иду к знакомому психиатру, выпить, не за диагнозом. Нормальных нет. Нет смысла ставить заранее известный

диагноз. Дело только в степени опасности для общества. У нас таких опасных становится всё больше, везде. Подействовал коньяк. Захорошело. Запорошило. Снег с дождём. Хорошо дышится. Иду по улице. Думать ни о чём не хочется. Гремят трамваи. Воробьи и голуби кормятся под ногами. Перебегают от куста к кусту коты, тоже ищут корм. Они знают своё дело. Впереди зима. Им надо выжить. И нам. Суровые времена. Смутные времена. Предатели. И главное сражение ещё впереди. И впереди вечный бой за существование России и русского народа. Надо это признать, понять и забыть, хотя бы на время. И уже становится спокойнее, и легче дышится.

Козлы, свиньи, люди...

Существуют среди людей такие оскорбления как «козёл» и «свинья». Но почему мы считаем эти слова, адресованные человеку, оскорблениями, чем плохи эти животные, чем они хуже людей? Интересно было бы поручить зоологам, биологам, физиологам, генетикам, мясникам мясокомбинатов, производителям изделий из человеческого материала (кожи человека... перчатки, абажуры, парики, костная мука, удобрения и т.д.) провести системный сравнительный анализ козлов, свиней и людей... их плюсы и минусы на местном, региональном, национальном и космическом уровне...

Козлы, свиньи, люди ...что между ними общего? Очень мало. Козлы и свиньи намного лучше. Люди, может быть, не все такие плохие, может быть, они становятся такими, только тогда, когда они становятся взрослыми? Конечно, они все ангелочки лет, наверное, до двенадцати. Но потом включается какой-то механизм, который их разделяет на агнцев и козлиц. Мы знаем о детской, подростковой кровожадной жестокости к животным и беззащитным старикам, бомжам, своим сверстникам. Говорят, он (она) поступил (а) как зверь, животное, но, вероятно, ни одно животное, если оно не бешеное, не делает того, на что способны люди, совершая жуткие преступления. Конечно, таких подавляющее меньшинство, но всё же говорят, что люди, человек – это венец божественного творенья. Сомнительно. Как в это можно поверить и почему, на каком основании, ведь мы должны судить о человечестве по его делам. А идея о том, что человек создан по образу и подобию Бога? Воруют у стариков, сирот, детей, деточки убивают беззащитных котят, кошек, собак... пока тренируются на кошках. Убивают детей, в том числе, и грудных, бросают их в мусорные баки. Принимают наркотики, стреляются, расстреливают, вешаются, режут головы, четвертуют, взрывают мирных граждан, вешают... убивают... убивают... бросают атомные бомбы на беззащитные города... войны... войны... войны...

Содом и Гоморра. Педерастия, педофилия, проституция, слёзы детские, слёзы невинных, безвинных «униженных и оскорблённых» текут рекой ... и что? Чем дольше живу, тем нелепее представляется мне утверждение, что человек – это венец творенья, а если это так, тогда не Сатана ли его творец?

Или творцом только «хороших» людей является Бог? Значит, существуют «нормальные» люди и «недочеловеки»... и дальше: что с этими «недочеловеками» делать? А может быть, эти недочеловеки во всех своих проявлениях показывают нам, кто мы есть такие? Может быть, мы все такие и нас сдерживает только страх общественного порицания и уголовного наказания... я «тварь дрожащая» или имею право на всё... или человеком может считаться

только тот, кто рождается с неким «внутренним нравственным законом», как писал Э. Кант? Козлы, свиньи, люди... как мало между ними общего. Козлы, свиньи – лучше. Если бы козлы, свиньи, кошки умели разговаривать, они бы имели полное право называть и обозвать плохого козла, свинью или кошку словом «человек». Ну, ты «человек»...

Человек звучит... гордо? При слове человек и при виде человека надо быть готовым к бегству, спрятаться, затаиться и держать наготове оружие для самообороны... потому, что он может быть опасней обезьяны, в руках которой пистолет и опасная бритва!.. Какой же крепкий нужен намордник для этой дивной твари – «человек» и цепь, на которой его надо выпускать в живую и неживую природу?!

ПОЭЗИЯ

Лариса НАЗАРЕНКО

ЛАРИСА НАЗАРЕНКО

Лариса Ивановна Назаренко – родилась в Москве. По образованию экономист. Стихи стала писать серьёзно с 1995 года, посещая клуб им. Н. Рериха при Литературном институте им. М. Горького. В настоящее время является членом МГО СП России, Академии Российской Литературы. Выпустила три сборника стихов: «Осень лет» – 1999 г.; «Пока держу связующую нить...» – 2008 г.; «Приемлю бурю и покой...» – 2013 г. Печатается в различных поэтических сборниках: «Поэзия», «Московский Вестник», «Московский Парнас» и многих других. Награждена медалями: «А.П. Чехов», «А.С. Грибоедов», «М.Ю. Лермонтов», дипломом с вручением медали «60 лет Московской городской организации СП России».

Живёт в Москве.

«Что можно ближнему отдать...»

Бог весть, что завтра с нами будет,
Но Мир Россия удивит:
Язык её заговорит,
Как колокол – по всей Вселенной,
Пророческий наступит век,
И к сущности своей нетленной
Вернётся снова Человек!

Знаки

Так белые кони Света
Должны опередить чёрных коней
Живая Этика – «Сердце»

Малевича «Чёрный квадрат»
Напомнит об Эре ушедшей,
Найдётся, конечно, собрат
И скажет: «Да он – сумасшедший!»

Малевича «Белый квадрат»
Подскажет об Эре грядущей.
И будет опять виноват
Художник, нам Знак подающий!

Жизненное кредо

Стремиться к истине, стремиться,
Не ставя цели до конца
Непостижимого добиться –
Конец достоин мертвеца.

Жить полно, каждое мгновенье
Принять подарком дорогим,
Вдыхать, как воздух, вдохновенье
И щедро даровать другим.

Снести достойно жизни ношу,
Что плоть, когда наверняка
Её, как в сказке, шкурой сброшу
И налегке уйду в Века!

Встреча

Представить это невозможно,
Закат такое выдавал –
Сам Бог создатель и художник
С небес урок преподавал.

К черте кровавой горизонта
Клонил пылающий венец,
Чтоб дел невидимого фронта
Являть начало и конец.

Редели звуки ближе к ночи
И растворялись в никуда.
Застывшей гладью непорочной
Пруда зеркальная вода

В ничтожном круге отразила
Весь мир, все краски бытия.
И чудным образом явила
Того, Кого искала я!

Совесь

А совесть наша – Дух Святой,
И от неё не убежишь,
Её не спрячешь под пятой,
Её ничем не ублажишь.

Она нам Господом дана
Для сохраненья чистоты,
Чтоб засиял сосуд до дна,
До первозданной красоты.

Чтоб в нём явилась Благодать,
Надежда, Вера и Любовь,
Что можно ближнему отдать,
Как Он отдал и плоть, и кровь!

Липовый ангел

Ангел жил в левом приделе церкви Петра и Павла. Он был умело вырезан из липы и венчал витиеватое деревянное обрамление иконы Казанской Божией Матери, которая испокон веков считается первой заступницей и помощницей во всех делах. Волосы круглолицего ангела завивались пышными кудрями, на сложенных крыльях виднелись гладкие пёрышки, пухлые губы застыли в улыбке, а глаза казались немного усталыми, оловелыми. Ангел пребывал в спокойном созерцании. Покрытый толстым слоем золотой краски, он вместе с прочей утварью служил для украшения храма.

У иконы Богоматери всегда толпился народ, всё больше женщины, пришедшие помолиться о своих близких. Они ставили свечи, опускались на колени и шептали имена мужей, сыновей, отцов. Потом заглядывали в бездонные очи Пресвятой Богородицы, робко прикладывались к её руке и снова что-то шептали. Ангел любил и жалел прихожанок. Многих из них он хорошо помнил.

Однажды к иконе подошла тоненькая девушка, совсем ещё девчушка, хрупкая, как вербовая веточка. Глаза её покраснели, и без того узкое лицо осунулось.

«Всю ночь проплакала», – решил ангел.

Стоя на коленях, девушка твердила слова заученных молитв и безотрывно глядела на Богородицу. Уже и служба закончилась, а она всё молилась.

– Сохрани раба божьего Алексея, – шептала она. – Защити его от врагов, от недугов, от гибели. Пресвятая Богородица, сохрани раба божьего Алексея...

В то время шла Первая мировая война. Тут уж и без слов всё стало понятно. Жениха на фронт забрали, вот и пришла, горемычная, душу отвести. Ангел девушке посочувствовал, растерянная она вся какая-то, исстрадавшаяся.

«Помочь бы ей. Да чем же я помочь смогу? – подумал он. – Я просто деревянный истукан, для

Ирина Владимировна Щербина – член Союза писателей России. Автор книг «Бинокль», «Счастливых дней поток не иссякает» («Лучшая книга 2012-2014»), «Из глубины незримых тайников» («Лучшая книга 2014-2015»), Золотой Диплом VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь»). Участник литературных проектов «Библиотека современной поэзии», «Золотое перо Московии», «Родники России». Публикуется в альманахах «Славянские встречи», «Православная лира», «Литературная республика», в журналах «Юность», «Смена», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Поэзия», в газете «Московский литератор». Награждена медалями А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, «Звёздная строфа» и др., наградным знаком «Серебряный крест», орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина.

Живёт в Москве.

красоты поставленный. Может быть, Божия Матушка помилует несчастную, за её суженого заступится».

Ангел задремал. Он спал. Иногда просыпался на миг и снова засыпал. Издали доносились тихие дрожащие голоса, просьбы, горькие вздохи. Потом услышал он, как грузный дьякон, читая поминальные записки, басил:

– Упокой душу раба божьего Михаила, Сергия, Иоанна, Алексея...

«Не уберегла Богородица Алексея, – подумал ангел. – Не заступилась».

Он точно знал, что это именно тот Алексей, за которого просила худенькая девушка. Ангел вообще многое знал. Только изменить ничего не мог.

Во время Великой Отечественной бабы и вовсе покой потеряли, украдкой потянулись в церковь. Таясь и озираясь, шли они к иконе Божией Матери и молились, молились...

Ещё одна девушка запомнилась, востроглазая. Платъице простенькое, рукавчик фонариком. Вроде бы ничего особенного нет, а взгляд такой: посмотрит – испепелит! И ведь комсомолка, а в церковь прийти не испугалась. Видно, уж и идти ей больше некуда было, просить не у кого. Она и молитв никаких не знала, а только твердила:

– Пресвятая Богородица, защити раба божьего Николая, сохрани его от вражеской пули. Спаси и помилуй.

А дьякон, он уж, конечно, был не прежний, а новый, высокий и статный, всё читал поминальные записки:

– Упокой душу раба божьего Серафима, Бориса, Павла, Олега...

Душа у ангела сжималась от этих нехитрых слов. Сразу ему представлялись лица женщин, что ещё вчера вот здесь, перед ним стояли. Такие разные они были: молодые и старые, красивые и не очень. И ведь все чуда ждали, верили, что пусть хоть всю землю огонь сожжёт, а Богородица возьмёт да и сохранит их любимых, ненаглядных, единственных. Представлял ангел, как читают эти женщины сухие слова похоронок, как вздрагивают под непосильной тяжестью безмерного горя. Самому плакать хотелось, но ничего не поделаешь. Война есть война. Кому-то и погибать надо. Только всё-таки казалось, что и он, ангел, виноват во всём этом: не сберёг, не заступился.

«А как я сберегу-то? – оправдывался он. – Кто я такой, чтобы сберечь? Никому помочь не могу».

Годы шли, но ничего не менялось. Ангел по-прежнему возвышался на своём месте, всё так же слушал просьбы и даже порядком устал от них. Он уже и на прихожанок почти не смотрел. Краска на нём потускнела, местами облупилась. Сердце очерствело, стало совсем деревянным, липовым.

В церкви царил полумрак, от зыбкого мерцания свечей было дремотно. Ангел спал. Иногда только богобоязненная Марфа, старушка, прислуживающая в церкви, прикасалась к нему влажной тряпкой, снимала пыль.

– Ах, миленький ты мой, – приговаривала она, поднимаясь на табурет. С пола до резных крыльев было не дотянуться.

Проснулся ангел весной.

– Вот сюда иди, сердешная, сюда, – Марфуша подвела к иконе русую девушку в ситцевом платочке. – Казанская Божия Матушка в этом деле скорая заступница. Да не плачь. Куда направляют-то его? В «горячую точку». Ну да, да. Ох уж эти «горячие точки». Когда же они закончатся! Да ты помолись, легче станет.

И девушка начала молиться:

– Сохрани и помилуй раба божьего Александра, сохрани и помилуй!

Голос у просительницы был тихий, трепетный, как ручеёк весенний:

– Сохрани и помилуй! – девушка крестилась и снова повторяла: – сохрани и помилуй!

Ангел посмотрел вниз и встретился с её взглядом. Свечи были поставлены, молитвы прочитаны, а девушка не уходила. Она смотрела только на него, на ангела, и всё просила, всё уговаривала:

– Ну, спаси его, пожалуйста, сделай хоть что-нибудь!

«Да что же такое творится! – ужаснулся ангел. – Столетия пролетают, а женщины всё идут и идут в церковь. Уж их судьба и гнёт, и ломает, а они всё тянутся вереницей, всё просят и просят за любимых! Неужели не вымолили они жизнь для своих Иванов, Андреев и Владимиров? Почему не слышит их Господь? Хоть бы уж помог им кто-нибудь, донёс бы их просьбы до Бога. А я? Я ведь ангел. Пусть не настоящий, пусть липовый, но ангел ведь!»

Стыдно стало за себя, горестно. Сколько же можно спать! Ангел расправил слежавшиеся крылья. Старая краска посыпалась с резных перьев. Ангел встрепенулся, распрямился и взмыл под самый купол храма. Деревянная оболочка с глухим стуком ударилась о каменный пол.

– Роденький мой, – причитала Марфа. – Да что же случилось? Клей, что ли, рассохся? Сколько лет держался и ничего, а тут вот те на!

Но ангел уже летел в небо. Он парил над улицей, устремляясь всё выше и выше. Только он мог долететь до Бога, донести до него сокровенные женские просьбы. Он мчался ввысь, и высь эта была бесконечна, необъятна и всепоглощающая. А с клиросов уже несло:

*Христос воскрес из мертвых,
Смертию смерть поправ
И сущим во гробех
Живот даровав.*

Пасха. Наступила Пасха. Христос воскрес!

ПОЭЗИЯ

Павел САВИЛОВ

Павел Николаевич Савилов – родился 23.09.1963 г. в г. Котовске Тамбовской области. Выпускник Воронежского государственного медицинского института им. Н.Н. Бурденко (1986). Сельский врач анестезиолог-реаниматолог ТОГБУЗ «Тамбовская ЦРБ». Доктор медицинских наук. Профессор. Член Российского Союза Писателей. Автор поэтических сборников «Ветер странствий», «Властелины неба», «По дорогам памяти», «Живопись, ожившая в стихах», историко-поэтического сборника «В бескрайних монгольских просторах». Публиковался в газетах: «Российский писатель», «Медицинская газета», «Тамбовская жизнь», «Притамбовье». В альманахах: «Губернский стиль» (Воронеж), «Литературный Тамбов», «Радуга» (Тамбов), «Чешская звезда» (Карловы Вары).

Живёт в Тамбове.

«Век новой эры уж зарёй алел...»

(Из цикла «Я о картинах расскажу стихами»)

Христос в пустыне

Уходит ночь, прохладу забирая,
Ей вслед глядит проснувшийся восток.
Остывший за ночь, бежевый песок
Приход жары уныло поджидает.

Кругом ни звука. Ветер где-то спит.
Вдали рассвет зарёю полыхает.
Христос в пустыне на камнях сидит
И кисти рук усиленно сжимает.

Уж сорок дней, укрывшись от людей,
В постах, в молениях веру укрепляя,
В пустыни жил он пищу отвергая,
Готовясь духом к миссии своей.

И вот вчера, когда настал предел
Сил человеческих, что он сберечь стремился,
Тогда сам дьявол перед ним явился,
Как коршун, к жертве слабой подлетел.

Был тих и вкрадчив голос сатаны:
«Ты хочешь есть? Так сделай камни хлебом.
Коль Божий сын, то поднимись до неба,
Свой дар чудесный здесь мне покажи.

Не хочешь делать, честь свою храня.
Иди ко мне, будь первым над царями.
Владей земными всеми ты дарами,
Предай Отца за это для меня».

О, как был сладок звук его речей,
В душе рождая смутные сомнения
И был момент... Но снизошло виденье
«Изыди, дьявол» – молвил иудей.

И тот исчез. Под землю канул прочь.
С небес к Иисусу ангелы ступили
И преданно ему весь день служили,
Покинули, когда настала ночь.

Часы и ночью, как и днём, бегут,
Теперь он должен возвращаться к людям.
О новой вере говорить им будет.
Поверят ли ему они, поймут?

Иль отвернутся от его ученья,
Закроют двери строго перед ним,
Или придётся пережить гоненья
Иль смерть принять для радости другим.

Так, находясь в раздумьях сам с собою,
Христос в пустыне на камнях сидел,
А в это время за его спиною
Век новой эры уж зарёй алел.

Берёзовая роща Левитана

Июньский полдень. Шёлк лесной травы
Своим вниманьем солнце одарило.
Стволы берёз с чешуйками коры
Оно теплом незримым обхватило.

Прозрачен воздух. Ветер утром слёг.
Где тень от веток борется с жарою,
Прильнул к цветку невзрачный мотылёк,
Нектар желая унести с собою.

Как сделать, чтоб предстала наяву
Картина та, увиденная мною.
Берёзы стан я обнимать хочу,
Прижавшись к ней небритою щекою.

Вдыхать знакомый с детства аромат,
Закрывать глаза, о будущем мечтая...
Я у картины, что мой ловит взгляд
И от себя никак не отпускает.

Лунная ночь на Днепре

*Чуден Днепр и при тёплой летней ночи,
когда всё засыпает – и человек, и зверь,
и птица; а Бог один величаво озирает небо и землю...*

Н.В. Гоголь

Летний вечер ушёл вслед за нежно-лиловым закатом,
И ночью вуалью прикрылась бескрайняя степь.
В гуще сочной травы непрерывно стрекочут цикады,
Да степенно течёт берега омывающий Днепр.

Вот уже чернота разошлась по всему небосклону,
Натянув на себя одеяло седых облаков,
Ещё тёплый песок гладит ветер, гуляя по склонам
У широкой реки полосой лежащих холмов.

Незаметно течёт бесконечно-бессмертное время,
Что ночью порой превращается в таинство сна.
Только вдруг в небесах, разгоняя кудрявое племя,
Как фонарь на столбе, загоревшись, блеснула луна.

И под светом её замерцали днепровские воды,
Словно тысячи звёзд они разом забрали к себе.
Белостенные хаты, плетёных заборов разводы
Да кусты, что в цветах, показались едва в темноте.

А на весь этот мир, где в едином безмолвном порыве
Обнялись лунный свет и ночи опустившийся мрак,
Величаво взирал тот, кто «ризу тряся, звёзды сыплет»,
Чтобы их подбирал синий Днепр и качал на волнах.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Александр АЛИЕВ

«Вон уж и Пушкино...»

Сейчас в этот крупный, стабильно развивающийся подмосковный город автомобилисты едут почти исключительно по трассе М8 «Холмогоры» и, сворачивая на развязке, попадают на Советскую площадь, где высится бронзовый памятник боярину Григорию Морхину-Пушке, первому владельцу здешних мест.

А в прошлом одним из важнейших путей Российского государства было Старое Ярославское шоссе. Десятки тысяч паломников – от крестьян до Великих князей – двигались по нему в Троице-Сергиеву Лавру. И в своём многодневном пешем странствии они никак не могли миновать большого красивого села Пушкино, обитатели которого весьма охотно предоставляли им стол и кров.

«Вон уж и Пушкино... Переходим Учу по смоляному мосту. В овраге засвежело, пахнет смолой, тёплой водой и рыбой. Выше – ещё тепло, тянет сухим нагревом, еловым, пряным. Стадо вошло в деревню, табунками носятся овцы, стоит золотая пыль. Избы багряно золотятся...»
Так говорится в замечательной повести писателя Ивана Шмелёва «Богомолье».

Жизнь на Старой Ярославке и ныне не замерла. И так же видна на высокой обочине белокаменная с ярко-синими в золотых звёздах куполами церковь Святителя Николая – самый старый и лучший архитектурный памятник Пушкино. Последний патриарший храм допетровской России.

Из документов нам известно, что уже в конце XV века село перешло от потомков Григория Пушки в собственность митрополитов Всея Руси, а после учреждения патриаршества стало домовою вотчиной патриархов.

Летом 1690 года предстоятелем Церкви избрали бывшего архимандрита Кремлёвского Чудова монастыря Адриана. В скором времени он отправился в Пушкино для осмотра места под строительство нового каменного храма, ибо стоявшая здесь небольшая деревянная церквушка времён

*Александр Газанфарович Алиев – родился в Москве в 1964 г. в семье учёных-филологов, сотрудников Академии наук СССР. В 1988 г. окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, работал в Радиокomitee на Пятницкой (радиостанция «Надежда»), с 1991-го и по настоящее время занимает должность редактора отдела истории и культуры в одном из специализированных изданий МЧС России. Сотрудничает с рядом столичных и областных газет и журналов. Член Союза журналистов Москвы (с 1993 г.), МГО СПР Союза писателей России (с 2008 г.)
Живёт в Москве.*

царя Фёдора Иоанновича уже порядком обветшала. Двадцать четвёртого апреля 1692 года патриарх благословил выбранное место, присутствовал на божественной литургии, после чего *«пожаловал тоя церкви попу Симеону 10 алтын, дьячку и пономарю по гривне»*. В следующем, 1693 году, 4 сентября, состоялся осмотр Адрианом иконостаса и куполов храма Святых Космы и Дамиана в селе Кадашёво, чтобы такие же строить *«в домовом патриаршем селе Пушкино в новостроенной каменной церкви Николая Чудотворца»*.

Предстоятель не был сторонником архитектурных новшеств, получивших широкое распространение на исходе XVII столетия, а потому распорядился возводить храм по милым его сердцу старым образцам церковного зодчества предыдущих десятилетий. Храм устремляется ввысь пятью тонкими барабанами, увенчанными небольшими синими главками.

Иконы были заказаны тогдашнему жалованному государеву иконописцу Петру Золотому – ученику знаменитых изографов Ивана Безмина и Симона Ушакова. В переписной книге 1702 года значится, что в церкви имелись образа Всемиловитивейшего Спаса, Нерукотворного Спаса, Пресвятой Богородицы, Богородицы Смоленской, Архангела Михаила, Пророка Илии, Апостола Иоанна Богослова, Николая Угодника и др. За правым клиросом находилось патриаршее место, обитое зелёным бархатом, а над ним – икона Святителя Алексия.

Снова в Пушкино Адриан приехал в середине июня 1694 года. Шестнадцатого числа он отслужил литургию в старом деревянном храме, а на следующий день торжественно освятил законченную новую церковь и вручил *«попу Симеону на молебен рубль, дьячку, пономарю и просвирне по 8 алтын»*. В третий день, 18 июня, патриарх подарил Никольской церкви небольшое напрестольное Евангелие с собственноручной надписью, напрестольный же Крест с частичками мощей и 240 десятин земли – отдельно от крестьянских участков.

Несколько позднее в стену внутри храма вделали каменную плиту, гласящую: *«От мироздания 7200 года, от Рождества же Христова 1692, благоволением Всетворца нашего Бога, с помощью Пресвятые Девы Богородицы Марии, господин Святейший Кир Адриан Архиепископ царствующего града Москвы и всея России и всех северных стран Патриарх создал сей храм Господен в честь угодника Божия Святителя и Чудотворца Николая. Строена из домовния патриаршия казны. Освяти его чинодейством Святейший Адриан Патриарх со всем освященным собором 7202 году месяце июня в 17 день. Быст же сие во дни православных монархов и благочестивых наших царей и князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича»*.

Нелишним будет отметить, что Адриан, несмотря на осуждение им внедряемых на Руси западных обычаев, пользовался большим уважением Петра I. Подённые записи придворного обихода свидетельствуют, что царь четырежды посещал патриарха в его палатах и гостил по несколько часов. Так было, например, после Второго Азовского похода (октябрь 1696 г.), сразу по возвращении государя из Великого посольства (август 1698 г.)... Известно кроме того, что Пётр довольно часто писал Адриану, сообщал о военных успехах, советовался по ряду вопросов.

Полвека спустя Никольская церковь превращается в обычную, приходскую, и по указу Святейшего Синода из неё выносят патриаршее место. А в первой четверти XIX столетия к западной части здания пристраивается трёхъярусная шатровая колокольня.

Благолепия храму было не занимать, однако со временем в нём стало тесно. Пушкинский приход прирастал рабочими возникших вокруг мануфактур. Зимой в праздничные дни собиралось столько людей, что невозможно было проводить службы. Богомольцы стояли на паперти, а кое-кто из прихожан вообще оставался дома. Всё это крайне заботило настоятеля – отца Димитрия Сперанского, назначенного сюда в 1853 году.

Долго не мог отыскать он достаточных средств на расширение и утепление церкви, но наконец судьба послала ему помощника – местного купца Н.И. Авученкова. Тот, став в 1868-м церковным старостой, восполнил недостающее из собственных капиталов. И появились вокруг основного храмового объёма два придела, соединённые открытыми арками, – Преподобного Сергия Радонежского и Апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Другой купец – И.М. Булочкин – пожертвовал деньги на обновление интерьера и настенной росписи. А на средства семейства Армандов, хозяев пушкинской шерстоткацкой и красильно-отделочной фабрики, рядом с церковью была выстроена богадельня. К 1875 году переустройство храма полностью завершили.

В начале прошлого века должность здешнего старосты занял Василий Камзолкин, дед художника Евгения Камзолкина, который прославился впоследствии созданием главной советской эмблемы – скрещённых Серпа и Молота. На счету Камзолкина-деда также оказалось много добрых дел, потому-то он вместе с женой был погребён за алтарной частью Никольской церкви. Подобного достаивались совсем немногие горожане!

Конечно, в определённый период истории эта церковь тоже не избежала гонений. В июне 1940-го Пушкинский райисполком распорядился её закрыть и отдать под склад колхоза «Вперёд». Естественно, разломали иконостас, замазали краской фрески, скинули все колокола.

Впрочем, уже через семь лет, в связи с возвращением верующим Троице-Сергиевой Лавры, возобновились службы и в некоторых храмах вдоль Старого Ярославского шоссе. Но хотя период запустения в Никольской церкви длился недолго, прихожанам пришлось целиком восстанавливать интерьер. Проблема же с колокольным ансамблем решилась только в самое последнее время. Толчком к этому послужил следующий случай. Ремонтируя в 2005 году колокольню, рабочие обнаружили под полом язык от сброшенного когда-то и отправленного в переплавку пятитонного басового колокола – «царя» Пушкинского храма. Целый год пролежал язык на паперти на всеобщем обозрении. А потом был отлит новый колокол по образцу и меркам самого звонкого Лаврского колокола по имени «Переспор» (созданный в 1780 году, он до сих пор перебивает все остальные). Ещё позже приобрели малый ряд зазвонных колоколов – небольших, но очень мелодичных.

В венце церковей Пушкинского округа Свято-Никольский храм, безусловно, алмаз первой величины. Остальные городские храмы существуют с гораздо более позднего момента, с 2000-х годов. В числе их церковь Великомученика и Целителя Пантелеймона при Центральной районной больнице. Но в данном случае нас интересует не сама церковь, а миссионерская деятельность её настоятеля, протоиерея Андрея Дударева. Уже давно он занимается литературоведческими исследованиями, стремясь возродить былую славу Пушкино как культурной столицы Подмосковья.

Без всякой материальной поддержки городской администрации, лишь на собственные деньги и деньги своих друзей-предпринимателей, он, например,

установил в одном из скверов памятник Льву Толстому. А 9 мая 2015 года, в день 70-летия великой Победы, в другом обустроенном сквере появился военный мемориал – танк Т-34-76 (отреставрированный ветеран доставлен из Саратова).

Но самым масштабным деянием отца Андрея стало восстановление буквально с нуля Дачи-музея Владимира Маяковского.

Хорошо известно, что великий поэт провёл в Пушкино несколько летних сезонов, и «лучшим курортом» для него была деревня Акулова Гора – с левой стороны от станции по ходу движения из Москвы.

В июне 1922-го Маяковский снова приехал на облюбованную им ещё в прошлом году дачу Власовых. Однако долго прожить на ней в этот раз Владимиру Владимировичу не удалось, поскольку Пушкинский волостной исполком принял решение разместить здесь детский дом. Оставшуюся часть лета и следующее поэт обитал на даче Василия Вячеславова – небольшом деревянном домике на склоне горы с заросшим соснами участком. Прямо от открытой террасы, где пили чай в ясную погоду, спускалась лестница, и дальше по липовой аллее сбегала вниз по склону дорожка. Отсюда открывался чудесный вид на реку Учу и её живописные берега. Маяковский продолжал тут работу над поэмой «Пятый Интернационал».

Интересно, что и хозяин дачи – крестьянин Вячеславов – был человеком неординарным: делал мороженое и раздавал на пробу соседям, а ещё научился запускать фейерверки.

К сожалению, ни один из акуловских домов, связанных с Владимиром Владимировичем, в своём первоначальном виде не уцелел. Бывшая дача Вячеславова в конце 60-х годов стала филиалом Пушкинского краеведческого музея. На веранде устраивались литературные чтения с неизменным чаепитием, а в прилегающем парке регулярно проходили праздники поэзии Маяковского. Тогда же краеведы перенесли сюда памятник поэту, созданный местным ваятелем Игорем Лурье. За несколько лет перед тем он представлял свою работу на конкурс монумента Маяковскому в Москве. Победителем вышел Александр Кибальников, и Лурье передал статую Пушкинскому

Дача-музей В.В. Маяковского в Пушкине. Фото Евгения Зуева.

электромеханическому заводу, где она и простояла до поры до времени на хоздворе. Старшая сестра поэта Людмила Владимировна не раз признавалась, что это лучшее из изваяний, так как портретное сходство потрясающее.

Но случилось так, что библиотеку-музей постигло несчастье многих российских музеев – в 1994 году она сгорела дотла, причём именно в день рождения Владимира Владимировича, 19 июля. Возможен поджог. В самом музее Пушкино я видел, между прочим, снимок ещё тлеющих головёшек: кто-то успел сфотографировать прямо по горячим, вернее, по «горящим» следам.

Библиотечные фонды перевели в другое помещение. И долгие годы о воссоздании вячеславовского дома никто и не заговаривал. Разросшиеся деревья почти скрыли памятник Маяковскому от глаз по-прежнему приезжавших сюда любителей его творчества, на фигуре и постаменте появились сколы и отслоения краски... И так продолжалось до тех пор, пока за дело не взялся священник Андрей Дударев.

Началось всё с открытия в апреле 2012 года нового бронзового бюста поэта (скульптор Н.А. Селиванов). Когда-то на этом месте пролежала тропинка, по которой Владимир Владимирович шагал на станцию. Позднее, проложив улицу, часть коей совпала с той тропинкой, её назвали именем Маяковского.

Затем отец Андрей выяснил: среди спасённых при пожаре дачи Вячеславова книг и документов, оказался план БТИ с точными размерами дома. Благодаря нему, а также старым снимкам – он теперь такой, как при жизни советского литератора.

Торжественное открытие Дачи-музея состоялось 19 июля 2014 года – в 121-ю годовщину со дня рождения Владимира Владимировича. Надо сказать, выглядит экспозиция несколько необычно. Воссоздана не обстановка, а дух беспокойного поэта. В музее более ста квадратных метров пустоты. Намёк на то, что владение вовсе не принадлежало Маяковскому – он занимал всего одну комнату. Интерьеры заполнены портретами, фотографиями, пропагандистскими плакатами, афишами, составляющими определённый визуальный ряд. Есть несколько старых предметов, скульптур. На белых стенах – поэтические строки. А во дворе среди прочего можно увидеть колоссальную каменную голову В.И. Ленина. В общем, всё призвано обозначить, насколько неотделимы друг от друга Владимир Маяковский и советская эпоха.

...Отцу Андрею часто задают вопрос: как может он, священнослужитель, увековечивать память богоборца Маяковского, автора ряда откровенно антирелигиозных опусов?

«Маяковский интересовался человеком, – делится батюшка, – а для меня Евангелие – это интерес к человеку, интерес к самому себе, это свобода выбора, способность иметь свою, мотивированную, точку зрения, это отсутствие страха перед небом, это обязательно риск. Бытие Христа – для Маяковского факт. И если мы перейдём к существу вопроса, то по всем перечисленным статьям Маяковский даёт определённый ответ: для него всё это ценно. И потому я делаю вывод, что его мировоззрение шло параллельным курсом с Евангелием».

Кстати, надобно слышать, как вдохновенно отец Андрей декламирует строфы Владимира Владимировича со сцены Дачи-музея! А в ближайших планах настоятеля – покрыть подземный переход пушкинского железнодорожного вокзала самоклеющейся плёнкой с биографией «агитатора, горланоглаваря», его рисунками и стихами. «Мы начинаем познавать Маяковского заново», – подчёркивает отец Андрей.

ПОЭЗИЯ

Галина ТАЛАНОВА

ГАЛИНА ТАЛАНОВА

Галина Борисовна Таланова – биофизик, кандидат технических наук, автор семи книг стихов и двух романов, родилась в Нижнем Новгороде, работает в НПО «Диагностические системы». Стихи и проза публиковались в журналах «Нева», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Аргамак», «Волга. XXI век», «Вертикаль. XXI век», «Природа и человек», «Литературная Немига» и др. Произведения были переведены на английский, шведский, итальянский, японский, болгарский и венгерский языки. Член Союза писателей России. Лауреат премий «Болдинская осень» (2012) и журнала «Север» в номинации «проза» (2012), лонг-лист премии им. А.И. Бунина (2011, 2015 «проза»; 2012, «поэзия»), шорт-лист VI Международного славянского форума, дипломант международного конкурса им. О. Бешенковской (Германия, 2015) и конкурса «Лучшие поэты и писатели России» (2013) в номинации «поэзия». Живёт в Нижнем Новгороде.

«Снова память подводит к той тропке...»

Замерзают слова на ветру,
 Превращаются в звонкие льдинки.
 Дни летят, как монетки, в дыру,
 Как в часах вниз стекают песчинки.
 Истекут –
 Значит, время пришло
 Уходить вдаль по свежему снегу,
 Что скрипит, как под губкой стекло,
 Или прыгнуть с обрыва с разбега
 И лететь, не раскрыв парашют,
 Обмирая от чувства полёта.
 ...Как бельё, крутит время нас в жгут,
 Но всё манят, как птицу, высоты...
 И простынки как птицы парят
 На верёвке на старом балконе,
 Об расцветшие стёкла звенят –
 И печаль душ родных в этом звоне.

И ноги ватные от бега,
 И путь растянется в кольцо.
 Декабрь плеснул пригоршню снега
 В разгорячённое лицо.

Но всё вернулось:
 Город пыльный,
 Что снега ждёт –
 Уж не тепла,
 Чтоб выпал мягкий и обильный,
 И посветлела б ночью мгла;
 Стучит дверями как зубами;
 Дрожит ветвями на ветру;
 Подъездов серыми губами
 Вздыхает грустно поутру.
 И я опять брожу по краю,
 Стою на краешке зимы.
 За руки тёплые хватаю
 Любимых, что пришли из тьмы.
 Ловлю,
 Но тени отступают
 И жалко жмутся по углам,
 Как первый снег, в паренье тают,
 Не приникая лбом к рукам.

Пригорки в преддверье снегов
 Застыли в тревоге предчувствий.
 Снег падал уже на Покров,
 И лёд за день встал даже в устье.
 А после растаял как дым,
 Когда ветер с юга вернулся
 К деревьям обмёрзшим седым.
 И шмель после снега очнулся,
 Но только ещё не весна:
 Желтеют цветы, как мочало.
 Ещё он не понял со сна,
 Что это зимы лишь начало.
 Летает по жухлым лугам
 И ищет свою незабудку,
 И кружит как чокнутый там,
 Где зябка уже не на шутку.
 Вот так же очнулись и мы
 В преддверие дальней дороги
 Туда,
 Где с крестами холмы
 Окажутся домом в итоге.

Этот воздух небрит и колюч.
И впиваются в сердце иголки,
Хоть и солнце пришло из-за туч.
По сугробам натыканы ёлки,
Что осыпали хвою в дому:
Грелись, сохли в цветном освещенье.
Как неспелую взяв в рот хурму,
Проглотила скорей угощенье –
И застыла от боли в груди:
Ни шагнуть, ни вздохнуть,
Ни заплакать.
Хоть и знаю: весна впереди,
И капли елеем закапать.

Только локти кусать остаётся.
Жизнь проходит. А ветер в лицо –
Освежает водой из колодца,
И растаяло близких кольцо.
Только тени бесплотные рядом.
Мамин голос.
По горло вода.
С крыши слёзы посыпались градом,
Как в тот день, что ушла навсегда,
Чтоб вернуться и встать за спиной –
И вести, чтоб по жёрдочке шла,
Что идёт высоко над землёю,
И тянуть, словно нитку игла.

Снова март.
Снова чёрная кромка
По сугробам, осевшим от слёз.
Снова в жизни нелепая гонка
И, конечно, любовь не всерьёз.
Снова память подводит к той тропке,
За которой не видно ни зги.
Белый снег.
Мама в поле, как в лодке,
Поплыла среди белой шуги
В непроглядную страшную прорубь.
Белый снег на любимом лице.
Небо крылья раскрыло, как голубь,
И печётся о новом жильце.

Всё раньше темнеет.
Позднее светает.
День серый, как будто холодный бетон.
И мысль о конце постоянно витает:
Ещё он не скоро, но жизнь – под уклон.
Всё больше знакомых в дыму растворилось,
Ушло сквозь снега,
Не подняв воротник.
И снова сегодня мне мама приснилась.
Я к ней потянулась,
Включила ночник –
И комната снова
В закат окунулась.
И вспомнила снова:
Я в мире одна.
И мартовским ветром опять задохнулась,
Что в фортку плеснул,
Словно моря волна,
Солёная,
Горше последней полыни,
Что камни шлифует, стирая углы,
И вечностью дышит,
Где сердце остынет
И выйдет, как будто штрафник, из игры.
Повеяло мартом,
Хоть стрелки – на зиму.
И тает лишь первый тот снег на Покров.
И жизнь утекает, ссутуливши спину.
И нет на прощанье натянутых слов.

Житие праведного Иоанна Русского в пересказе для детей и взрослых

С Богом хоть за море

Давным-давно в одном селении в благочестивой семье родился мальчик. Дали ему имя Иоанн. Родители с малолетства воспитывали сына в христианских добродетелях, прививали любовь ко всему живому, к людям и главное – любовь к Богу. Наставляли: «с Богом хоть за море, а без Бога ни до порога».

Так и возрастал Иоанн с Богом в душе, ни одного дела не начинал без молитвы, без Божьего благословения.

Шли годы, мальчик Иоанн вырос в красивого юношу. Настало время идти ему на солдатскую службу. Стал он служить простым солдатом в армии царя Петра Первого. Случилось так, что именно в эти времена шла война России с Турцией. Иоанн храбро сражался с врагом, защищая Родину, да только горько было ему видеть всю жестокость войны. Он сильно скорбел по убитым товарищам, по умирающим детям, вздыхал по страданиям измученных войной женщин, тужил о безотрадной участи стариков. Русские воины мужественно сражались, защищая родное Отечество, а война всё продолжалась и продолжалась, казалось, конца ей не будет. Во время тяжёлых боёв много храбрых защитников полегло на поле брани, многие попали в плен. Не избежал участи пленного и Иоанн.

В те времена пленных часто продавали в рабство. Иоанн был продан начальнику турецкой конницы Аге, который привёз русского пленника к себе домой в город Прокопион в Малой Азии.

В этом городе жили лютые противники и ненавистники христиан. Они старались с помощью хитрости, уговоров, всевозможных соблазнов

Галина Викторовна Мамонтова – поэт, писатель, публицист, член Союза писателей России. Живёт в Подмоскowie.

обратить пленных воинов христиан в иную веру. Тех же, кто не поддавался на уговоры, избивали, мучили. Многие не выдерживали тяжкой участи, отрекались от веры своих отцов. Много лишений, унижений пришлось претерпеть Иоанну в плену. За то, что он оставался верен православной вере, турки подвергали его жестоким побоям, надругательствам.

Смирено с достоинством переносил Иоанн все страдания от мучителей, но от веры Христовой не отрёкся: «Я готов умереть, но не отказаться от Христа, – так говорил Иоанн истязателям, – я отдам голову мою, но не веру. Христианином я родился, христианином и умру».

В конце концов, определили Иоанна жить в конюшне среди домашних животных. Там он непрестанно молился, постился. Конюшня напоминала ему вертеп Вифлеема, где родился Спаситель. Сравнение это придавало Иоанну сил. С рассвета до позднего вечера он выполнял разные работы для своего господина, добросовестно исполняя все его приказания. Крепкая вера и праведная жизнь Иоанна смирили жестокосердие господина, он перестал мучить пленника, не принуждал больше к отречению от Христа, говорил Иоанну: «Живи, как знаешь, только служи исправно». Праведник и старался служить исправно.

Со временем Ага и его жена полюбили Иоанна за его кротость, добросердечие и искреннюю любовь, которой он покрывал всех вокруг, даже тех, кто его беспричинно обижал. Благодать Святого Духа воцарилась в доме Аги. Он разбогател, стал одним из самых влиятельных людей в своём городе. Он понимал, откуда снисходило благословение на его дом, и не боялся рассказывать об этом своим родственникам, друзьям, соседям. Разбогатевший Ага теперь мог позволить себе совершить паломничество в Мекку – святое для мусульман место.

Как-то раз, ожидая мужа из паломничества, госпожа созвала в дом родных и друзей на обед. За обедом все вместе молились об удачном возвращении Аги из Мекки домой. К обеду подавали плов. Плов получился необыкновенно вкусным, и домочадцы посетовали на то, что Ага не может отведать любимое кушанье. В это время Иоанн прислуживал в столовой. Жена Аги сказала ему: «Как же рад был бы твой хозяин, будь он здесь, вкушая с нами этот плов».

Иоанн попросил наполнить блюдо пловом, обещая отправить его хозяину в Мекку. Над ним посмеялись, но блюдо с пловом всё же дали. Взял Иоанн блюдо, пошёл в конюшню, начал от всей души, горячо молиться Господу, чтобы Он отправил плов господину. Иоанн сильно верил, не сомневаясь ни на мгновение, что Господь услышит и исполнит его просьбу, и плов попадёт в Мекку. По вере его явился Ангел Господень, блюдо на глазах Иоанна исчезло. Когда же он вернулся и сообщил, что отправил плов господину, все вокруг только рассмеялись, не поверив рабу. Они подумали: «Должно быть, сам съел или отдал нищим». Иоанн часто делился своей скудной едой с нищими.

Через какое-то время Ага вернулся из Мекки домой в Прокопион и привёз с собой то самое фамильное блюдо, которое чудесным образом оказалось в Мекке. Он поведал, что однажды, вернувшись из мечети, увидел на столе дымящийся плов. Никак не мог взять в толк, каким образом блюдо с пловом оказалось в комнате на столе, если двери крепко закрыты на замки. Но всё же, Ага с удовольствием его съел.

Это чудо удивило и ошеломило всех, оно не осталось незамеченным или забытым турками. Весть о чуде распространилась по всем окрестностям. Турки с каждым днём всё больше и больше стали иметь расположение к Иоанну.

Они увидели в Иоанне человека необычного, человека святого. Стали почитать его как праведника, смотрели на него со страхом и уважением. Никто больше не смел его обижать, унижать. Ага с женой заботились о нём ещё больше, упрашивали перейти из конюшни в домик, но Иоанн отказывался и продолжал жить по-старому. Он подвизался в молитве, молился часами, спал совсем мало, питался очень скудно, часто только хлебом и водой. Любил читать наизусть псалмы Давида. Ночью ходил тайком в пещерную церковь святого великомученика Георгия, расположенную на вершине скалы, напротив дома своего хозяина. Там он коленапреклонённо читал молитвы всенощного бдения. Каждую субботу Иоанн причащался Святых Христовых Таин.

Многие годы вдалеке от Родины, за морями и долами, среди людей, не признающих христианство, жил праведник. Он своей жизнью, своей любовью ко всем, своими делами и словами прославлял Бога среди иноверных, и Господь в скором времени прославил его на Небесах и на земле. Иоанн чувствовал, что силы его покидают, подходит к концу его трудно-печальная земная жизнь в плену у иноверцев. Он пожелал причаститься Святых Христовых Таин и послал за православным священником. Священник побоялся открыто принести Святые Дары в конюшню. Он их спрятал в вырезанном углублении разрезанного на две половинки яблока.

Так в яблоке и пронёс святыню в конюшню. С благоговением приступил Иоанн к причастию. Приняв Дары, Иоанн в тот же час предал свою душу в руки Господа. Турецкий господин Ага сильно горевал, узнав, что умер верный его раб, праведник Иоанн. Он накрыл тело Иоанна дорогим ковром, передал праведника священнику для погребения по христианскому обычаю: «Похороните его со всеми почестями по вере его, ибо истинно он был раб Божий».

Все христиане города Прокопиона пришли попрощаться с Иоанном. Были на погребении и турки, и армяне. Тело усопшего несли на руках, вокруг горели свечи, кадили кадильницы. Русского раба хоронили с почестями как архиерея.

Его погребли при местной церкви во имя святого великомученика Георгия, где при жизни часто молился Иоанн. Скоро началось почитание Иоанна. Чудесная помощь исходила от праведника. Он помогал не только православным, но и армянам, протестантам, туркам. Место захоронения святого стало местом паломничества.

Прошло три с половиной года со времени погребения Иоанна. К священнику, который исповедовал и причащал его, явился Иоанн во сне и сказал, что тело его осталось целым, нетленным. Священник пребывал в смущении, не знал, как ему поступать? И вот, небесный свет появился над могилой святого в виде огненного столба. Тогда решили открыть могилу. Когда открыли её, увидели тело нетленным и ощутили благоухание. Верующие с благоговением перенесли мощи в храм, положили в раку.

Всё больше и больше людей стало приходить к святому за помощью. Просили помощи и иноверцы, обращаясь к святому: «Раб Божий, не обойди нас своей милостью».

Часто бывает так, что люди гордые, несмиранные не находят меж собой языка. Тогда меж ними может разгореться скандал, а если такие люди обладают земной властью, то, того и гляди, может разразиться военный конфликт.

Случилось так, что во время междоусобного конфликта подошёл к Прокопиону с армией Осман-паша. Он хотел зайти в город, да горожане не пожелали пустить его. Когда рассвирепевший Осман всё же ворвался в город, то решил наказать за неповиновение жителей.

Воины паши грабили и разоряли дома. Ворвавшись в церковь святого Георгия, они увидели раку со святыми мощами. Паша приказал сжечь раку вместе с телом святого. И новое чудо было явлено всем находящимся при бесчинстве. Тело святого стало двигаться. Все увидели Иоанна стоявшим среди огня, угрожавшим воинам за невероятную дерзость. Прислужники паши в страхе бежали, побросав даже то, что награбили.

Жители Прокопиона со слезами подошли к кострищу, вытащили из пепла остатки раки и... О-о! Великая радость охватила их! Тело святого не было повреждено огнём, так же благоухало, лишь немного почернело от копоти.

Снова мощи русского святого покоились в храме, снова к нему приходили за помощью и христиане, и мусульмане.

И так было ещё многие-многие годы, пока не пришло такое время, когда все греки должны были покинуть турецкие земли и переселиться в Грецию. Греки забирали с собой из храмов христианские святыни, утварь. Думали забрать и святые мощи праведного Иоанна Русского, но турки не захотели отдавать мощи праведника. Тогда греки пошли на хитрость, упаковали раку с мощами в ковёр и переправили на корабль.

Мощи святого праведного Иоанна Русского оказались в Греции на острове Эвбея в местечке Ахматагу, которое со временем переименовали в Прокопио.

И поныне идут к святому Иоанну за помощью. И молится праведный Иоанн за каждого страждущего, с верой и упованием прибегающего к нему. И объединяются возле раки святого народы и разные конфессии, и светлеют от улыбок лица, и наполняются сердца любовью.

Из уст в уста полетела молва по свету о святом Иоанне. Со временем чудеса Иоанновой помощи стали записывать в особую книгу. Много удивительных историй хранят её страницы. Вот малое количество некоторых из них.

Исцеление неверующего врача

Случилось так, что неверующий врач господин Матзорос, из села Аимни с острова Эвбея, очень сильно заболел. Так сильно, что оставалось ему жить совсем недолго. Ему очень не хотелось умирать. Тогда учёный человек обратил свои мысли к Богу, в которого прежде не верил.

Сидя на кровати, больной с горечью размышлял о своей прожитой земной жизни. Он мысленно разговаривал с Богом. Искренне каялся и говорил: «Господи, прими моё покаяние и если сочтёшь меня достойным, исцели мою болезнь. Пусть поможет мне святой Иоанн Русский».

В этот момент в больничную палату вошёл молодой красивый юноша-врач. Он заверил больного, что тот здоров и не умрёт. Болящий Матзорос не поверил сказанному. Ведь он тоже был врачом и хорошо осознавал своё состояние.

Матзорас поинтересовался у юноши, кто он такой? Юноша-врач произнёс: «Я тот, кого ты просил о помощи», и тут же вышел из палаты.

Больной побежал следом, но в коридоре молодого врача уже не было. И никто-никто его не видел. Матзорос уверял, что только что говорил со святым Иоанном. Он упорно настаивал на повторном обследовании.

Все думали, что у больного началась галлюцинация. Всё же выполнили его просьбу и провели дополнительное обследование. Результаты анализов показали, что больной совершенно здоров.

С момента своего выздоровления господин Матзорос очень изменился. Он стал верующим человеком, славил Господа. С особым почитанием и благодарностью относился он к святому Иоанну Русскому.

Юноша в военной форме

Многие годы одного из священников храма святого Иоанна Русского мучили частые кровотечения из носа. Так случилось, что одним ранним-ранним утром он шёл в храм, чтобы отслужить литургию.

По дороге у него снова открылось сильное кровотечение. Кровь текла по бороде, капала на рясу. От потери крови у священнослужителя закружилась голова. Он стал молиться святому Иоанну. Просил о своём исцелении, а уж если это невозможно и пришло время покидать земной мир, просил святого позаботиться о своей матушке и малых детках.

Так в молитве дошёл батюшка до храма. Немного отдышался, умылся. Зашёл в храм. Тишина. Мягкий свет от лампад, падая на иконы, освещал святые лики. Прикладываясь к иконам, священник увидел молодого красивого юношу в военной форме. Молодой человек всем видом показывал, что он очень торопится.

Священник зашёл в алтарь, приложился к Святому Престолу. Попросил старосту, находящегося уже в алтаре, сказать молодому военному, что скоро к нему выйдет. Староста вышел из алтаря и буквально сразу вернулся. Сообщи батюшке, что в храме никого нет, и даже на улице проверил, там тоже никого.

«Должно быть сам святой Иоанн приходил», – подумали батюшка и староста. Решили никому пока о случившемся не рассказывать.

С того самого времени священник исцелился и больше не страдал от недуга.

Подарок от бабушки Марии

Однажды к мощам преподобного привезли с острова Кипр из села Френаро старенькую бабушку по имени Мария Спаки. Много лет старушка ходила сторбленная почти до земли. В таком своём состоянии несчастная не могла видеть ни лиц своих родных и знакомых, ни земных красот, ни синевы бездонного неба. Горько и тяжело было бабушке от посланного испытания.

Когда бабушку подвели к раке, она не могла самостоятельно до неё дотянуться. Тогда старушку подняли на руки и дали возможность коснуться святых мощей.

Горючими слезами обливалась сторбленная пожилая женщина, с великой верой и надеждой обращаясь к Иоанну. Её горячая молитва была услышана. На глазах у всех сторбленная спина старушки вдруг выпрямилась.

От увиденного чуда все находящиеся рядом заплакали. Колокольный звон и молитвенное благодарение вознеслось к Небесам.

Бабушке Марии очень хотелось ещё чем-нибудь отблагодарить святого, но она была так бедна. У неё не было ничего, разве что палка, на которую она опиралась при ходьбе много-много лет.

Исцелённая старушка оставила святому Иоанну свою палку. И теперь всякий, кому доведётся побывать в Греции в храме святого Иоанна Русского, тот непременно увидит палку бабушки Марии у раки святого.

Капитан Иоанн

Сильный шторм неистово бушевал на одном из северных морей. Торговый корабль под грозный рёв волн бросало то вверх, то вниз, заливало палубу ледяной морской водой. Лоцманские системы управления давно были выведены стихией из строя. Корабль сбился с курса. Команду ждала неминуемая гибель.

Опытный капитан понимал, что только чудо может их спасти. Обессиленным штормом морякам он посоветовал молиться Богу. Сам отправился в корабельную каюту-часовню, встал перед иконой святого Иоанна Русского.

Всю ночь капитан молился святому, молился о спасении моряков, которых дома ждали их семьи. Когда же всё стихло и бесконечная страшная ночь осталась позади, матросы с удивлением и радостью увидели, что корабль стоит в порту.

Капитан корабля, господин Димитрий Варуцикас, был уверен, что именно святой Иоанн управлял кораблём и привёл судно в порт.

В благодарность за своё чудесное спасение и спасение корабельной команды капитан купил для храма святого Иоанна Русского дорогие подарки.

Пример искренней любви

Примером искренней любви и чистой веры может служить эта история.

Пожилой мужчина, дядя Нико, любил приезжать в храм Иоанна Русского. Всякий раз он говорил, что снова приехал к своему другу поставить свечку. Уже многие годы как они друзья. Всё, о чём дядя Нико ни попросит, друг Иоанн слышит и помогает.

А тут закрутился дядя Нико с домашними делами и давненько не был в храме. Однажды ехал он на машине и вдруг слышит голос: «Разве можно забывать друзей?» Мужчина посмотрел по сторонам. Странное дело – рядом никого. Озадаченный вышел из машины, отправился в магазин, а там по радио транслируют литургию из храма Святого Иоанна Русского.

Спохватился дядя Нико, скорее к своему другу поехал свечку поставить и помолиться.

Всадник на коне

С особой любовью святой Иоанн относится к детям. Помогает им, казалось бы, в безнадежных случаях. Так, чудесное исцеление, произошедшее с мальчиком из небольшого греческого городка, не может не вызвать возглас радости.

Мальчик не мог ходить, он страдал параличом. Однажды мальчику стало совсем плохо и его положили в больницу. День и ночь мама сидела возле постели сына. Она непрестанно молилась Пресвятой Богородице. Упрашивала Её прислать святого угодника, чтобы исцелил святой больного сыночка.

Под горячие молитвы мамы сынок крепко уснул. Во сне к нему явился красивый всадник на коне. Он сказал, что зовут его Иоанн Русский и пришёл он исцелить мальчика. Святой подал ребёнку руку, позвал сесть в седло.

Когда же настало утро, все в больнице только и говорили о парализованном мальчишке, который ночью поднялся с постели и ходил.

Босиком к святому Иоанну

Много лет в храм святого Иоанна Русского приходил молодой человек. Всякий раз на руках он держал ягнёнка. Он подходил к мощам, благодарил святого за свое чудесное исцеление.

Оказалось, когда он родился, его ножки были сильно скрючены. Много операций пришлось претерпеть малышу. В итоге врачи сказали родителям, что их сын никогда не сможет ходить. Горько было маме и папе слышать такие слова.

Родители мальчика были люди небогатые, но имели крепкую веру. Как-то отец больного ребёнка взмолился святому Иоанну Русскому, он умолял святого исцелить сына. Отец обещал весь долгий путь до храма Иоанна пройти босиком, и в дар принести единственного ягнёнка, который был в семье.

Долог был путь. Два дня и две ночи шли родители босиком по дороге, беспрестанно вознося молитвы к святому Иоанну. Отец на одной руке нёс ребёнка, на другой у него был ягнёнок.

В храм пришли к службе. Отец всю службу держал на руках сына и ягнёнка. На ночь семейство расположилось на площади возле храма. После полуночи преисполненный глубокой веры отец разбудил сына и попросил принести ему воды, уверяя мальчика, что святой Иоанн совершил чудо исцеления.

И правда, мальчик встал и впервые в жизни пошёл.

Велика чистота и сила веры благочестивого семейства. Велика радость и счастье родителей от чуда исцеления ребёнка.

То самое медное блюдо

Удивительное чудо очередной раз было явлено в храме святого Иоанна.

Однажды священник, проходя с кадилом возле иконы святого, остановил взгляд на клеймах с изображением сцен из его жизни. Глядя на изображение, где Иоанн молится возле блюда с пловом, батюшка обратился в молитве к святому Иоанну. Ему очень хотелось узнать, где находится то самое медное блюдо. Батюшке хотелось сделать с него фотографию.

В скором времени к этому священнику подошла незнакомая женщина. Она принесла старинное медное блюдо, на котором были начертаны турецкие надписи.

Женщина рассказала, что ей во сне явился святой Иоанн. Он сказал, что в доме её старенького отца, в подполе среди прочих вещей, находится старинное медное блюдо. Это блюдо нужно почистить и отнести в его храм, потому что оно ему очень нужно.

С благоговением священник взял блюдо. Это было то самое медное блюдо, которое Иоанн при своей жизни отправил своему господину Аге в Мекку.

Слёзы текли из глаз священника. Он положил блюдо на раку с мощами святого угодника. И горячей молитвой возблагодарил Господа и святого Иоанна.

Вот такой праведник святой Иоанн Русский жил в далёкие времена. Он, претерпевший вдалеке от Родины за морями, за долами земные скорби и лишения, остался верен Богу. Господь, видя труды праведника, сохранил тело его нетленным.

Неизмерима сила благодати, исходящая от мощей, и велика через неё помощь святого Иоанна Русского.

Святой праведный Иоанн Русский, моли Бога о нас!

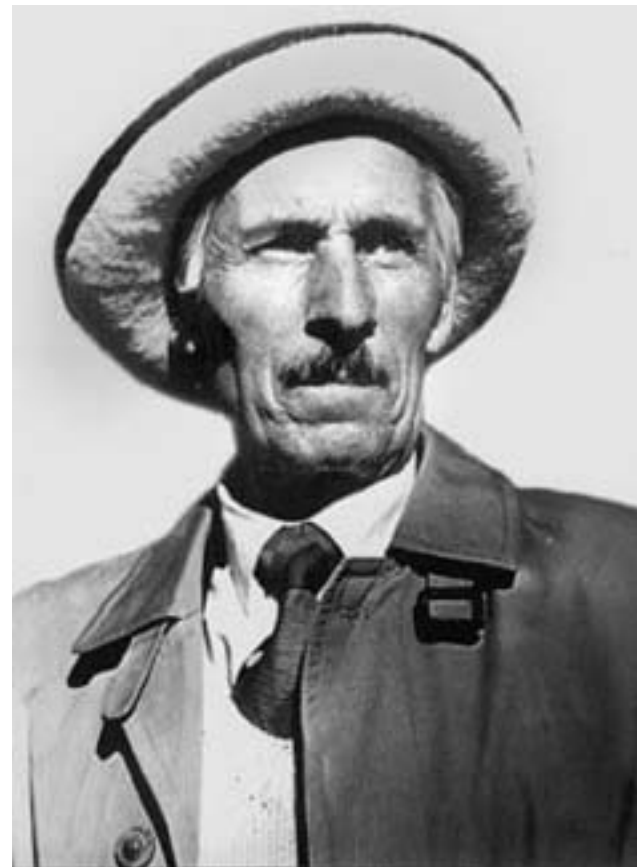
Раиса ДИДИГОВА

Истинное величие Человека

С Нафи Григорьевичем Джусойты я впервые встретилась на юбилейном вечере, посвящённом памяти Кайсына Кулиева, в связи с 95-летием со дня его рождения, состоявшемся в городе Нальчике в декабре 2012 года. Его выступление на этом вечере меня потрясло. Он излагал свои мысли удивительно просто и сдержанно, но в каждом его слове ощущалась какая-то неизъяснимая сила человеческого обаяния. Казалось, эти слова, одно за другим, открывали таинства непостижимой глубины его души, которая вмещала так много переживаний. Этот живой эмоциональный накал, который так тонко струился уже не только в словах,

Дидигова Раиса Абукаровна – родилась 9 февраля 1956 г. в с. Ванновка Тюлькубасского района Южного Казахстана. По окончании в 1979 г. Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков осуществляла свою трудовую деятельность в сфере образования и управления, а позднее – работала заместителем главы Администрации г. Назрань, заместителем начальника организационного отдела Администрации Президента Республики Ингушетия, заместителем председателя Правительства Республики Ингушетия, начальником протоколно-организационного отдела Администрации Главы Республики Ингушетия. В настоящее время активно занимается творчеством, является заместителем главного редактора газеты «Литературный Кавказ», возглавляет Правление Союза писателей Ингушетии. Народный писатель Республики Ингушетия. Живёт в Назрани.

но и в глазах, полных слёз, и во взгляде, устремившемся в такую близкую для Нафи даль безмолвия, и во всём его облике, невыразимо органично вписывался в мудрость его высказываний, проявляя всю красоту и гармонию его внутренней сущности.

Говоря о Кайсыне Кулиеве, Нафи вспоминал Чингиза Айтматова, Расула Гамзатова, Джемалдина Яндиева, Давида Кугультинова и других писателей, своих друзей, которые вместе с ним составляли ту прославленную могучую гряду. Он говорил о них как о родных братьях, с утратой которых невозможно смириться, и он продолжает общаться с ними, всегда присутствующими не только в его памяти, но и в его сердце.

Нельзя было без содрогания слушать, когда Нафи говорил об ощущении своей вины за то, что их уже нет, а он, один, оставшийся из них, продолжает жить, успокаивая себя уверенностью в том, что Всевышний продлил его жизнь для того, чтобы он, как можно больше, успел рассказать живущим о величии его почивших друзей.

Слушая Нафи, я размышляла о его собственном величии. И как-то по-особому воспринималась истина о том, что всё гениальное – просто. Наверное... потому, что подлинно.

В антракте, когда мне довелось вместе с председателем Правления Союза писателей Ингушетии Вахой Хамхоевым лично пообщаться с Нафи, он с упоением рассказывал нам различные истории братской дружбы с ингушскими коллегами по перу Джемалдином Яндиевым и Идрисом Базоркиным.

И лишь позже, общаясь с сестрой Нафи Клавдией Григорьевной, мы узнали, что он приехал на тот памятный юбилейный вечер, несмотря на тяжёлое душевное и физическое состояние, вызванное кончиной накануне его супруги. Он превозмог острую и неизбывную боль утраты, потому что не мог предать память друга.

Не в этом ли состоит истинное величие Человека?!

Раиса Дидигова

Возвысившийся, не роняя чести...

Нафи Джусойты

Утраты боль пронзительна всегда,
Особенно, когда в союз семейный
Вторгается разлука... навсегда,
Чтоб трепет уз хранить благоговейный;
От скорби не оправившись, тогда
Вы прибыли на вечер юбилейный.

Вы не могли в день памяти не быть
И к образу не прикоснуться друга,
Кулиева Кайсына. Но кружить
Всё продолжала в сердце Вашем вьюга.

Всего Кавказа совестливый сын,
Вы снова проявили безупречность,
И справедливо отмечал Кайсын
В товариществе, в дружбе Вашу верность!

Вы обаяли скромностью людей,
Их лица выражали Вам признанье;
Призывом к плодотворности идей
И к осмысленью всякого деянья,
Пренебрегая суетностью дней,
Писателей растрогали собранье.

Так просто говоря о простоте,
Вы совершенства сущность раскрывали;
О внутренней безмерной красоте
Друзей, ушедших в Вечность, вспоминали.

Пред памятью их светлую с тоской,
С любовью преклоняясь неизменной,
В том каялись, что Вы один – живой
Из той «Гряды могучей» незабвенной.

Со свойственной душевной чистотой
Означили своё предназначенье:
Поведать миру о плеяде той,
Что эпохальным видится явленьем.

Их образы являя чередой,
Вы оживляли прошлое общенье,
Чтоб каждой яркой приводить судьбой
Пример самозабвенного служенья
Народу своему, стране родной,
Восславив их гуманные свершенья.

И благодное Ваше существо
Во всём своём величии предстало,
Столь редкостное это естество
Энергией духовной потрясало.

Глаза искрились пеленою слёз,
Звучал Ваш голос грустью неизбывной;
То был порыв невоплотимых грёз
И скорбных интонаций звук призывный.

Воспоминаний тёплых дух объял,
Изыществом пленял язык Ваш русский,
Вы говорили, как объединял
Он круг собратьев неразлучных узкий,

Как с Вами в дружбе братской состоял
Яндиев Джемалдин – поэт ингушский.

Могущественной дружбы Вы певец,
Не терпящий ни суеты, ни лести
Наследия бесценного творец,
Возвысившийся, не роняя чести.

Оставили неизгладимый след
Ориентиры ценностные Ваши,
И каждый, Вами созданный, сюжет
Посылом предстаёт непреходящим:

Ногкау Ваш питает горский дух,
Доносится оттуда слово сердца,
Оно ласкает непрестанно слух
И позволяет в стужу отогреться.

Строками о войне исходит боль,
Терзая сердце стойкого солдата;
Застывшими рубцами давит соль,
О роковых напоминая датах.

Вдруг слышится иная тема строф,
Тональность изменяется звучанья;
Риторики не терпите оков
Вы, воспевая труд и созиданье.

В стихах играет живость красок вновь,
И ощутимо свежее дыханье...
Там излучает лирика любовь,
Предполагая встречи и прощанья...

И следует легенда о Коста,
Где дух поэта, что поныне вьётся,
Через судьбу народа познаётся;
В ней высота духовного родства
Меж вами Вашим словом отзовется.

Надеждой одержим солнцеворот,
Всё явственней становится свеченье,
Счастливым предрекая поворот
Во временном, пространственном теченье.

И в возвращенье Урузмага Вы
Всё ищите с героем смысл жизни,
В перипетиях непростой судьбы
Блаженство постигая доброты
В преддверии его грядущей тризны.

Печалью застывает белый снег
В том горном умирающем селенье...
Замедлило, как будто, время бег,
Природу приводя в оцепененье;

Пристанище родное – оберег,
Очаг, родство хранящий поколений,
И душ людских спасительный ковчег,
Ласкающий сердца прикосновеньем,
Незримым или явным... «Человек!
Ты Родину свою предал забвенью?!

Она ведь не простит тебя вовек!» –
Ваш голос вопрошает с изумленьем;
Накал переживаний не померк,
Продолжился он в прозе сожаленьем.

Прочувствовав тепло родной земли,
Её неповторимое дыханье,
Вы неземную ей всегда несли
Любовь, а с нею – боль и состраданье.

И Вас уже волнует предков кровь,
Душа исходит сопереживаньем;
Ведь память генетическая вновь
Потомков возвращает к испытаньям,
Когда в борьбе за Родину и кров
Их предки подвергаются страданьям.

Потомкам было суждено узнать
Самим кровавых ужасов обличье...
В статьях спешите Вы разоблачать
Политиков безнравственных двуличье.

Великой называете бедой
В послании друзьям в страну безмолвия
Пылающий наш общий дом родной –
Кавказ, что райским виделся привольем.

С грядой высокой подлинных друзей
Вы делитесь идеей благородной
О том, как через творческих людей
Вернуться к дипломатии народной;

Поборников вражды как повернуть
К истокам человеческой природы;
Преодоленья возвышая суть,
Враждующие примирить народы.

Вас будущность тревожит языков
Национальных. Для их сохраненья
Условия озвучили Вы вновь:
Народов малочисленных сплоченье (!)
И солидарность лучших их умов...
И, если состоится единенье –
Важнейшая основа из основ –
Тогда, при благосклонном отношении
Великих наций к теме всех веков,
Возможно языков родных спасенье.

В Послании палитра мудрых слов
Потомкам выражает опасенье,
Извечно угнетавшее отцов:
Народа (!) с языком исчезновенье.

Вы убежденьям преданы своим,
Но кажется Вам... тягостные мысли,
Идущие из таинства глубин,
В стихии Инобытия зависли.

И пишете, что не дождётесь Вы
Ответного друзей почивших зова
Из тонкой невозвратной стороны,
Но кликать всё же будете их снова.

Субстанция эфирных голосов
Неслышно проникает в подсознанье,
Мышления касается основ,
Чтоб умозреньем перейти в сознание...
Ответный Вы почувствуете зов,
Внушением он сменит ожиданье.

И в Ваше одиночество тайком
Проникнет удивительная нега,
Пронзая душу памятным теплом,
Навеянным с невидимого брега.

Седин неотразимым серебром
Сверкая в пелене небес лучистой,
Возьмётесь за любимое перо
И изольётесь повестью искристой...

Талант Ваш многогранен и высок,
Необычайна искренность суждений,
Неподражаем и изыскан слог,
Неизмерима ценность достижений.

